

ИМПЕРИЯ ТИШИНЫ

Пожиратель солнца

Кристофер Руоккио

Империя тишины

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Руоккио К.

Империя тишины / К. Руоккио — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (Пожиратель солнца)

ISBN 978-5-389-17953-0

Человек, которого почитали как героя и презирали как убийцу, рассказывает захватывающую историю своей жизни в дебютной книге тетралогии «Пожиратель Солнца», созданной по лучшим канонам эпической космооперы. Адриан Марло из самых благих побуждений ступил на путь, который мог окончиться только огнем. И теперь Галактика благодарна ему за истребление всех пришельцев-сельсинов. Но еще она помнит его как дьявола, уничтожившего солнце, погубив при этом миллиард людей – и даже самого императора – вопреки воле Империи. Адриан не был героем. Не был он и чудовищем. И даже просто солдатом. Сбежав от отца, который уготовил ему будущее палача, Адриан оказался на чужой отсталой планете, без средств к существованию. Он был вынужден сражаться в гладиаторских боях и выживать среди интриг при дворе планетарного владыки, и в конце концов отправился на войну, которую не начинал, за Империю, которую не любил, против врага, который так и остался загадкой. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-17953-0

© Руоккио К., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	44
Глава 8	50
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	69
Глава 12	76
Глава 13	81
Глава 14	87
Глава 15	91
Глава 16	95
Глава 17	99
Глава 18	103
Глава 19	110
Глава 20	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Кристофер Руоккио

Империя тишины

Моим бабушкам и дедушкам:

Альберту и Элеанор, Деслан и Джеймсу.

Мне потребовалось слишком много времени, чтобы это закончить.

Простите, что опоздал.

Благодарности

При слове «автор» в уме возникает образ сурового отшельника. Кто-то, возможно, представит себе дряхлого, почти слепого Мильтона, сгорбившегося над письменным столом при свете свечи. И хотя отшельничество – главная составляющая этой профессии, не стоит считать писателя совершенно одиноким человеком. Вот почему я с готовностью выделяю место, чтобы поблагодарить всех, кто помог мне довести этот труд до конца.

Было бы ошибкой не начать список с имен моих родителей – Пола и Пенни. Хотя я порой недостаточно ценил их помощь, они продолжали поддерживать меня, не обращая внимания на мой неблагодарный характер. Я действительно счастлив, что у меня такие родители, но и немного смущен. Отдельного упоминания заслуживают мои братья. Мы с Мэтью и Эндрю не всегда ладили, однако теперь подружились, и это невыразимо радует меня в последние годы. Если бы я начал перечислять всех родственников, которым должен выразить признательность, то мне пришлось бы опубликовать наше генеалогическое древо, поэтому здесь будет только короткий список. Спасибо дяде Джону, научившему меня разбираться в контрактах; Брайану, прочитавшему эту книгу раньше всех в семье; дяде Питу, снисходительно относившемуся к моим расспросам об искусстве и показавшему мне, что творческий человек может быть успешным; моей бабушке по материнской линии Деслан, купившей для меня книгу «Властелин Колец», которая вместе со «Звёздными Войнами» пробудила во мне желание рассказать эту историю. И всем остальным – за то, что они лучшая семья на свете, намного лучше, чем я на самом деле заслуживаю.

Было бы несправедливо, поблагодарив родных, ничего не сказать о моих друзьях – второй семье, которую я для себя выбрал, или же они выбрали меня (по не вполне понятным причинам). Как и с родственниками, мне повезло с ними больше, чем я заслуживаю. Спасибо Эрин Д., моему самому давнему другу и самому строгому критику; Мареку, истинному д'Артаньяну; Энтони, Джордану и Джо – всем троим братьям; Виктории, капитану бета-ридеров; спасибо Дженне за помощь и тяжелую работу на моем веб-сайте (и за многое-многое другое); Эрин Х. и Джексону; а еще Мэдисон и Кайлу за многолетнюю дружбу и поддержку. И Кристоферу-Маркусу, – от которого Тор Гибсон получил свое имя, – возможно, больше всего прочего за бесконечные обсуждения и разъяснения. Arete, друзья мои.

Отдельное спасибо моим учителям: Энн Суинни, Дайан Бакли, Крису Саттону и Никки Райту, поощрявшим мое увлечение литературой. Присцилле Чеппел, четыре года терпевшей меня в средней школе, когда я был особенно невыносим; доктору Джо Хоффману, привнесшему в историю ясность и взаимосвязи, о которых я даже представления не имел; и Крейгу Гохину, показавшему мне, что научная фантастика и фэнтези – это не только Герберт и Толкин. Доктору Марвину Ханту, Кэт Уоррен и Этте Барксдейл за то, что превратили колледж в место, достойное затраченных на него денег и времени. Особую благодарность нужно выразить Сэму Уиллеру, с чьей помощью я сумел представить, как именно человек может съесть солнце, а также разобрался с другими проблемами физики, значительно превосходящими способности

обычного английского студента; и доктору Джону Кесселу, моему наставнику, за ответы на мои полные вопросов письма и совет отказаться от этого дурацкого рамочного повествования.

Я не могу не поблагодарить всех, кто участвовал в издании книги. Прежде всего, Бетси Уоллхейм и Шейлу Гилберт из DAW и, конечно, членов этой команды, в особенности моего редактора Кэти за ее интуицию и терпение при работе со мной. Спасибо Саре, моему первому редактору, а также Джиллиан Редферн и всем остальным из «Gollancz». Моим агентам Шоне Маккарти, Дэнни Бэрору и Хизер Бэрор-Шапиро за их потрясающую поддержку. Я и мечтать не мог о лучших агентах, честное слово. И наконец, спасибо Тони Вайскопфу и всем моим коллегам по «Ваен» – и не только за то, что приняли меня на работу.

Спасибо вам.

ḡ.ṽ ṣṭ ṡṡḡ ṡ ḱ.ḡṽ.εḡ.ḡḡḱḱ
ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ
ṡṭ ḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡḡḡ ḡḡ ṣṭ ḡḡḡḡ:
ḡḡḡḡ ḡḡ ṣṭ ḡḡḡḡ.ḡḡḡḡ ḡ
ḡḡ ḡḡḡḡ ṡ ḡḡ ḡḡḡḡ ḡ ḡḡḡḡ:

ХРОНИКИ ПОЖИРАТЕЛЯ СОЛНЦА АДРИАНА МАРЛО,
ПОВЕСТВУЮЩИЕ О ВОЙНЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ
И СЬЕЛЬСИНАМИ.

ПЕРЕВЕДЕНЫ НА КЛАССИЧЕСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ
ТОРОМ ПАУЛОСОМ ИЗ НОВ-БЕЛГАЭРА НА КОЛХИДЕ.

Глава 1

Адриан

Свет.

Свет этого убитого солнца все еще обжигает меня. Я чувствую сквозь сжатые веки, как он сияет из прошлого, озаряя тот проклятый день всполохами неопишемого пожара. В нем есть что-то священное, словно это свет обители самого Бога, свет, испепеляющий миры, а заодно с ними и миллиарды жизней. Он всегда остается со мной, опалая задворки моей памяти. Я не собираюсь ничего отрицать, оправдываться или извиняться за то, что сделал. Мне ли не знать, кто я такой.

Допустим, схоласты начали бы с самых истоков, с наших отдаленных предков – пилигримов, проторивших на слабых суденышках путь из системы Старой Земли к новым живым мирам. Но нет. Потребовалось бы больше бумаги и чернил, чем хозяева передали в мое распоряжение, да и не хватило бы даже моих, не сравнимых ни с чьими другими, запасов времени.

Тогда, наверное, мне следовало бы рассказать о войне? Начать с того, как из глубин космоса прорвались похожие на ледяные замки корабли расы сьельсинов? Но вы и сами можете найти военные хроники и ознакомиться с отчетами о потерях. Статистика. Документы совсем не помогут понять, какую цену мы заплатили. Разрушенные города, сожженные планеты. Бесчисленное количество людей, вывезенных из родных миров, чтобы стать пищей и рабами этих бледных монстров. Целые роды, более древние, чем сама Империя, погибли в свете и пламени. Свидетельств этому нет числа, но их все равно недостаточно. Империя же изложила официальную версию, которая заканчивается моей казнью: Адриан Марло был повешен на глазах у всех миров.

Не сомневаюсь, что эта книга будет пылиться в архиве, где я ее оставляю, – одна из сотен миллионов на Колхиде. Забытая всеми. Возможно, оно и к лучшему. У нас и так с избытком тиранов, с избытком убийств и геноцида.

Но вдруг вы все-таки решите прочитать откровения того, кто прослыл ужасным чудовищем. Вы не позволите предать меня забвению, потому что захотите узнать, каково это – летать на самом невероятном корабле во Вселенной и вырывать сердце у звезды. Захотите ощутить жар двух сожженных цивилизаций и встретиться с драконом, демоном, что носит имя, данное мне отцом.

А значит, давайте отринем политику и строевые марши Империи. Отбросим и историю возникновения человечества в огне и пепле Старой Земли, и покрытое мраком неизвестности появление сьельсинов. Это давно записано на всех языках людского рода и подвластных ему рас. Начнем с того, рассказать о чем я имею полное право: с моего рождения.

Я был старшим сыном и наследником Алистера Марло, архонта префектуры Мейдуа, Лионского Мясника и лорда Обители Дьявола. Дворец из темного камня – не лучшее место для ребенка, но это был мой дом, где я рос среди логофетов и облаченных в доспехи пельтастов¹, служивших моему отцу. Только ему нужен был не ребенок, а наследник его ломтика Империи, продолжатель знатного рода. Отец назвал меня Адрианом – дал древнее имя, не имеющее никакого смысла, кроме памяти о тех героях, что носили его до меня. Имперское имя, подходящее для правителя и преемника.

Опасная штука – имя. Нечто вроде проклятия, обрекающее соответствовать ему, а может, скрытый шанс избежать предназначения. Я прожил долго, намного больше, чем способна предложить великим домам пэров генетическая терапия, и получил множество имен. Во время

¹ См. Глоссарий.

войны меня называли Адрианом Полусмертным и Адрианом Вечным. После войны – Пожирателем Солнца. Для несчастных обитателей Боросево я – мирмидонец Адр. Для джаддианцев – Эл Нероблис. Для съельсинов – Оймн Белу и еще хуже того. Кем я только не был: солдатом и клерком, военачальником и пленным, колдуном и ученым, и чуть ли не рабом.

Но прежде чем стать всем оным, я был сыном.

Для моей матери это были поздние роды. Вместе с отцом она наблюдала со зрительских мест хирургического театра за тем, как меня достают из инкубатора. Схоласты, описывая мое рождение, утверждали, что во рту у малышки был полный набор зубов. Так всегда происходит пополнение в аристократических семьях: не подвергая мать неудобствам, под бдительным оком специалистов из Имперской Высокой коллегии, следящих за тем, чтобы генетические отклонения не обернулись дефектами у младенца и не испортили родовую кровь. Кроме того, традиционный способ деторождения требовал, чтобы мать делила ложе с отцом, чего ни он, ни она не намерены были делать. Как и многие другие нобили, мои родители заключили брак по политической необходимости.

Мать, как я позже выяснил, предпочитала проводить время с женщинами и редко посещала фамильный особняк, встречаясь с супругом лишь на официальных мероприятиях. Отец же полностью отдавался работе. Лорд Алистер Марло был не из тех, кто потакает собственным слабостям. Слабостей у него фактически не было. Его заботили только дела и доброе имя нашего дома.

К моменту моего рождения Крестовый поход бушевал уже три века, если вести отсчет со сражения против съельсинов у Крессгарда. Но это случилось в двадцати тысячах световых лет от Империи, где Вуаль открывает проход к рукаву Наугольника. Когда отец с благими намерениями решил объяснить мне всю тяжесть положения, ситуация в целом была спокойной, за исключением того, что раз в десять лет среди плебеев проводился набор в Имперские легионы. От переднего края нас отделяли многие годы полета даже на самом быстром корабле. И, несмотря на тот факт, что съельсины представляли собой наибольшую угрозу, с какой человечеству приходилось сталкиваться со времен гибели Старой Земли, все выглядело не так уж страшно.

Отец почти сразу передал меня на воспитание слугам, чего и следовало ожидать от такого человека. Всего через час после моего рождения он без колебаний вернулся к насущным проблемам, требующим слишком много внимания, чтобы отвлекаться еще и на сына. Мать возвратилась в дом своей матери, в привычное общество сестер и любовниц; как я уже говорил, ее не интересовал скучный семейный бизнес.

Этот бизнес был связан с ураном. Во владениях отца располагалось одно из самых обширных месторождений всего сектора, и наша семья из поколения в поколение занималась его разработкой. Деньги, которые отец получал от консорциума «Вонг-Хоппер» и Союза свободных торговцев, сделали его самым богатым человеком на Делосе, богаче даже наместницы императора – моей бабушки.

Мне было четыре года, когда родился Криспин. Мой младший брат сразу показал себя идеальным наследником, во всяком случае, по мнению отца. В два года он был таким же большим, как я в свои шесть, а в пять уже стал на голову выше меня. Эту разницу мне так и не удалось наверстать.

Я получил лучшее образование, какое только может быть у сына архонта. Наш кастелян сэр Феликс Мартин был моим наставником в умении сражаться на мечах, обращаться с поясом-щитом, плазменным пистолетом и копьем. Он тренировал меня, не позволяя предаваться праздности. От Элен, нашего мажордома, я усвоил представления об этикете – всех тонкостях, связанных с поклонами, приветствиями и публичными выступлениями. Я научился танцевать, ездить верхом, управлять лодкой и шаттлом. От Абиаты, старого капеллана, заботившегося в

святилище о колокольне и алтаре, я перенял не только молитвы, но и скептицизм, поскольку даже священников одолевают сомнения. От его начальника, приора Святой Земной Капеллы, я узнал, как бороться с этими сомнениями, поскольку они ведут к ереси. И конечно, на меня повлияла мать, рассказывавшая всевозможные легенды: о Симеоне Красном, Сиде Артуре и Касии Сулье. Легенды о Кхарне Сагаре. Можете смеяться, но в них таится особая магия, которую нельзя не почувствовать.

А еще был Тор Гибсон – тот, кто преподавал мне первые уроки и сделал меня таким, какой я есть. «Образованность – родная мать глупости, – говорил он. – Помни, что величайшее из знаний – это способность понять собственное невежество». Гибсон постоянно рассуждал в подобном духе. Он преподавал мне риторику, арифметику и историю. Объяснял биологию, механику, астрофизику и философию. Это он изучал со мной языки и привил любовь к слову. К десяти годам я владел мандарийским так же хорошо, как любой ребенок межзвездных корпораций, и мог читать огненные гимны Джадда, как истинный приверженец этой религии. Но самое важное: он рассказал мне о сьельсинах – кровожадной, хищнической расе, ставшей бичом пограничных миров нашей цивилизации. Он открыл для меня очарование ксенобитов и их культуры. И остается только надеяться, что учебники истории не проклянут его за это.

– Выглядишь вполне уверенно, – сказал Тор Гибсон, и его голос прозвучал как порыв сухого ветра в неподвижном воздухе тренировочного зала.

Я выполнял сложный комплекс упражнений на гибкость – медленно раскрутился из одной замысловатой позы и плавно заплелся в другую.

– Скоро придут сэр Феликс и Криспин, – ответил я. – Хочу подготовиться как следует.

Через маленькое арочное окно в каменной стене донесся крик морской птицы, приглушенный защитными экранами.

Старый схоласт с неизменно невозмутимым видом подошел ко мне, шаркая туфлями по мозаичной плитке. Хотя годы и согнули его спину, наставник все еще был выше меня, а грива седых волос и бакенбарды придавали ему некоторое сходство со львами из зверинца императорской наместницы. Его широкое лицо расплылось в улыбке.

– Хочешь посадить младшего мастера на задницу?

– Какую задницу? – усмехнулся я, касаясь в наклоне пальцев ног, и от напряжения мой голос слегка задрожал. – Которая у него между ушей?

Улыбка Гибсона погасла.

– Не стоит так говорить о своем брате.

Я пожал плечами, подтянул ремешок дуэльного колета, чтобы тот плотней прилегал к рубашке, и прошлепал босиком к стойке с учебным оружием. Оно дожидалось своего появления в кругу – огороженной, чуть приподнятой над полом деревянной площадке двадцати футов в поперечнике, предназначенной для тренировочных поединков.

– Гибсон, а потом у нас еще будут занятия? Не думаю, что мы здесь допоздна.

– Что? – переспросил он, наклонив голову, и подошел чуть ближе.

Это напомнило мне, что он не молод, хотя по-прежнему легко движется. Он не был молод уже тогда, когда орден назначил его наставником моего отца, чей возраст теперь приближался к тремстам стандартным годам.

Гибсон сложил лодочкой загрубелую ладонь и поднес ее к уху:

– Что ты сказал?

Обернувшись, я выпрямил спину, как меня учили. Со временем я должен быть стать архонтом этого старинного замка, а ораторское искусство всегда оставалось излюбленным оружием палатинов.

– Думаю, мы позанимаемся позже? – повторил я четче.

Он не забыл об уроках. Гибсон никогда ни о чем не забывал – и это качество можно было бы назвать удивительным даром, не будь оно основным требованием для ремесла схоласта. Его специально готовили, чтобы заменить греховные машины, запрещенные указом Святой Земной Капеллы, и он просто не был способен что-то забыть. Он покашлял в рукав изумрудного цвета и посмотрел на камеру-дрона, висевшую под сводчатым потолком.

– Да, Адриан, позже. Я надеялся переговорить с тобой без свидетелей.

Затупленная фехтовальная палка чуть не выскользнула из моей ладони.

– Сейчас?

– Да, пока не пришли твой брат с кастеляном.

Я поставил оружие на место, между рапирами и саблями, избавляя дрон от необходимости приглядывать за мной, поскольку прекрасно знал, что его оптика настроена на меня. Я был старшим сыном архонта и потому находился под такой же защитой – и наблюдением, – как сам отец. В Обители Дьявола были места, где действительно можно укрыться от всех, но не поблизости от тренировочного зала.

– Здесь?

– В клуатре, – сказал Гибсон и на мгновение смутился, посмотрев на мои босые ступни. – Ты без обуви?

Мои ноги не были ногами изнеженного нобиля. Они больше подошли бы крестьянину – у меня были такие грубые мозоли, что я заклеивал пластырем суставы больших пальцев, чтобы не содрать кожу.

– Сэр Феликс сказал, что ходить босиком – это хорошая тренировка.

– Неужели?

– Он объяснил, что так меньше шансов подвернуть лодыжку... – Я осекся, сообразив, что времени в обрез. – Наш разговор... нельзя подождать? Они скоро будут здесь.

– Так уж и быть, – покачал головой Гибсон, разглаживая короткими пальцами мантию и бронзовый пояс.

Рядом с ним я чувствовал себя оборванцем в своем тренировочном костюме, хотя, по правде говоря, его одежда была довольно скромной: обычный зеленый хлопок, но такого яркого оттенка, что казался живой самой листвы.

Старый схоласт хотел еще что-то сказать, но тут двойные двери со стуком распахнулись, и в зал вошел Криспин с волчьей ухмылкой на лице. Мы с братом были абсолютно не похожи: он высокий, а я низкорослый; он крепкого телосложения, а я тонкий, как тростинка; у него широкие скулы, а у меня узкие. Однако при всем этом наше родство нельзя было отрицать. Одинаковые черные как смоль волосы, мраморная кожа, нос с горбинкой, круто изогнутые брови и лиловые глаза. Совершенно очевидно, что мы оба были продуктом одной констелляции и наш геном создавался по одному и тому же шаблону. Палатинские дома – великие и не очень – прилагали неимоверные усилия, чтобы знающие люди могли определить принадлежность к тому или иному знатному дому по наследственным особенностям лица и строения тела с такой же легкостью, как по гербу на одежде или по цветам на знаменах.

Сразу же за Криспином вошел внушительный, как скала, кастелян сэр Феликс Мартин, одетый в кожаный дуэльный камзол с закатанными выше локтя рукавами.

– Ого! – заговорил он первым, подняв руку в перчатке. – Ты уже здесь?

Я вслед за Гибсоном шагнул им навстречу:

– Просто решил разогреться, сэр.

Кастелян, наклонив макушку, поскреб спутанную копну черных с проседью волос.

– Ну что ж, очень хорошо, – одобрил он и, заметив моего учителя, воскликнул: – Тор Гибсон! Странно видеть вас в такой час не в клуатре.

– Я искал Адриана.

– Он вам нужен? – уточнил рыцарь, заложив большие пальцы за ремень. – Мы должны заниматься.

Гибсон быстро покачал головой и согнулся в полупоклоне перед кастеляном:

– Я могу подождать.

С этими словами он вышел. Дверь закрылась за ним с приглушенным «бум», разлетевшимся по сводчатому залу. Криспин сразу спародировал походку ссутулившегося, подавшегося всем корпусом вперед Гибсона. Я свирепо посмотрел на него, и брат был настолько любезен, что изобразил на лице смущение, потирая ладонями угольно-черный ежик волос.

– Щиты на полную мощность? – спросил сэр Феликс и негромко, сухо хлопнул в ладоши. – Очень хорошо.

В легендах почти всегда героев обучает искусству боя какой-нибудь перегревшийся на солнце отшельник, доморощенный мистик, который заставляет учеников гоняться за кошками, чистить повозку или сочинять стихи. Говорят, что в Джадде мастера меча – маэсколы – тоже занимались всем этим, и могли пройти годы, прежде чем им разрешали просто прикоснуться к мечу. Но только не я. Мои занятия с Феликсом Мартином сводились к утомительной, бесконечной муштре. Много часов в день я проводил под его присмотром, обучаясь владеть своим телом. Никакой мистики, только долгие однообразные упражнения, пока атакующие и защитные приемы не станут такими же легкими и естественными, как дыхание. Среди палатинов Соларианской империи – как мужчин, так и женщин – умение владеть оружием считалось одним из главных достоинств не только потому, что многие стремились получить рыцарское звание или поступить на службу в Имперские легионы, но и потому, что дуэли были прекрасным клапаном, спускающим давление обычаев и предрассудков, которые в противном случае могли вскипеть настоящей вендеттой. Таким образом, от любого отпрыска любого знатного рода можно было ожидать, что рано или поздно он возьмется за оружие, чтобы защитить свою честь и честь своего дома.

– Знаешь, я задолжал тебе с прошлого раза, – сказал Криспин, когда мы закончили разминку и встали лицом к лицу посреди фехтовального круга.

Пухлые губы брата изогнулись в кривую ухмылку, благодаря которой он казался таким же тупым, как и его оружие.

– Тогда нападай первым, – усмехнулся я в ответ, надеясь, что выгляжу при этом не столь самодовольно.

Я поднял меч и принял оборонительную позицию, ожидая сигнала сэра Феликса. Снаружи донесся крик пролетавшей низко над замком птицы, от которого задрожали алюминиевые оконные панели, а волосы у меня на голове встали дыбом. Я коснулся рукой пряжки пояса и приготовился активировать энергетический щит. Брат повторил мое движение, положив меч плоской стороной себе на плечо.

– Криспин, что ты делаешь? – резко, будто щелчок кнута, прозвучал в тишине голос кастеляна.

– А что?

Как всякий хороший педагог, сэр Феликс решил подождать, пока воспитанник сам поймет свою ошибку. Этого так и не случилось, и он ударил Криспина тренировочным мечом. Мой брат вскрикнул и уставился на учителя.

– Если ты, мальчик, вот так положишь себе на плечо не этот меч, а настоящий, из высшей материи, то останешься без руки, – строго сказал кастелян. – Держи лезвие подальше от себя. Сколько можно повторять?

Я подправил свою защиту.

– Из высшей материи... я этого не забуду, – смущенно ответил Криспин.

Он сказал правду. Мой брат вовсе не был дураком. Но для человека, которому предсказывали громкую славу, ему не доставало серьезности.

– А теперь послушайте меня оба, – рявкнул Феликс, пресекая речь Криспина. – Ваш отец отдаст меня катарам, если я не сделаю из вас первоклассных бойцов. Вы дьявольски способные ребята, но «способный» еще не означает, что от вас будет толк в настоящей схватке. Тебе, Криспин, нужно подтянуть технику. При каждом движении ты открываешься для ответного удара. А ты... – он показал тренировочным мечом на меня, – у тебя, Адриан, техника хорошая, но не хватает решительности. Ты оставляешь противнику слишком много времени, чтобы восстановить силы.

Я принял его критику без всяких возражений.

– En garde!² – сказал учитель, держа свой меч плашмя между нами. – Щиты!

Мы надавили пальцами на пружки, активируя защиту. Энергетическая завеса ничего не меняет в том, что связано с поединком на мечах или борьбой без оружия, но привыкнуть к тем слабым искажениям света, что вызывает эта прозрачная мембрана, очень полезно. Поле Ройса без труда отклоняет высокоскоростные воздействия; оно способно остановить пулю, задержать плазменный разряд, рассеять электрический импульс нейронного дисраптора. Но ничем не поможет против меча.

Феликс опустил клинок, словно палач... которым он когда-то и был.

– Начали!

Криспин разорвал дистанцию и замахнулся мечом, вкладывая в удар всю силу рук и плеч. Я посмотрел на этот взрыв, случившийся на расстоянии в световой год от меня, и поднырнул под свистнувший над головой клинок. Развернувшись, я снова принял стойку справа от Криспина, в превосходной позиции для атаки в незащищенный бок и спину. Вместо этого я просто оттолкнул его.

– Стоп! – гаркнул наставник. – Адриан, у тебя был отличный шанс!

Так мы продолжали, казалось, час за часом, прерываясь лишь для того, чтобы выслушать ругань сэра Феликса. Криспин сражался как ураган, ударяя то сверху, то сбоку, прекрасно зная, что превосходит меня и в силе, и в длине рук. Каждый раз я перехватывал его меч своим и отскакивал на край круга. Я всегда благодарил судьбу за то, что первым моим спарринг-партнером был Криспин. Он шел вперед, словно грузовая платформа, словно комбайн-дрон, сметающий огромными ручищами все подряд. Его рост и сила прекрасно подготовили меня к поединкам со съельсинами, самый маленький из которых был почти двухметрового роста.

Криспин пытался прижать мой клинок к полу, чтобы выгадать время для удара по ребрам. Однажды я уже попался на эту уловку – и почувствовал, как под колетом расцветает синяк. Мои ноги шаркнули прочь, и Криспин пролетел мимо. Вложив все силы в атаку, он поскользнулся, и я свободной рукой шлепнул его по уху. Он пошатнулся, а я ударил его уже мечом.

– Очень хорошо, – хлопнул в ладоши Феликс, приказывая нам остановиться. – Без обычной концентрации, но ты действительно достал его.

– Два раза, – сказал Криспин, потирая ухо. – Дьявол, как больно.

Я протянул ему руку, чтобы помочь подняться, но он оттолкнул ее и со стоном выпрямился сам.

Феликс предоставил нам мгновение передышки, а затем скомандовал снова занять позиции:

– Начали!

Его клинок щелкнул по деревянному полу, и мы рванулись в схватку. В момент атаки Криспина я ушел вправо и парировал его удар. Брат промелькнул мимо меня. Я попытался ударить его в спину, но опоздал. Феликс недовольно выдохнул сквозь зубы.

Криспин стремительно развернулся, и его клинок по широкой дуге полетел ко мне. Я ожидал этого и успел отскочить – опустив меч, сделал выпад. Криспин отбил мое нападение и

² В боевую стойку! (фр.).

нацелился мне в правое плечо. Восстановив равновесие, я вывернул кисть и зацепил его меч своим. Он крепко держал оружие, но изогнулся и открыл спину.

– Какого дьявола, Криспин! – побагровел от огорчения кастелян. – Что ты опять делаешь?

Мощный возглас сэра Феликса заставил Криспина остановиться, а я звучно треснул его по животу. Мой противник охнул и свирепо посмотрел на меня из-под бровей.

Рыцарь-кастелян шагнул в круг, не отводя мрачного взгляда от моего брата:

– Какую часть фразы «нужно подтянуть технику» ты не понял?

– Вы отвлекли меня! – сорвался на визг Криспин. – Я сопротивлялся.

– У тебя был меч! У тебя была свободная рука! – Сэр Феликс покачал перед собой раскрытой ладонью. – Давайте еще раз.

Криспин отпрыгнул к стартовой линии, подняв оружие обеими руками. Я отклонился вправо и выставил меч, чтобы отбить размашистый удар брата. Развернувшись, я атаковал его со спины, но Криспин успел блокировать мой ответный выпад и оскалил зубы. Глаза его горели яростью. Он отбросил мой клинок в сторону, пригнулся и протаранил меня плечом, пытаясь сбить с ног и вышвырнуть из круга. Я упал на пол и ударился спиной так, что перехватило дыхание. Криспин возвышался надо мной – шесть футов разъяренных мышц, облаченных в черное.

– Тебе повезло, брат.

Его пухлые губы снова дернулись в усмешке. Он пнул меня в ребра, и я скривился от боли, жадно ловя воздух ртом. Мне было не до того, чтобы слушать разглагольствования брата, как я ни за что не достал бы его, если бы дрался честно. Возможно, сэр Феликс и ответил ему, но я не расслышал. Криспин замолчал и повернулся, чтобы уйти. Я зацепил ногой его лодыжку и дернул на себя. Он упал и ударился лицом о край круга. В одну секунду я вскочил и поднял с пола меч. Поставил босую ступню на спину Криспина и ткнул концом клинка ему в висок.

– Достаточно! – крикнул сэр Феликс. – Давайте еще раз.

Глава 2

Как далекий гром

Узкие окна кельи Гибсона были раскрыты. Во дворе, двенадцатью этажами ниже, слуги ухаживали за садом камней. Белый солнечный свет проникал через яичную скорлупу неба, отбрасывая яркие блики на беспорядок в комнате. Полки вдоль стен были забиты книгами до отказа, так что те сыпались, словно снег, на гору других книг. На полках стояли также подставки для информационных кристаллов и кассет с микрофильмами, но и тех и других было в сотни раз меньше, чем книг.

Схоласт читал.

Из-за древней ереси схоластам был запрещен доступ даже к тому ограниченному кругу технологий, которыми Святая Земная Капелла позволяла пользоваться знатным имперским домам. Исключение делалось лишь для умственных изысканий, и потому книги, хранившие мысли, как янтарь попавшую в смолу муху, были величайшим сокровищем. Так и жил Гибсон – сутулый старик в потертом кресле, выставленном под солнечный свет. Мне он казался магусом из древних сказок, словно тень, отброшенная через века самим Мерлином. Это знания, а вовсе не прошедшие годы сгорбили его спину. Он был для меня не столько наставником, сколько представителем старинного ордена жрецов философии, уходящего корнями во времена основания Империи или даже еще дальше, к повелителям машин мерикани, вымершим шесть тысяч лет назад. Схоласты были советниками императоров, они летали к темным областям, расположенным вне досягаемости света звезд, и к странным планетам. Они были частью той силы, что дарила людям изобретения и открытия, и обладали памятью и знаниями, непостижимыми для обычного человека.

Я хотел быть одним из них, таким как Симеон Красный. Хотел получить ответы на свои вопросы и доступ ко всевозможным секретам, поэтому и попросил Гибсона обучить меня языку сьельсинов. Звездам нет числа, но я был уверен, что этот старик может назвать каждую из них по имени. Я чувствовал, что если пойду вслед за ним по пути схоласта, то узнаю все тайны, скрытые за этими звездами, побываю там, куда не дотянутся даже руки моего отца.

Из-за слабого слуха Гибсон не заметил моего прихода и вздрогнул, когда я кашлянул за его плечом.

– Адриан! Кости Земли, и давно ты здесь, приятель?

Памятуя о том, что стою перед своим наставником, я исполнил полупоклон, который мне когда-то показал учитель танцев.

– Всего одно мгновение, мессир. Вы хотели меня видеть?

– Что? Ах да, да...

Гибсон перевел взгляд на дверь, убедился, что она закрылась после моего появления, и уткнулся подбородком себе в грудь. Я знал, что это за жест: глубоко въевшаяся в сознание паранойя дворцового долгожителя, импульсивное желание проверить, нет ли поблизости камер-дронов и жучков. Им нечего было делать в клуатре схоластов, но никто не мог быть полностью в этом уверен. Уединение и тайна личной жизни – вот истинное богатство нобилей. Как редко это удается осуществить и как высоко ценится! Гибсон покосился на фиксатор дверной ручки и перешел со стандартного галактического на лотрианский язык, которого, как ему было известно, не понимал ни один слуга в замке.

– Об этом нельзя говорить. Таков приказ. Запрещено, понятно?

Эти слова заинтриговали меня, и я присел на низкий табурет, убрав с него стопку книг.

– Здесь беспорядок, – сказал я, подстраиваясь под лотрианский наставника.

– Нет прямой связи между беспорядком на рабочем месте и беспорядком в голове.

Схоласт отбросил со лба непослушные седые волосы, но пряди снова упали на лицо.

– Разве чистоплотность не сродни праведности? – спросил я, изо всех сил пытаюсь справиться со странностями чужого языка.

Лотрианский не имел личных местоимений и вообще не распознавал отдельные личности. Я слышал, что у этого народа нет даже имен.

– Дерзить изволите? – фыркнул старик и, тихо кашлянув, почесал бакенбарды. – Хорошо, хватит об этом. Есть неожиданная новость. Получена вчера ночью и еще не объявлена.

Он глубоко втянул воздух и продолжил сдержанным тоном:

– Делегация консорциума «Вонг-Хоппер» будет здесь не позднее чем через неделю.

– Через неделю?

Я был так потрясен, что на мгновение забыл о лотрианском и сказал:

– Почему я ничего об этом не слышал?

Схоласт строго посмотрел на меня поверх крючковатого носа и ответил на лотрианском:

– КТ-волна пришла несколько месяцев назад. Консорциум отменил все обычные торговые рейсы ради этого перелета.

То, что он сказал дальше, не было никак подготовлено, не было смягчено:

– Цай-Шэнь атакована. Уничтожена съельсинами.

– Что? – вырвалось у меня на галсани, но я опомнился и повторил на лотрианском: – Iuge?

Гибсон просто разглядывал меня, словно я был амебой в магической чашке Петри.

– Флот консорциума получил сообщение с Цай-Шэнь незадолго до того, как планета погибла.

Не правда ли, странно, насколько бесстрастно и отстраненно воспринимаем мы величайшие катастрофы в истории – как далекий гром. Описание одной-единственной смерти древнего короля становится трагедией, а геноцид можно понять только с помощью статистики. Я никогда не покидал свой родной Делос, никогда не видел Цай-Шэнь. Для меня это было всего лишь название. В словах Гибсона содержался груз миллионов смертей, но ни одна из них не легла на мои плечи. Возможно, вы решите, что я чудовище, но мои молитвы и мои действия не могли воскресить этих людей или погасить пламя, поглотившее их планету. Точно так же, как не могли исцелить мужчин и женщин, искалеченных Капеллой. Какой бы силой я ни обладал как сын своего отца, она простиралась лишь настолько, насколько мне было позволено. Я встретил новость без траурных речей, и первоначальный шок сменился безучастным принятием факта.

В глубине моей души проснулось что-то холодное и расчетливое, и я сказал:

– Они прилетят за новыми запасами урана.

Заговорил совсем как отец.

Призрачная улыбка на лице схоласта подтвердила мою правоту еще до того, как он сам это признал.

– Очень хорошо!

– Ну а что еще это может значить?

Гибсон шумно заерзал в кресле, кряхтя и словно бы жалуясь на жизнь.

– С уничтожением Цай-Шэнь дом Марло становится крупнейшим лицензированным поставщиком урана во всем секторе.

Я сглотнул слюну и подпер рукой подбородок:

– Значит, они хотят заключить сделку? На шахты?

Гибсон не успел сформулировать ответ, как у меня в голове возник еще более мрачный вопрос, который я не смог бы задать на лотрианском и поэтому прошептал:

– Почему мне не сказали об этом?

Схоласт не ответил, но я вспомнил его первые слова и выдохнул:

– Приказ.

– Да, – кивнул он, пытаясь снова втянуть меня в разговор на лотрианском.

– Именно мне? – Я резко выпрямился. – Он приказал не говорить именно мне?

– Нам было велено не сообщать новость никому, кроме тех, кто имеет допуск службы пропаганды, или по личному разрешению архонта.

Я встал и, позабыв обо всем, продолжил на галстани:

– Но, Гибсон, я ведь его наследник. Он не должен... – Я запнулся, поймав на себе разгневанный взгляд наставника, и вернулся к лотрианскому: – Такое нельзя скрывать.

– Не знаю, что сказать тебе на это. Честное слово, мой мальчик, не знаю, – плавно перешел он на джаддианский, оглянувшись на окно, за которым мимо витражных стекол проходили по лесам строительные рабочие.

Если бы я вытянул шею, то смог бы увидеть за крепостной стеной серые просторы Океана Аполлона, простирающиеся на восток до самого изгиба мира.

– Продолжай вести себя так, будто ничего не слышал, а сам готовься. Ты ведь понимаешь, на что будет похожа эта встреча.

Нахмурившись, я втянул одну щеку и вслед за Гибсоном перешел на другой язык:

– А как насчет съельсинов? Это точно было их нападение?

– Я сам видел запись атаки. Консорциум передал последний пакет новостей с Цай-Шэнь той же волной, в которой информировал о своем визите. Твой отец вызвал меня и Алкуина, и мы вместе с логофетом всю ночь просматривали сообщение. Это съельсины, ошибки быть не может.

Мы долго сидели неподвижно.

– Но Цай-Шэнь находится не в Вуали, – сказал я наконец, упомянув фронтир за рукавом Центавра, в котором велась львиная доля боевых действий против съельсинов.

Я опустил взгляд и добавил:

– Они совсем обнаглели.

– По последним сведениям, война идет не лучшим образом, ты же знаешь.

Гибсон отвел от меня затуманенные слезами глаза и уставился в окно на стилизованные под старину зубцы декоративной стены, окружающей наш замок. Слуга все еще протирал стекла снаружи.

Опять наступило молчание, и опять я первым нарушил его:

– Как вы думаете, они прилетят и сюда?

– На Делос? В Шпору? – Гибсон выразительно нахмурил кустистые брови. – Это же почти двести тысяч световых лет от линии фронта. Я бы сказал, что до сих пор мы были в полной безопасности.

Я задал еще один вопрос, на джаддианском:

– Но почему отец приказал скрыть эти новости от меня? Как я буду управлять префектурой после него, если он не хочет обучать меня сейчас?

Мой наставник не сказал на это ни слова, и, поскольку юности несвойственно прислушиваться к тишине, я не понял его молчания, не понял, что это и есть ответ.

Под тяжестью вопроса, от которого уже нельзя отмахнуться, я пошел напролом:

– А Криспин знает о консорциуме?

Гибсон сочувственно посмотрел мне в глаза. И кивнул.

Глава 3

Консорциум

Ко дню прибытия консорциума замок уже не мог скрывать признаки подготовки. «Вонг-Хоппер», «Межзвездная компания Ямато», «Ротсбанк» и Союз свободных торговцев – деятельность этих корпораций выходила за пределы Империи и связывала воедино всю человеческую цивилизацию. Даже в отдаленном Джадде сатрапам и князьям приходилось считаться с требованиями индустриальных гигантов, а мой отец был всего лишь скромным лордом. Каждый камень и каждую плитку в черном замке, который я называл своим домом, вычистили до блеска, униформа всех слуг и пельтастов из стражи приняла безупречный вид. Все необходимое было сделано: кусты в саду пострижены, портьеры выбиты, полы натерты, солдаты вымуштрованы, комнаты для гостей приведены в идеальный порядок. Примечательно, что меня отстранили от всей этой суеты.

– У нас просто нет необходимого оборудования, ваша милость, – рассказывала представительница Гильдии шахтеров Лена Бейлем; она положила руки на стол, и ее вишневые ногти сверкали в падающем сверху красноватом свете. – Очистительная установка на Красном Зубце нуждается в срочном ремонте, и если не обращать внимания на меры безопасности, к моменту окончания договора смертность среди рабочих поднимется выше пяти процентов.

Из ее анкеты я узнал, что она вдвое старше меня, почти на верхнем пределе стандартного сорокалетнего срока. Она казалась очень старой. Ее плебейская кровь, не улучшенная Высокой коллегией, проявляла себя в седине, тронувшей золотистые волосы, в морщинах в уголках губ и глаз, в дряблой коже на скулах. Время уже взяло свое, хотя ее возраст казался младенческим в сравнении с теми столетиями, что были суждены мне.

Должно быть, я слишком пристально смотрел на нее или слишком долго молчал, потому что она вдруг прервала объяснения и сказала:

– Простите, мне, вероятно, следовало обратиться с этим делом к вашему отцу.

Я покачал головой и бросил взгляд в зеркало за ее спиной. В нем отражались пельтасты в черных доспехах, ожидавшие меня возле серой металлической двери. Они опирались на длинные, выше их роста, древки энергетических копий. Их молчаливое присутствие давило на меня, и все, что я смог сделать, это удержаться от кривой усмешки.

– Мой отец безнадежно задерживается, мадам Бейлем, но я буду счастлив выслушать все, что вас беспокоит. Но если вы предпочтете подождать, я лично могу рассказать ему о ваших проблемах.

Представитель гильдии прищурила карие глаза:

– Этого недостаточно.

– Простите?

– Нужны деньги, чтобы купить новую технику!

Она ударила рукой по столу, разворошив стопку складских заявок. Одна из них упала к моим ногам. Хотя меня и не просили, я поднял листок с пола. Это было ошибкой. Человек моего ранга не должен так поступать, и я представил тень, набежавшую на белое лицо моего отца при виде того, как его сын помогает плебейке.

Оставив без комментария мой поступок, Лена Бейлем наклонилась ко мне над столом:

– Мессир Марло, некоторым противорадиационным костюмам шахтеров уже по двадцать – двадцать пять лет. Они не дают нашим рабочим необходимой защиты.

Без подсказки с моей стороны одна из стражников у меня за спиной шагнула в комнату:

– Вы должны обращаться к сыну архонта «сир» или «милорд».

В ее бесстрастном, приглушенном забралом рогатого шлема голосе прозвучала угроза.

Преждевременно увядшее лицо Бейлем побледнело, как только она поняла свою оплошность. Мне очень хотелось одернуть стражницу, но в глубине души я знал, что она права. Отец мог наказать представительницу шахтеров за оскорбление, но я не мой отец.

– Мне понятна ваша обеспокоенность, мадам Бейлем, – сдержанно ответил я, глядя в одну точку над ее ссутулившимися плечами. – Но у вашей организации есть строго определенный круг полномочий. Нас интересует конечный результат.

Отец четко расписал, что я могу говорить на встрече с этой женщиной, что мне разрешено использовать, чтобы добиться ее повиновения. Все это я уже сказал.

– Ваш дом, сир, сохраняет неизменную норму выработки уже больше двухсот лет, и все лишь потому, что не делает ничего для компенсации износа нашего оборудования. В этой игре невозможно победить, и чем больше урана мы добываем в горах, тем глубже нам приходится закапываться. Мы потеряли целую буровую установку в провале у реки.

– Сколько рабочих?

– Что, простите?

Я аккуратно положил на край стола из фальшивого дерева поднятый с пола документ, лицевой стороной вверх.

– Сколько рабочих вы потеряли в этом провале?

– Семнадцать.

– Примите мои глубочайшие соболезнования.

В глазах этой женщины из простонародья мелькнуло потрясение, словно бы она меньше всего ожидала услышать от меня слова элементарного человеческого сочувствия, какими бы пустыми и бессмысленными они ни были. Так часто бывает со словами. И все же я не мог не попытаться. Это была трагедия, а не статистика, и женщина, что сидела передо мной, потеряла там людей. От удивления она даже чуть приоткрыла рот. Но через мгновение это прошло.

– Чем ваши соболезнования помогут семьям погибших? Вы должны что-то для них сделать!

Я услышал, как одна из пельтастов – та женщина, что уже вмешивалась прежде, – дернулась вперед, и остановил ее жестом, не замеченным Леной Бейлем, которая продолжала говорить:

– Это не просто несчастный случай, милорд. Эти машины очень древние – некоторые из них старше моего прадедушки, земля ему пухом. И не только буровые краулеры, но и очистительные установки, как я уже сказала, и баржи, на которых мы перевозим концентрат по реке. На каждом этапе добычи машины могут в любой момент сломаться и развалиться на части.

– Отец заботится о рентабельности. – Меня самого удивила горечь в моем голосе. – Но мы должны понимать, что я не уполномочен говорить о компенсациях.

– Тогда нужно вкладывать деньги в оборудование, милорд, хотя бы понемногу.

Она вытащила из-под стопки бумаг маленькую коробочку.

– Иначе все кончится тем, что наши люди будут работать в шахтах киркой и лопатой по тринадцать часов в сутки. Как вы думаете, – добавила она громче, – смогут ли рабочие сравниться в производительности с машинами?

Мои губы дрогнули в усмешке, когда Бейлем поняла, что повысила голос на пэра. Я представил себе, как Криспин приказывает стражникам проучить ее, и плотно сжал губы. Я не Криспин и не отец.

– Мадам Бейлем, эти машины производятся не на нашей планете... – Я не знал, где именно. – С тех пор как съельсины начали разорять наши колонии в Вуали, межзвездные перевозки стали слишком дорогими. Будет очень трудно...

– Должен быть способ, – перебила она меня, крутя в руках какой-то кубик.

Просто пресс-папье, понял я, приглядевшись к нему. На мгновение мне показалось, что это информационный кристалл, на котором хранят игровые симуляторы и прочую виртуаль-

ную реальность. Но нет, низшему классу подобные вещи не разрешены. Запрещено даже иметь технические навыки, позволяющие заменить изношенное оборудование. Все средства производства сосредоточены в руках знатных домов и горстки работающих на них специалистов. Высокие технологии, даже развлечения наподобие игровых симуляторов, – удел избранных. Нет, это просто пресс-папье и ничего больше.

– Очень может быть, – все так же мягко сказал я и отвел глаза от ее стального взгляда.

Я не успел продолжить свои размышления, Лена Бейлем опередила меня:

– И добыча, милорд, будет вестись только в существующих шахтах. Без этих буровых машин у нас нет возможности разработать новые, если только ваш отец не хочет, чтобы мы их выкопали вручную.

«Возможно, именно этого он и хочет», – подумал я и еще раз вздохнул.

– Я вас понял, мадам Бейлем.

– Тогда почему ничего не сделано, чтобы решить эту проблему? – снова повысила голос она.

Так я мог потерять контроль над разговором, если уже это не случилось. Моя собеседница сжала куб в руке, ее красные ногти казались окровавленными когтями, впившимися в сердце.

– Представителю гильдии следует помнить, что она разговаривает с сыном лорда Алистера Марло, – вмешался на этот раз другой пельтаст; оба они были верными сторожевыми псами отца.

Румянец схлынул со щек Лены Бейлем, и она опустилась в кресло. Имя моего отца много значило в этих краях, как и по всему Делосу. Мы были лишь одним из ста двадцати шести младших домов системы, присягнувших на верность герцогине, наместнице императора, но самым богатым среди них, самым знатным и приближенным к леди Эльмире. В последние годы отец проводил все больше времени в Артемии, замке наместницы, и даже служил у нее экзекутором, много-много лет назад, когда она еще жила не на этой планете. Не исключено, что в скором времени нам предложат оставить Мейдуа и Обитель Дьявола, чтобы принять во владение какой-нибудь новый мир.

– Приношу свои извинения, милорд. – Женщина опустила на стол пресс-папье, словно оно обжигало ей руки. – Простите меня.

Я взмахнул рукой и дипломатично улыбнулся:

– Вас не за что прощать, мадам Бейлем, – но прикусил язык, подумав, что солдаты у меня за спиной считают иначе. – Конечно же, я передам ваши жалобы отцу. Если у вас есть какие-то расчеты, касающиеся стоимости замены оборудования и ожидаемой выгоды, думаю, лорд Алистер и его советники захотят ознакомиться с ними.

Я взглянул на терминал на своем запястье, чтобы проверить время, и собрался уходить. У меня еще оставались шансы успеть к отбытию наших гостей-мандари.

– Мадам Бейлем, я также рекомендую вам определить приоритеты в ваших потребностях перед разговором с моим отцом и экспертным советом. А теперь моя очередь извиниться перед вами, – я снова многозначительно посмотрел на терминал, – у меня назначена еще одна встреча.

Кресло проскрежетало по плиточному полу, когда я вставал.

– Этого недостаточно, милорд, – Лена Бейлем тоже поднялась, глядя на меня поверх своего чересчур длинного носа, – на шахтах то и дело умирают люди. Им нужны хотя бы исправные защитные костюмы. Люди умирают от радона, от облучения... У меня есть фотографии.

Она порылась в куче бумаг на столе и отыскала глянцевые снимки покрытых сыпью и струпами тел.

– Мне это известно, – ответил я и развернулся, чтобы уйти.

Стражники заняли места рядом со мной. Острие моей даги³ кольнуло ногу. На мгновение я подумал, что эта женщина может наброситься на меня. С отцом она не посмела бы так себя вести. Я был слишком мягок. Отец приказал бы высечь ее и провести голой в колодках по главной улице Мейдуа. Криспин высек бы ее сам.

А я просто ушел.

– Все удачно, милорд? – спросила девушка-лейтенант, когда флайер поднялся над комплексом гильдии в нижней части города, расположенной под известняковыми утесами.

Мы медленно набрали высоту над черепичными крышами и высокими шпилями Нижнего города, а затем вклинились в не слишком оживленное воздушное движение. Внизу, словно анатомический рисунок скелета, расстился вдоль берега моря город Мейдуа – рядом с могучим акрополем, на котором наш предок возвел древнюю твердыню рода Марло.

Я отважился оглянуться на лейтенанта и покачал головой:

– Боюсь, что нет, Кира.

Шаттл прошел сквозь струйку белого дыма, что вилась над прибрежной атомной станцией, и, сделав плавный вираж, полетел над водой на восток, в сторону Обители Дьявола. Черная гранитная стена с готическими башнями на вершине белого известнякового утеса впитывала в себя серый дневной свет. Казалось, будто бы огромная нечеловеческая рука вытащила еще дымящиеся камни из горячего сердца планеты, что было недалеко от истины.

– Печально слышать это, сир.

Кира убрала завиток медных волос под летный шлем. Я искоса посмотрел на двух пельтастов в кормовой части шаттла, почувствовав спиной их взгляды.

Наклонившись вперед, насколько позволяли ремни, я спросил:

– Вы ведь давно служите у нас, лейтенант?

– Да, сир, – отозвалась она, быстро оглянувшись на меня через плечо. – Уже четыре года.

Сквозь лобовое стекло послеполуденное солнце заливало ее лицо белым светом, и у меня защемило сердце. Было в ней что-то, восхитившее меня, что-то более естественное, чем в знакомых мне палатинских леди, более живое. Более... человеческое.

– Четыре года... – повторил я, любясь чертами ее лица, которые отчасти мог рассмотреть со своего места. – И вы всегда хотели быть солдатом?

Она насторожилась, что-то в моем голосе встревожило ее. Должно быть, акцент. Я уже не раз слышал, что говорю, как какой-нибудь злодей в эвдорской опере.

– Я хотела летать, сир.

– Ну, тогда рад за вас.

Я не мог больше задерживать внимание на ее лице и, покраснев, повернулся к окну, разглядывая город – мой город – лабиринт улиц на склонах под Обителью Дьявола и над морем. Отсюда был виден покрытый патиной купол святилища Капеллы с девятью минаретами, словно пики пронзающими небо, а на другом конце главной улицы – огромный овал цирка, открытый всем стихиям.

– До чего же здесь красиво, – понес я какую-то ерунду, чтобы отвлечься от мыслей о том, что ожидает меня по возвращении: встреча с отцом и нашими гостями-мандари, о которых он не собирался мне говорить, кривая усмешка Криспина. – Можно ни о чем не беспокоиться.

– Только о встречах флайерах, милорд.

Я заметил, как уголок ее рта приподнялся и на мгновение сверкнули молочно-белые зубы. Она улыбалась.

– Да, конечно, – улыбнулся и я.

³ Кинжал для левой руки в фехтовании.

– А вы умеете управлять флайером, сир? – спросила она и смущенно добавила: – Если ваша милость не возражает против этого вопроса.

Я обернулся и выразительно посмотрел на пельтастов. Они сидели у кормового трапа, ухватившись руками в латных перчатках за петли, что свисали с серого потолка.

– Нет, не возражаю. И да, умею. Но не так хорошо, как вы. Спросите как-нибудь об этом у сэра Эрдиана.

– Спрошу, – рассмеялась она.

Не в силах выбросить из головы мрачные мысли, я сменил тему, уставившись в покрытый ковром пол кабины:

– Делегация уже прибыла в замок?

– Да, ваша милость, – ответила лейтенант, направив флайер круто вниз, так что мы оказались под вершиной холма, где живую скалу сменял привезенный издалека черный гранит. Глядя на древнюю постройку снизу вверх, я почему-то всегда мысленно слышал раскаты грома.

– Два или три часа назад, – добавила она.

Случилось именно то, чего я ожидал и боялся: церемония могла пройти без меня.

– Кира, а чем занимается ваш отец?

Я не собирался этого говорить, но слова сами слетели с языка – мелочь, но настораживающая.

– Сир?

– Ваш отец, – повторил я. – Чем он занимается?

– Он работает в городской электросети, сир.

Мои губы изогнулись в жалкой усмешке.

– Хотите, поменяемся?

Замок Обитель Дьявола, созданный во времена куда более возвышенные, чем наше, не уступал городу в размерах, хотя обитателей в нем было в десять раз меньше, чем ютились под его стенами. Когда была воздвигнута первая цитадель, Империя крепко стояла среди звезд, не зная равных в мощи и величии, – единственная человеческая держава в космосе. Те благословенные дни трагедий, грома и крови давно миновали, но крепость еще держалась, похожая в своем переплетении крепких шпилей и выступающих каменных стен на выбеленные временем кости, что выпирают из холма над Мейдуа. При всей своей внушительности замок по современным стандартам был небольшим. Главная башня – массивное четырехгранное укрепление из стали, облицованной черным камнем, – поднималась над площадью на высоту всего лишь пятидесяти этажей. И все же она подавляла своими размерами другие постройки, даже минареты нашей семейной часовни. Маленькая, всего в двенадцать этажей, башенка клуатра схоластов в самом углу сада возле стены выглядела совсем жалкой. Я зашагал к Главной башне в тени колоннады, стуча каблуками по мозаичным плитам.

Охранников я оставил в транспортном ангаре, Кира занималась своим флайером. И все же я был не один: пельтасты в легкой броне и гоплиты со щитами и в керамических латных доспехах стояли через небольшие промежутки по всей колоннаде и главной лестнице, что вела к виадуку, подающему воду на площадь перед башней. Я едва протиснулся мимо скопления облаченных в одинаковую униформу логофетов, управлявших нашим крохотным кусочком Империи. Но даже если бы я вообще никого не встретил на своем пути, то все равно не был бы один. Видеокамеры всегда оставались на страже.

Я прошел мимо статуи давным-давно умершего Джулиана Марло – верхом на коне, с дерзко вскинутым к небесам мечом – и поднялся по чисто выметенной беломраморной лестнице. Вошел в главные ворота и остановился, чтобы поприветствовать стоявшую на страже у дверей даму Уму Сильвию – рыцаря-ликтора.

– Где отец? – спросил я, и мой вопрос отчетливо прозвенел в полуденном воздухе.

– Все еще в тронном зале, молодой мастер! – ответила Сильвия, не меняя идеально правильной стойки.

Я прошел к внутренней лестнице прямо по выложенному на черно-белом шахматном полу медному лучистому солнцу, символизирующему Империю. Высоко на стене висели черные знамена. Шум шагов и звон фанфар эхом отдавались в пустом центральном колодце, протянувшемся на тридцать из пятидесяти этажей Главной башни. Благородное знамя, пронесенное предками из глубин веков, впоследствии запятнанное моими руками. Может быть, вы его видели? Черное, как сам космос, полотнище и скачущий красный дьявол с трезубцем в руке, а над ним девиз: «Меч – наш оратор»⁴. Два таких же дьявола повернулись друг к другу по сторонам от кованых дверей тронного зала моего отца, возвышаясь над остроконечной аркой и охраняющими вход стражами.

Странная она, эта дверь – тяжеленная плита из чистого железа, обработанного каким-то тусклым полимерным покрытием, защищающим от ржавчины. Створки ее, с беспорядочно разбросанными рельефными изображениями людских фигур, были в три раза выше человеческого роста и в несколько дюймов толщиной. Весили, должно быть, не одну тонну, но были так хорошо сбалансированы, что открыть их мог даже ребенок.

– Мастер Адриан! – сказал сэр Робан Милош, неприметный темнокожий мужчина с вьющимися волосами. – Где же вы пропадали?

Вспыхнув, я зло сощурился, но мгновенно взял себя в руки, чуть слышно выдохнув афоризм схоластов:

– Ярость ослепляет.

Робану же сказал:

– Я задержался в Гильдии шахтеров, исполняя поручение отца. Он в зале?

– Уже приблизительно полчаса.

Чувствуя неловкость из-за растрепанных, слишком длинных волос и помятого парадного камзола, я похлопал рыцаря по плечу:

– Значит, я пропустил самую утомительную часть. Дай мне пройти.

Шагнув мимо него, я приложил ладонь к двери. Напарник Робана подошел ко мне и схватил за руку. Я вырвался и возмущенно посмотрел на гоплита. Его шлем, как и у большинства солдат, не имел забрала, только фигурные височные пластины из прочной керамики, закрывающие лицо. Камера передавала изображение на экран внутри шлема, так что создавалось впечатление, будто бы это не человек, а статуя.

– Лорд Алистер сказал, что никто не должен входить в зал во время встречи с директором, – заявил он и с подчеркнутой твердостью отпустил мою руку. – Простите, молодой мастер.

Я мысленно повторил мудрость схоластов, сдерживая внезапный приступ гнева и стараясь не слишком концентрироваться на настойчиво поднимающемся из глубины души страхе. Нужно было развернуться и уйти. Так было бы проще.

Вместо этого я сказал, прочистив горло:

– Прочь с дороги, солдат.

– Адриан, – Робан удержал меня за плечо, – у нас приказ.

Я обернулся, и, должен признаться, меня охватила безысходность.

– Уберите от меня свои руки.

И я толкнул дверь, прежде чем ликтор или его помощник успели помешать мне. Она бесшумно открылась. Нарушив запрет, я обернулся и свирепо посмотрел на гоплита, уже собиравшегося схватить меня. Мои глаза были такими же, как у отца, и я прекрасно умел пользоваться этим сходством. Стражник попятился.

⁴ Из «Тамерлана» Кристофера Марло.

Мое появление не сопровождалось фанфарами, только кивками пельтастов, стоявших сразу за дверью. Есть пределы пространству, которое глаза и разум способны воспринять, а дальше оно начинает подавлять своим величием. Тронный зал превышал эти пределы, будучи слишком высоким, слишком широким и слишком длинным. Вправо и влево расходились ряды темных колонн, что поддерживали свод, расписанный фресками с изображениями гибели Старой Земли и последовавшей за ней колонизацией Делоса. Но обычное зрение не позволяло их разглядеть, расстояние между полом и потолком неумовимо сжималось в сравнении с расстоянием от двери до помоста в дальнем конце зала, и потому архонт казался просителю намного более высоким, чем любой человек. Говорят, что Соларианский престол на Форуме использует эту же уловку, так что император подавляет размерами даже самых благородных графов из своей констелляции.

Сам трон был погружен в тень, а два изогнутых рога на его спинке – в действительности ребра огромного бронзового кита – поднимались почти к самому потолку, заслоня свет, льющийся из окон-розеток, так что сидевшую на троне фигуру словно бы покрывала полупрозрачная вуаль.

Представители консорциума собрались перед тронным возвышением, стоя с гордо поднятыми головами. Их силуэты выглядели нелепо вытянутыми из-за малой гравитации кораблей, в которых они провели всю жизнь. Все семеро носили одинаковые одежды, их сопровождали два десятка солдат в матово-серой униформе, вооруженных короткими винтовками вместо энергетических копий, которые предпочитали стражи лорда Марло.

– Отец, прости за опоздание. – Я использовал на полную мощь тот ораторский голос, которому обучил меня Гибсон на уроках риторики. – Представитель Гильдии шахтеров говорила дольше, чем я ожидал.

– Что ты здесь делаешь?

Звук этого голоса в этом месте сгустился вокруг меня, и я почувствовал, как мою душу обдало леденящим холодом. Мало того что Криспину было известно о визите консорциума «Вонг-Хоппер», ему еще и позволили присутствовать при встрече.

Я проигнорировал дерзкий вопрос Криспина и приблизился на десять шагов к гостям, стоявшим рядом с тронном отца. Тень еще не накрыла меня, и отец казался лишь темным пятном на фоне огромного черного кресла из кованого железа и китовой кости. Опустившись на одно колено, я склонил голову перед мандари.

– Почтенные гости! – Отработанный глубокий голос особенно порадовал меня после визга Криспина. – Простите за опоздание. Меня задержали местные вопросы.

Некая дама из делегации шагнула ко мне:

– Встаньте, пожалуйста.

Я подчинился, а представительница консорциума повернулась к моему отцу:

– Что это значит, лорд Алистер?

Он шевельнулся на троне:

– Это мой старший сын, директор Фэн.

Его голос был мне знаком как свой собственный, но сейчас показался чужим.

Женщина, обратившаяся ко мне, кивнула и, прошелестев серыми рукавами, опустила тонкие, как паутина, руки.

– Понятно.

Остальные гости зашаркали мягкими туфлями.

– Сядь, – приказал мне отец, сам сидевший в глубокой тени.

Мои глаза постепенно привыкли к освещению, и я остановил на нем взгляд. Внешне он больше походил на меня, чем на Криспина; генетические машины создали его таким же тонким и гибким, с орлиным профилем и сплошными острыми углами. Как и я, он сторонился местной моды. Его длинные, зачесанные назад волосы чуть завивались за ушами. Спокойное

лицо с полными губами было чисто выбрито, холодные лиловые глаза бесстрастно наблюдали за теми, кто стоял перед ним.

Я прошмыгнул за спиной у директора Фэн и ее спутников к трем креслам, расположенным в ряд справа от возвышения. Криспин сидел там в одиночестве на ближнем к отцу месте. Я уставился на него сверху вниз, а брат, как, вероятно, и отец, смотрел на меня.

– Подвинься, Криспин, – тихо сказал я.

Он только приподнял брови, рассчитывая – совершенно справедливо, – что я не стану устраивать скандал на глазах у гостей. Я и не стал – был слишком хорошо воспитан. Однако во мне сохранилось достаточно мальчишества, чтобы взять легкое кресло из самшитового дерева, подняться с ним на две ступеньки и усесться на возвышении, не обращая внимания на еле сдерживаемую ярость, которая, как я прекрасно понимал, охватила отца на его темном троне.

Глава 4

Дьявол и леди

– Да, Адриан, это было не самое ловкое твое представление.

Голос матери отчетливо доносился через дверь из темного дерева, отделяющую гардеробную от моей спальни. Контральто с глубоким акцентом делосианской знати, отработанное десятилетиями публичных выступлений и официальных обедов. Она была либреттисткой по профессии, а еще режиссером.

– Криспин не хотел подвинуться, – это все, что я смог ответить, возясь с серебряными пуговицами своей лучшей рубашки.

– Криспину всего пятнадцать, и у него не в меру вздорный характер.

– Знаю, мама, – я закинул подтяжки на плечи и поправил их, – просто я не понимаю, почему отец не... не взял меня.

Судя по тому как глухо зазвучал голос матери, она отошла от гардеробной к высокому окну с видом на океан. Она часто так делала. Леди Лилиану Кефалос-Марло всегда тянуло к окнам. Это объединяло нас – страстное желание быть где-то еще, хоть где-нибудь еще.

– Тебе действительно нужно это знать? – спросила она.

Нет, не нужно. Так ничего и не ответив, я облачился в шелковый с бархатом жилет и разгладил воротник рубашки. Более или менее прилично одетый, я открыл дверь и шагнул в спальню. Мать и в самом деле стояла у окна. Мои комнаты располагались на самом верху четырехгранной Главной башни, в северо-восточном углу. Отсюда я мог смотреть на стену и океан за ней, мог за много миль разглядеть в дымке у горизонта Ветреные острова, которых не видно снизу. Мать обернулась ко мне. Она никогда не носила черное, не пыталась подстроиться под геральдические цвета отца. Она родилась в доме Кефалосов и гордилась этим; ее мать, наместница императора, была владетельной герцогиней целой планеты. По случаю торжественного обеда в честь директора Фэн и ее спутников мать надела свободное платье из белого шелка, такого плотного, что он, вероятно, был синтетическим. Платье застегивалось на плече золотой брошью в форме орла дома Кефалосов. Медово-бронзовые волосы мать отбросила за спину, только мелкие локоны завивались над ушами. Она была прекрасна, как прекрасны все женщины-палатины. Образ давно забытой Сафо, воплощенный в ожившем мраморе.

– Твоя прическа отвратительна, – заметила она.

– Спасибо, мама, – спокойно ответил я, убирая вьющуюся челку за ухо.

Леди Лилиана приоткрыла ярко-красные губы, подыскивая нужные слова.

– Это был не комплимент.

– Да, – согласился я и натянул на себя фрак с вышитым слева дьяволом нашего дома.

– Тебе в самом деле следует постричься.

Она отошла от окна и пригладила белыми пальцами отвороты моего фрака.

– Хм, отец и без того путает меня с Криспином, – сказал я без всяких возражений, позволяя матери поправить мой воротник, лишь кольнул ее взглядом.

Ее глаза были янтарного, более теплого, чем у отца, цвета. Но и в них все равно не чувствовалось теплоты.

Я знал, что, если бы это зависело от нее, она вернулась бы в Артемию, к своим родным и своим женщинам, а не осталась с нами, семьей Марло, в этом мрачном и пыльном месте. В семье Марло, с холодными глазами и холодными манерами, ее муж был холоднее всех.

– Он никогда так не делает, – нетерпеливым тоном возразила она, не поняв моего намека.

– Значит, он хочет, чтобы Криспин занял мое место?

Я все еще продолжал хмуриться, пока она расправляла мой фрак.

– Разве ты сам не этого хочешь?

Я захлопал глазами. На этот вопрос нельзя было ответить, не нарушив хрупкое равновесие моего мира. Что я должен был сказать? «Нет»? Но я хотел заниматься делами отца ничуть не больше, чем стать первым стратигом легионов Орионидов. «Да»? Но тогда управлять всем станет Криспин, а это... это будет катастрофа. Я не стремился занять отцовский трон – я просто не хотел, чтобы он достался Криспину.

Мать отодвинулась и вернулась к окну, стуча каблуками по кафельному полу.

– Я не стану утверждать, что знаю планы твоего отца...

– Откуда тебе их знать? – Я вытянулся во весь свой скромный рост. – Ты же здесь совсем не появляешься.

Мать не вспыхнула и даже не взглянула на меня.

– А ты думаешь, кто-то еще остался бы здесь, если бы у него был выбор?

– Сэр Феликс остался бы, – возразил я, расправляя узкие плечи. – И Робан, и все остальные.

– Они рассчитывают получить повышение. Земли, титул. Собственный маленький замок.

– Значит, дело не в преданности отцу?

– Никто из них не знает твоего отца как следует, за исключением, возможно, Феликса. Мы вот супруги, но я тоже не могу сказать, что знаю его.

Я и сам все понимал, но каждый раз сокрушался, когда слышал это – слышал, что мои родители чужие друг другу. Я коротко кивнул, но сообразил, что мать стоит ко мне спиной и не видит этого.

– Он не поощряет попыток сблизиться с ним, – наконец проговорил я, невольно нахмурившись.

– И ты не должен поощрять, если станешь правителем.

Леди Лилиана вполоборота оценивающе посмотрела на меня, и ее янтарные глаза показались сейчас ужасно усталыми.

Это был первый раз, когда я заметил ее истинный возраст – не внешнюю цветущую молодость, а груз почти двух столетий. Но стоило ей продолжить, как впечатление мигом развеялось.

– Ты должен будешь вести людей за собой, а не стоять рядом с ними.

– Если стану правителем? – повторил я.

– Еще ничего не решено. Он может выбрать Криспина или потребовать третьего ребенка из инкубатора.

Предугадав мой ответ, она добавила:

– Если дом Марло всегда возвеличивал старших сыновей, это еще не значит, что так должно быть и дальше. Закон позволяет отцу выбрать наследника по своему усмотрению. Не стоит торопиться с выводами.

– Прекрасно. И не имеет значения, что... – начал я, несколько уязвленный.

Но мать перебила меня:

– Совершенно верно. Это не имеет значения. Пойдем, мы и так уже едва не опоздали.

Думаю, звезды успели родиться и умереть, прежде чем принесли десерт. Я хранил молчание, пока звучали тосты, пока слуги круг за кругом накрывали на стол и освобождали его. Молчал и слушал, хорошо улавливая то раздражение, что, подобно гравитации, стягивало время и пространство вокруг отца. В глубине души я был благодарен директору Фэн и ее спутникам, оттеснившим меня с обычного места справа от отца. Прошли целые сутки с моего запоздалого появления в тронном зале, и отец должен был в конце концов побеседовать со мной. Само по себе это не так уж и странно, но я чувствовал себя неуютно, не получив нагоняй за то, что сделал.

Я просто ел и слушал, изучая чужие, почти чуждые лица почетных гостей. Плутократы всю жизнь проводили в космосе, и центробежные силы, имитирующие гравитацию на огромных кораблях-волчках, не могли удержать их тела от изменений. Если бы не генная терапия, почти такая же интенсивная, как та, что получил я сам, они не смогли бы даже просто стоять на Делосе, со здешней гравитацией в одну целую и одну десятую от стандартной, а лежали бы и ловили ртами воздух, как бескостные рыбы на морском берегу.

– Сьельсины зашли слишком далеко, их натиск уже за границами Вуали, – заявил Сюнь Гун Сунь, один из младших советников консорциума. – Император не должен позволять подобное.

– Император и не позволяет, Сюнь, – мягко ответила директор Фэн, – поэтому и идет война.

Я внимательно изучал эту женщину. Как и прочие члены делегации, она была совершенно лишена волос, широкие скулы и форма бровей подчеркивали раскосость ее глаз. Кожа была темней, чем у других, почти цвета кофе.

Фэн повернулась к моим родителям, сидевшим во главе стола, и сказала:

– Князь Джадда обещал к новолунию мобилизовать двенадцать тысяч кораблей под командой своего внука. Даже тавросианские кланы поднимают паруса.

Отец поставил на стол бокал с кандарским вином, выждал хорошо отработанную паузу и только потом ответил:

– Нам все это известно, мадам директор.

– Да, в самом деле, – улыбнулась она и подняла кубок; ее пальцы извивались, словно насекомые палочки. – Я только хотела отметить, милорд, что всем этим кораблям нужно топливо.

Лорд Обители Дьявола сложил руки на столе и твердо посмотрел на нее, проведя зубами по нижней губе.

– Вам нет необходимости ни в чем нас убеждать. Для этого еще наступит время, и довольно скоро.

В дальнем конце стола кто-то из советников негромко рассмеялся. Криспин, сидевший напротив меня, тоже ухмыльнулся. Я оглянулся на Гибсона, приподняв удивленно брови.

– Судьба всесильна⁵, и нынешняя ситуация дает нам преимущество, несмотря на недавнюю трагедию на Цай-Шэнь.

Я частенько замечал за отцом такую манеру говорить – назидательно и властно. Его глаза – мои глаза – никогда не задерживались подолгу на одном предмете или лице, а плавно скользили по всему, что его окружало. В нем чувствовалась некая аура, холодный магнетизм, который подчинял всех слушателей его воле. В другую эпоху, в другой Вселенной, поменьше нашей, он мог бы стать цезарем. Но в нашей Империи был переизбыток цезарей. Мы вывели целую породу, так что отец был обречен подчиняться еще более величественным цезарям.

– Это правда, что Бледные едят людей?

Криспин. Тупой, бестактный Криспин. Я почувствовал, как замерли все, кто сидел за длинным столом. Прикрыв глаза в ожидании неминуемой бури, я сделал глоток голубого каркассонского вина и услышал голос матери, прозвучавший на грани шепота:

– Криспин!..

Я открыл глаза и увидел, как она обожгла взглядом моего брата, смотревшего на директора консорциума.

– ...Только не за столом!

Однако Адиз Фэн лишь мягко улыбнулась матери:

– Все в порядке, леди Лилиана. Все мы когда-то были детьми.

⁵ Любимое присловье герцога Лето из «Дюны» Фрэнка Герберта.

Да только Криспин совсем не ребенок. Ему уже пятнадцать, эфеб на полпути к взрослому мужчине.

Не подозревая о том, что совершил оплошность, брат продолжил:

– Я слышал это от одного корабельщика. Они употребляют людей в пищу, это правда?

Он напряженно подался вперед, и клянусь всем золотом Форума, я никогда не видел его настолько заинтересованным.

Еще один представитель консорциума произнес глубоким, как океанская впадина, голосом:

– Скорее всего, правда, молодой мастер...

Я повернулся к говорившему, который сидел рядом с Гибсоном и Тором Алкуином в середине обеденного стола, рядом с миской дымящейся ухи и целой коллекцией вин в кувшинах с краснофигурной росписью. Такой темной кожи, как у него, мне еще не приходилось видеть. Он был черней даже директора, черней, чем мои волосы, и, когда улыбался, его зубы казались белыми, как звезды.

– ...Но не всегда. Чаше они забирают жителей колонии в рабство.

– Ох, – разочарованно вздохнул Криспин. – Так они не каннибалы?

Его лицо вытянулось, словно он надеялся, что все чужаки были монстрами, людоедами и убийцами.

– Никакие они не каннибалы. Они едят нас, а не друг друга.

Все оглянулись на меня, и я понял, что сам и сказал эти слова. Пришлось сделать глубокий вдох, чтобы успокоиться. В конце концов, я был экспертом в этой области. Сколько часов я посвятил изучению сьельсинов под руководством Гибсона? Сколько дней я потратил, анатомируя их язык на основе немногих найденных текстов и перехваченных за триста лет войны переговоров? Они заморозили меня с тех самых пор, как я научился читать, – а может быть, даже раньше, – и наставник никогда не отказывал, когда я просил его о дополнительных уроках.

Темнокожий схоласт кивнул:

– Молодой мастер сказал совершенно правильно.

Нет, неправильно. Впоследствии я выяснил, что сьельсины едят своих сородичей так же охотно, как и всех остальных. Просто тогда об этом еще никто не знал.

– Теренс... – Младший советник Гун Сунь положил руку на плечо коллеги.

Тот покачал головой:

– Знаю, что это неподходящая тема для обсуждения за столом. Простите меня, лорд Алистер, леди Лилиана, но молодой мастер должен понять, что стоит на кону. Мы воюем уже триста лет. Кто-то может посчитать, что это слишком долго.

Я откашлялся и сказал:

– Сьельсины – кочевая и до крайности плотоядная раса. Выращивать домашний скот в условиях искусственной гравитации нелегко. Проще взять все, что можно, с чужих планет. В среднем в мигрирующих роях сьельсинов насчитывается около десяти миллионов особей, и они, конечно, не могли забрать всех жителей Цай-Шэнь.

– В сообщении говорится, что это был очень большой рой, – заявил Теренс, и его несуществующие брови удивленно приподнялись. – Вы хорошо знаете сьельсинов.

С дальнего конца стола долетел пронзительный голос Гибсона:

– Мессир! Молодой мастер Адриан уже много лет интересуется сьельсинами. Я также обучил его языку чужаков. Он очень способный.

Я опустил взгляд в тарелку, чтобы скрыть улыбку, опасаясь, как бы отец ее не заметил. Директор Фэн обернулась ко мне. Я почувствовал, что пробудил любопытство в чужеземке, как будто она только сейчас заметила меня.

– Значит, вы интересуетесь Бледными?

Я кивнул, не решаясь вступать в разговор, пока не вспомнил правила этикета. Как-никак ко мне обращалась глава консорциума «Вонг-Хоппер».

– Да, мадам директор.

Она улыбнулась, и я обратил внимание на ее металлические зубы, отразившие огни настольных свечей.

– Весьма похвально. Редко встретишь подобный интерес у палатинов, в особенности у имперских пэров. Знаете, вам стоит подумать о карьере в Капелле.

Костяшки пальцев моей левой руки побелели – так сильно я сжал под столом свое колено, чтобы сдержать улыбку. Настолько далеко было это предложение от моих собственных желаний. Я хотел стать схоластом. Хотел попасть в Экспедиционный корпус, чтобы отправиться туда, где никто прежде еще не был, утвердить имперский флаг по всей Галактике и увидеть невероятное и странное. Мне совсем не казалось заманчивым запереться в своем кабинете, и еще меньше – в храме Капеллы. Я посмотрел на Гибсона, и тот слабо улыбнулся в ответ.

– Благодарю вас, мадам, – произнес я.

Одного мимолетного взгляда на отца хватило, чтобы понять, что больше я ничего не должен говорить.

– Или у нас, если ваша семья сможет без вас обойтись. Кто-то же должен будет вести дела с этими существами, когда закончится война.

Лорд Алистер хранил подчеркнутое молчание на протяжении всего этого разговора, но я невольно ощутил, как в нем закипает гнев. Слегка наклонив голову, отец выслушал слугу, пришедшего с каким-то сообщением, и начал шепотом отдавать распоряжения, но тут его отвлек Криспин:

– Вы можете продавать им еду!

Лицо брата расплылось в мерзкой ухмылке. Ответная улыбка директора получилась резкой, как движение скальпеля.

– Думаю, мы так и сделаем, молодой мастер. Мы торгуем всем и со всеми. Возьмем, например, это вино. – Она указала на стоявшую передо мной бутылку каркассонского «Сен-Деньё Азур». – Превосходное коллекционное вино, с вашего позволения, архонт.

– Благодарю вас, мадам директор, – ответил отец (даже не глядя на него, я знал, что он наблюдает за мной), – хотя мне и кажется удивительным такое непредвзятое отношение к сельсинам, особенно после недавней трагедии.

Адиз Фэн отмахнулась от его намеков и положила нож и вилку на тарелку.

– О да, император одержит победу, благослови Земля его имя. И чаша милосердия переполнена, по крайней мере так утверждают приоры.

Одна из младших советников – женщина с вытатуированными на бледном черепе полосками – наклонилась к директору и сказала:

– Разумеется, после окончания войны Бледные должны стать подданными Соларианского престола.

– Подданными? – переспросила мать, изящно выгнув брови. – Я бы предпочла, чтобы они стали покойниками.

– Этого никогда не случится, – резко заявил я, уже понимая, что делаю ошибку. – У них есть преимущество перед нами.

Лица моих родителей окаменели, и по тому, как стиснул зубы отец, я догадался, что он сейчас заговорит.

Но младший советник консорциума опередила его, сказав со снисходительной улыбкой:

– О чем это вы, сирра?

– Мы живем на планетах, а сельсины похожи на экстрасоларианцев, – ответил я, вспомнив о варварах с Задворок, что безостановочно снуют в темноте между звездами, охотясь на торговые корабли. – У них нет дома, только мигрирующий рой...

– Scianda, – подсказал Гибсон сельсинское название.

– Точно!

Я сделал эффектную паузу, наколот на вилку ломтик красной рыбы, откусил и продолжил:

– Мы даже не можем быть уверены, что уничтожили их. Пусть мы сокрушим весь рой – всю скианду, – достаточно ускользнуть одному кораблю, чтобы обеспечить выживание расы. Они вездесущи и разнолики, как Протей. Их не победить военной силой, мама. Не победить, господа. Полное уничтожение невозможно.

Я откусил еще раз и добавил:

– То же можно сказать и о нас, но большая часть нашего населения прикована к своим планетам. Мы сильнее пострадаем от нападения.

Я посмотрел на директора, надеясь, что она, проведя всю жизнь в космосе и имея свой взгляд на Империю, поддержит меня. Кажется, она и собиралась это сделать, но тут отец произнес:

– Хватит, Адриан.

– Не стоит беспокоиться, архонт, – улыбнулась Адиз Фэн.

– Позвольте мне все же побеспокоиться о моем сыне, мадам директор, – мягко возразил лорд Алистер, поставив на стол хрустальный бокал.

Служанка с глиняным кувшином, украшенным изображением лесной нимфы, бросилась снова наполнить его, но отец жестом остановил ее.

– Особенно когда он так близок к измене, – закончил лорд.

«Измена». Мне оставалось только скрыть удивление, и я крепко стиснул зубы. Напротив меня Криспин скорчил гримасу и одними губами прошептал что-то вроде «предатель». Я почувствовал, как краснеет моя шея, и смущение облепило меня, словно влажная глина.

– Я не думал...

– Да, – сказал отец, – ты не думал. Извинись перед мадам директором.

Опустив взгляд к тарелке с закопченным лососем и жареными грибами, – мне не хотелось пробовать более экзотические блюда, специально приготовленные для внепланетных гостей, – я хмурился и молчал. Мне вдруг открылось, что отец никогда не называл меня по имени, всегда либо отдавал приказы, либо вообще ничего не говорил. Я был его продолжением, его достоянием во плоти. Но не отдельной личностью.

– Извиняться не за что, сир, – сказала директор, бросив быстрый взгляд на своих помощников. – Но хватит об этом. Обед был замечательный. Лорд Алистер, леди Марло, – она низко склонила голову над столом, – давайте забудем об этом разговоре. Ваши мальчики не хотели ничего плохого – ни тот ни другой, но, может быть, нам стоит вернуться к деловым вопросам?

Глава 5

Тигры и овцы

Ход событий уже начал четко прорисовываться, но я был тогда ненамного умнее младенца и ничего не видел. Возможно, вы бы верно поняли, что творилось вокруг. Почему я сам не понял, хотя меня и готовили к таким ситуациям почти с пеленок, это навсегда останется загадкой. Может быть, всему виной моя самоуверенность, чувство превосходства над Криспином. Может быть, виновата жадность. Или все случилось потому, что все мы слепы, пока не получим первый удар кинжалом, все мы убеждены в своей бессмертии. Мир, в котором я родился, был подобен дикому лесу, где тигры изображали из себя овец. Один мудрый человек как-то сказал мне, что человеческая плоть – самый дешевый товар во Вселенной, что жизнью мы расплачиваемся охотней, чем золотом. Я рассмеялся, услышав эти слова, и не поверил ему.

Это было глупо с моей стороны.

Как же мало я тогда понимал!

Арка, что вела к ротонде под Куполом изящной резьбы, до сих пор стоит у меня перед глазами, как неизгладимый символ моего поражения.

Поздно разбуженный девушкой-служанкой, я с показной торопливостью прошел через внешние ворота и круглую галерею, охватывающую зал совета, к этому жуткому portalу. Ядовитый солнечный свет приобретал странные оттенки, просачиваясь сквозь цветную мозаику на крыше, отбрасывая слабые тени на древние статуи – потускневшие и потрескавшиеся, – что украшали это своеобразное место. Многие поколения в моей семье сохранялся обычай раз в десять лет заказывать всем жителям нашей префектуры деревянные резные украшения. Лучшие из них хранились в этом помещении – в нишах или на полках, прибитые к стенам или подвешенные на проволоке, так что их тени разрезали солнечные блики на полосы. Остальные предавали огню во время Летнего фестиваля.

Словно бы кто-то собрал все краски нашего темного замка и затолкал в одно место, как некую ужасную тайну. Чехарда птиц и зверей, людей, кораблей и демонов, залитых процеженным светом солнца Делоса. Но самыми ужасными были двери. Как и большинство дверей в нашем доме, они имели остроконечную арку, а замковый камень, вырезанный из кости бронзового кита, был похож на человеческое лицо, горбоносое и суровое. Оно походило на мое, но на самом деле это был близнец статуи, стоящей перед Главной башней, – Джулиана Марло, который построил замок и прославил наше имя. Вокруг этого лица собрались другие, прикрепленные к стенам и самой арке, – тридцать одно лицо, все белые, словно кость, за исключением лиловых глаз. Погребальные маски, взятые из катакомб, где был захоронен пепел моих предков.

Я знал каждого из них, запомнил, как один из первых уроков в своей жизни.

Лица предков, застывшие во времени и выставленные напоказ.

Стражники не остановили меня, как это случилось у тронного зала, а, наоборот, открыли тяжелые деревянные двери по моему знаку. Петли проворачивались так тихо, что было слышно только шарканье моих подошв по каменным плитам. Но этот звук быстро был заглушен шумом разговора, нахлынувшим подобно приливу. Я остановился, и половина сидевших за круглым столом посмотрели на меня. Улыбнулся только Тор Гибсон, но эта мимолетная улыбка получилась натянутой и тут же разгладилась, благодаря его самодисциплине. Во взгляде советников консорциума сквозило холодное безразличие, а Криспин – он тоже сидел здесь, слева от отца – оскалился в кривой, гнусной ухмылке.

Отец даже не запнулся, продолжая разговор:

– ...Лицензия предоставляет нам права на все урановые рудники в системе Делоса, а не только на те, что лежат вдоль Красного Зубца. Внепланетники в поясе могут повысить выработку при должном убеждении.

Он оглянулся через плечо на сэра Феликса, стоявшего в карауле за спиной его милости. Кастелян был облачен в парадную броню, черного и красного цветов Марло, с добавлением бронзы его собственного младшего дома.

– Пошлите сэра Эрдиана, если они и дальше будут упрямы. Он знает, что делать.

– Рабочие пояса бунтуют? – спросила Адиз Фэн звучным голосом, старательно изображая удивление и пренебрежение. – Мне дали понять, что у вас, лорд Марло, более твердая хватка.

На лице отца отразилось не больше эмоций, чем мог бы проявить на его месте схоласт. Он лишь небрежно пригладил волосы.

– Рабочие пояса всегда готовы к бунту, мадам директор. Они выдвигают свои детские требования, мы даем им небольшие поблажки, а затем отбираем, когда это поколение выходит из процесса активного труда.

– Срок жизни шахтеров с пояса астероидов не превышает шестидесяти стандартных лет, – добавил Тор Алкуин, схоласт со смоляной кожей, главный советник отца. – Мы можем повторять этот трюк с обещаниями еще хоть сто лет или около того, чтобы свести волнения к минимуму. Давать и снова отбирать.

Пока он говорил, я уселся между двумя логофетами, заведующими нашими финансами, под прямым углом к отцовскому креслу, которое возвышалось над массивным круглым столом. Я почувствовал, как напряжены присутствующие, и заметил, что одна из них, светловолосая женщина, быстро оглянулась на меня. Я не отреагировал на это, в надежде избежать разговора о своем опоздании.

Советник с золотой татуировкой на черепе хмуро посмотрел на Тора Алкуина.

– Наместница одобряет ваши действия?

– Наместница, – встрял в разговор Криспин, положив планшет на стол экраном вниз, – согласна предоставить нам всю грязную работу. Если мы сами подавим бунт в своих владениях, ее сиятельству будет легче управлять всей системой.

Мне не без труда удалось прогнать с лица удивленное выражение. Криспин наслаждался моментом, этим ошеломляющим мгновением полной ясности.

– Нам следует сосредоточиться на съельсинах, – заявила Эусебия, приор Капеллы в Мейдуа. – Все здесь должно служить избранному Землей императору.

Пожилая женщина была пугающе бледна, совсем как лунный свет. Ее лицо напоминало мятый лист бумаги, а голос трепетал, словно паутина на слабом ветру. Гибсон взглянул на меня, покачал головой и поскреб пальцами щеку. Я знал, что представляет собой Капелла. Сила под маской благочестия.

Директор махнула рукой, драгоценные камни в ее кольцах засверкали, и она показала в улыбке серебристо-металлические зубы.

– Разумеется, приор, но нужно подумать и о том, что будет после окончания войны. После победы, – она провела рукой по столу из окаменевшего дерева, – мы хотели бы вести дела с Делосом и домом Марло как можно более... миролюбиво.

– После победы, мадам директор? – Мягкий голос Эусебии прозвучал выше и сильнее прежнего, ее мутные глаза широко открылись. – Но разве мы не должны уделить внимание одному маленькому вопросу, необходимому для этой победы?

Улыбка на лице Адиз Фэн не дрогнула.

– Это, несомненно, дело легионов. И императора. А я деловая женщина, приор. Я прилетела сюда, чтобы заключить с архонтом сделку на часть его экспорта, а не для того, чтобы поразить нашего общего врага в самое сердце.

– Сьельсины с каждым днем подбираются все ближе, – сказал младший служитель Капеллы в черном одеянии, сидевший неподалеку от престарелой Эусебии. – Лорд Марло, я вынужден напомнить вам о другой задаче. Вы обязаны вооружить атомикой легионы наместницы.

Лорд Алистер Марло даже не взглянул на это ничтожество, но голос его разом оборвал внезапно поднявшийся гул. Отец говорил негромко, не срываясь на крик, но ниже всех прочих голосов и поэтому заглушал их.

– Леди Эльмира каждый квартал получает пятьдесят процентов добытого сырья. Ей не требуется больше атомиков, Северн, и нам тоже. Наша система хорошо вооружена.

Он посмотрел на Гибсона и спросил:

– Схоласт, сколько кораблей Эльмира может использовать в сражении внутри системы? Старик закашлялся, удивленный тем, что отец обратился к нему.

– По последнему отчету Имперской канцелярии? Всего сто семнадцать кораблей, не считая лихтеров.

Он начал сыпать цифрами, отдельно упоминая каждый тип судов.

Лорд Алистер поднял руку, останавливая Гибсона, и переключил внимание на Эусебию.

– Вам все понятно, приор? – спросил он и вернулся к разговору с Адиз Фэн: – Мадам директор, вас что-то беспокоит в состоянии наших дел?

Какое-то мгновение она молча смотрела на него, обдумывая свой ответ.

– Внепланетные рабочие...

– ...Согласятся на наши требования, как только начнут голодать на лишенных воздуха скалах, которые они зовут своим домом, – закончил за нее отец, положив подбородок на сцепленные руки. – Меня больше тревожат рабочие на планете. Гильдия шахтеров заявила о серии аварий рудничного и очищающего оборудования. Хуже всего обстоит дело с обогастительными центрами – мы сами не можем их восстанавливать и вынуждены закупать новые у производителей.

– Директор Фэн, фракционный гильдии просит выслушать ее, – добавил Алкуин. – Она подробно расскажет о ситуации на планетарных рудниках.

Младший советник Сунь подался вперед:

– Какая доля... м-м...

Он умолк и стал шептаться со своим соседом на мандарийском, торговом языке консорциума. Очевидно, отыскав нужное слово, Сунь продолжил:

– ...Добычи. Какая доля всей добычи урана приходится на планетарные рудники?

– Тридцать два процента, – хором ответили Гибсон и Алкуин.

Натренированная память подсказала им одинаково точные данные, но Гибсон пошел дальше:

– К сожалению, мы не можем работать с предельной нагрузкой. Текучка кадров среди шахтеров при отсутствии необходимого бурильного оборудования увеличилась втрое за последние сто лет.

– Спасибо, достаточно, – стукнул кулаком по столу лорд Алистер.

Директор поджала губы и произнесла:

– На Делосе не настолько богатые месторождения, какие были на Цай-Шэнь, так что ремонт обогастительных краулеров крайне необходим. В конце концов, вы ведь не хотите, чтобы мы недополучили нашу долю, не так ли?

Тонкая, как струна, улыбка проступила на лице отца, и молчание затянулось, подобно петле на шее. Попытки угрожать лорду Обителю Дьявола имели долгую и бесславную историю. Однажды, когда отец был чуть старше меня, наместницу – мою бабушку – вызвали на Форум к императору. Она отсутствовала тридцать семь лет, оставив недавно осиротевшего лорда Обителя Дьявола своим экзекутором. Три года спустя дом Оринов с Линона отказался платить

отцу дань, а еще через год лорд Орин повел армию, собранную домами эксулов, чтобы свергнуть лорда Алистера и отсутствующую герцогиню-наместницу. Они ринулись всем роем из внешних планет системы и дождем посыпались с неба.

Не прошло и года с начала восстания лорда Орина, как замок Линон превратился в обитель призраков, в груды обломков на дне сумрачного кратера на поверхности отдаленного спутника Делоса. Отец приказал умертвить всех членов дома Оринов, уничтожить их генофонд и забрать все атомики. Он распорядился бы и посыпать землю солью, если бы это имело какой-то смысл на лишенном атмосферы Линоне. Вместо этого он просто пробил дыру в накрытой герметичным куполом крепости и выпустил весь воздух.

Думаю, Адиз Фэн осознала свою ошибку, судя по тому как она провела рукой по затылку и догадалась отвести взгляд. Отец, несомненно, понимал, что перед ним не кто-то из эксулов, а глава крупнейшей корпорации, объединяющей десять тысяч звездных систем, но он даже не потрудился смягчить выражения.

– Хочу напомнить вам, директор, – сказал он, – что это не я сделал крюк в несколько парсеков для этой встречи. Это были вы. Если вы уверены, что можете получить в другом месте сопоставимое количество урана – причем законным путем, – то я не стану вас отговаривать. С другой стороны, если ужасная трагедия на Цай-Шэнь вынуждает вас иметь дело со мной и моей технической базой, то я прошу вас прекратить эти игры и сказать прямо, что вам нужно.

Я сидел молча, довольствуясь тем, что вообще присутствую здесь. Встреча на время превратилась, и Алкуин увел делегацию мандари для разговора с факционарием Гильдии шахтеров. Логофеты и служители Капеллы разбрелись кто куда без лишней спешки.

– Ты, – голос отца снова пробудил тревогу, тихо скользя, подобно гадюке, ниже других звуков, пока не привлек мое внимание, – останься.

Я плюхнулся обратно в кресло и оглянулся на уходящих Эусебию и молодого Северна, который поддерживал под руку пожилую начальницу. Они были похожи на две колдовские тени в своих черных одеяниях, более темных, чем даже доспехи пельтастов, закрывших за ними дверь. Перед тем как она захлопнулась, я успел разглядеть сторбленную фигуру Гибсона, с хмурым выражением лица опиравшегося на трость. Это насторожило меня больше всего остального: он не сумел справиться со своими эмоциями, хотя обязан был это сделать.

Я оказался наедине со своей семьей.

– Мать не осталась на встречу?

– Ваша мать уже улетела в Аспиду, – фыркнул отец, поправляя манжеты белой рубашки под рукавами камзола.

– Опять? – Криспин отложил планшет и воздел руки к небу. – Она же только приехала.

Лорд Алистер подождал мгновение, барабанив пальцами по столу. Его взгляд остановился на шипастой деревянной маске в форме сердца – центральной части композиции, украшающей стену. В тот момент, когда я обернулся к этой ужасной вещи, отец заговорил:

– Ты пообещал ей помощь.

Я озадаченно поднял брови и огляделся по сторонам:

– Прошу прощения, что?

– Факционарию гильдии, которая сейчас беседует с Фэн. Ты обещал ей новое оборудование.

– Бейлем? – Я выпрямился в кресле. – Ничего я ей не обещал.

Глубоким, холодным, как смерть, голосом лорд Алистер оборвал мои возражения:

– Ты дал понять этой женщине, будь она проклята, что мы можем помочь ее рабочим.

– Но, отец, мы должны это сделать!

– Ты хотя бы представляешь, мальчик, сколько стоит один обогащательный краулер?

Не дождавшись ответа, он назвал сумму сам:

– Без малого пятнадцать миллионов марок, и это без учета стоимости перевозки и десятины для Капеллы.

Он оперся ладонями о стол и прищурился:

– Знаешь, сколько краулеров получили повреждения за последние тридцать стандартных лет?

Криспин засопел, и я обернулся к нему, прежде чем ответить. Он смотрел на меня таким же взглядом, как отец. Я подумал о масках за дверью, о лицах моих предков. Тревожные предчувствия наполнили меня, возникло ощущение, что все мы были рождены по заказу, вырезанные из одной и той же лиловоглазой породы.

Однако так уж получилось, что я знал ответ на вопрос отца. Мне оставалось только прикрыть глаза и сказать:

– Девять.

– Девять? – присвистнул Криспин.

– Это все из-за Капеллы, – начал я. – Если бы у нас была возможность проводить крупномасштабный ремонт...

Но об этом не могло быть и речи. В те времена Капелла контролировала использование и закупки любой сложной техники. Они выискивали деймонов – разумные машины, которыми мерикани задавили все остальное человечество и которые потом задавили их самих. Ни одного подобного монстра не появлялось в пространстве Империи уже больше двух тысяч лет, но Капелла не теряла бдительности. Стоило одному из лордов нарушить правила – создать частную инфосеть, приютить у себя внепланетных техников, купить запрещенное оборудование у экстрасоларианцев или приобрести слишком много краулеров без разрешения главного приора системы – и это не осталось бы без последствий. Говорят, деймоны повсюду, эти призраки из машины. Скверна только и ждет, когда какой-нибудь глупый магус призовет ее из кремниевых или иттербиевых кристаллов. Лорд, связавшийся с темным искусством, попадет в руки инквизиции, а та передаст его катарам, пыточным хирургам. В худшем случае целая планета будет стерилизована, на нее обрушится ядерный огонь, или эпидемия, или еще какой-нибудь ужас из арсенала черных священников.

Отец прекрасно сознавал эту смертельную опасность, губы его побледнели.

– Ты, мальчик, хочешь познакомиться с инквизицией?

– Я только сказал, что...

– Я знаю, что ты сказал. – Лорд Алистер встал и посмотрел на меня поверх своего орлиного носа. – И я знаю, что ты знаешь, насколько это опасно. Думаешь, Эусебия и этот малый Северн будут хоть мгновение колебаться, перед тем как подставить кого-то из нас под нож? Мы ходим по лезвию бритвы. Каждый из нас.

Криспин изогнулся, чтобы посмотреть на отца:

– Мы не делали ничего плохого.

Я откинулся на спинку кресла и, сложив руки на груди, сказал:

– Сир, мне известны наши обязательства перед Писанием Капеллы. Я просто считаю, что если для восстановления нормы добычи нам требуется разрешение на покупку нового оборудования, то мы должны получить его во что бы то ни стало. Возможно, мне стоит поговорить с директором, пока она не улетела. И позволь мне взять с собой Гибсона. Ей нужен наш уран точно так же, как и нам самим. Думаю, я могу заключить сделку.

– Ты? Сделку?

Длинный плащ лорда Алистера взвился вихрем черно-красного шелка, когда отец резко развернулся и уставился на картину, на которой была изображена гондола, подплывающая к острову с обнесенной оградой гробницей.

Неожиданно в разговор вступил Криспин:

– Почему бы и нет, отец? У него неплохо получается.

Я открыл было рот, чтобы ответить, но сглотнул и с немым удивлением уставился на Криспина. Неужели он только что пытался за меня заступиться? Я просто сидел и смотрел на младшего брата, опустившего квадратную челюсть к игровому планшету, что снова появился в его больших руках с толстыми пальцами.

– Потому что твой брат своим вмешательством уже испортил и без того затруднительную ситуацию, – произнес отец и, не меняя положения ног, вполоборота взглянул на меня из-под изогнутых бровей.

Его силуэт потемнел, освещенный только слабыми лучами солнца, что пробивались через круглое отверстие купола с выцветшими фресками, изображающими завоевание планеты.

– Я дал тебе простое задание: утихомирить представительницу гильдии, – напомнил он. – А ты только взбудоражил ее и прервал переговоры, чтобы успеть на этот фарс в тронном зале.

Я вцепился в подлокотники так крепко, что жилы мои застонали, и выдохнул:

– Ты не должен был отсылать меня.

Услышав это, отец все-таки повернулся:

– Только не вздумай читать мне нотации, мальчик!

В первый раз за день лорд Алистер повысил голос, нахмутив брови так, что над самым носом образовалась небольшая складка. Не то чтобы он кричал, но и этого вполне хватило. Даже Криспин перепугался.

– Я знаю твои способности, хоть они и не велики.

Уязвленная гордость пересилила мой страх, и я вскочил с кресла:

– Не велики? Я думал, что меня обучают дипломатии. Гибсон говорит...

– Гибсон просто старый дурак, забывший свое место.

В этот момент отец показал себя настоящим лордом, отмечая тридцатилетнюю верную службу схоласта одним величественным движением руки.

– Самое время отправить старика на покой, – заявил он. – Подыщем для него какое-нибудь уединенное местечко в городе или, может быть, в горах. Ему понравится.

– Не делай этого!

Отец моргнул один раз, словно в леднике образовалась трещина, и произнес:

– Полагаю, я уже сказал, чтобы ты не смел учить меня.

Голос его внезапно стал пугающе мягким. Вернувшись к созерцанию картины с погребальным островом и маленькой белой лодкой, отец продолжил:

– Мы никогда и ничего не делаем в спешке. Сам по себе старик не бесполезен. Насколько я понимаю, ты делаешь успехи в изучении языков.

Чувствуя ловушку, но еще не определив ее очертаний, я сказал:

– Да. Гибсон говорит, что мой мандарийский безупречен и даже сельсинский вполне хорош.

– А лотрианский?

Ловушка захлопнулась. Но как он узнал? В клуатре не было видеокамер. И не должно быть. Схоластам не позволено иметь под рукой ничего более сложного, чем читалка для микрофильмов. Может быть, кто-то подслушивал, приложив ухо к замочной скважине? Или... Внезапно я вспомнил и усмехнулся. Тот слуга, что протирал окно снаружи, уж не он ли? Я выпрямился, подражая солдатской строевой стойке и пытаюсь скрыть свое удивление.

– Хорош, но не настолько, чтобы меня можно было послать в Лотриад... в Содружество, – разувлибался я, надеясь с помощью шутки скрыть свою догадку. – Я знаю достаточно, чтобы спросить, как найти туалет, но в более сложных случаях могу растеряться.

Криспин рассмеялся, и отец грозно сверкнул на него глазами, прежде чем обратиться ко мне:

– Думаешь, здесь просто игра?

– Нет, сир.

– Это схоласт рассказал тебе о данном визите?

Отрицать было бессмысленно.

– Да, он, отец.

– Гибсон становится старым. Совсем забыл свое место.

– Он мудр и опытен, – огрызнулся я.

– Значит, ты защищаешь его?

– Да!

– Ты же знаешь, – вмешался Криспин, пожимая плечами, – он неплохой учитель.

– Он прекрасный учитель, – поправил я брата, выпятив нижнюю челюсть. – Он сделал то, что сделал, потому что не видел смысла скрывать такую важную новость от твоего сына. Если я стану править после тебя, меня нужно привлекать к делам.

– Если ты станешь править после меня? – Лорд Алистер моргнул и покачал головой в искреннем удивлении. – Кто вообще говорил тебе, что ты станешь править после меня?

Скорее рефлексивно, чем по какой-то другой причине, я оглянулся на брата. Нет. Нет, этого не может быть. Это бессмысленно.

Но отец еще не закончил:

– Я не называл своего преемника и, видит Земля, еще долго не собираюсь. Но если ты намерен продолжать в том же духе, мальчик, я могу сказать тебе одно...

Он сделал паузу, все еще стоя спиной ко мне и поглощенный картиной с жутким островом.

– ...Этим преемником будешь не ты.

Глава 6

Истина без красоты

На арене колизея группа из четырех лорариев, вооруженных парализующими дубинками, старалась утихомирить аждарха, в то время как трое других очищали площадку от останков рабов, посланных сражаться с внепланетным чудовищем. Я наблюдал за тем, как один из них разбрасывал лопатой опилки, чтобы скрыть следы крови. Многим здесь, не только мне, было нелегко смотреть на хищника с чужой планеты. Что-то в моих клетках противилось этому зрелищу, какая-то глубинная память о том, как должно выглядеть живое существо, память, восходящая к далеким временам, когда мир ограничивался изгибом горизонта. Аждарх был просто отвратителен. Внешне напоминал птерозавра, древнего гигантского ящера с кожистыми, как у летучей мыши, крыльями. С другой стороны, он был похож на дракона из легенд, с шипастым хвостом и изогнутыми когтями. Но его шея – длиной почти в два человеческих роста – от недоразвитой головы до грудной клетки раскрывалась в огромную пасть, усеянную кривыми, беспорядочно разбросанными зубами, которые шевелились, словно мандибулы.

Одна из лорариев – молодая рыжеволосая женщина – бросилась вперед и ужалела тварь дубинкой в не защищенный ничем, кроме кожи, бок. Чудовище испустило булькающий рев и отскочило в сторону, таща за собой тяжелую цепь с ухватившимися за нее тремя другими лорариями. Толпа заохала и завывала от восторга, а монстр плевался мокротой из раскрытого горла. Даже из безопасной ложи лорда, окруженной щитовой завесой, я разглядел внутри кровь.

– Следующими будут «Дьяволы», – сообщил Криспин, толкнув меня под локоть. – Ты готов?

– Как всегда.

Я вернулся к лежавшему на коленях блокноту и провел по листу правой рукой. Уголь уже начал размазываться, скрывая нарисованный мной профиль лейтенанта Киры. Отец послал нас с Криспином вместо себя на открытие сезона Колоссо. Сам он был сейчас у нашей бабушки в Артемии, где обсуждал с ней государственные вопросы.

С детства я ненавидел арену. Шум, боль и все остальное. Насилие вызывало у меня отвращение. Вопли зрителей резали мне уши, как и рев труб, усиленный акустической системой колизея, но голос диктора перекрывал и то, и другое. Запах немытых тел, смешанный с ароматом жареного искусственного мяса и металлическим привкусом крови, терзал мое обоняние ничуть не меньше, чем крики истязали слух.

И все же сильнее всего меня ранило само это преступление против жизни, бессердечная утрата человечности. Я знал, что сражавшиеся были рабами, и, возможно, это оправдывало насилие в глазах многих. Но я только что видел, как летучий ксенобит растерзал в клочья трех человек, а дети на трибунах визжали от страха и возбуждения. Обнаженные по пояс мужчины, чьи тела были разрисованы в красно-золотые и красно-черные цвета, хлопали друг друга по плечам и наливались дешевым пивом, громко смеялись и оглушительно вопили, наслаждаясь зрелищем. Вид крови угнетал меня даже больше, чем новости о расправе на Цай-Шэнь, потому что здесь было что-то близкое, реальное. А люди радовались. Я часто задумывался, что подумали бы предки о нас и нашей страсти к насилию. Я слышал, что поколение, погубившее Старую Землю, порицало насилие в повседневной жизни. Какая ирония, именно те, кто развязал ядерную войну, управлял лагерями для беженцев и портил экологию, отказывались смотреть на кровавые развлечения. Возможно, они назвали бы нас варварами, те люди из глубокой древности.

Я затемнил карандашом контур лица Киры. Хватит философствовать.

Криспин еще больше оживился:

– Я выйду после первой схватки!

– Что ты сказал?

Я как раз подчеркивал завиток волос и не мог оторвать взгляд от рисунка. Но мысли мои были заняты другим. Я думал о Цай-Шэнь и об отце. И о самом Криспине. В голове до сих пор звучали слова отца, сказанные под Куполом изящной резьбы: «Кто вообще говорил тебе, что ты станешь править после меня?» Это было сказано в первую очередь для Криспина. Каждое слово. А меня выгонят прочь. Женят на каком-нибудь бароне или баронессе, как дорогую безделушку, или отправят в легионы.

– Я выйду на арену! – улыбнулся Криспин, видимо искренне воодушевленный этой перспективой. – Отец обещал, что я буду драться сегодня.

– Ага, – я лишь мельком взглянул на него, – уже знаю. Ты только об этом и твердишь.

Я так сильно надавил карандашом на бумагу, что он сломался, испортив изящный нос Киры. Мысленно выругавшись, я понял, что обижен на брата. Я всегда ненавидел его, но ненависть – это что-то чистое, как огонь в груди. Однако обида сидела во мне, словно раковая опухоль. Я не желал того, что принадлежало ему. Скорее, меня обижало, что он отобрал то, что я в глубине души считал своим. Я уже говорил, что не собирался занять трон отца. Просто не хотел, чтобы он достался Криспину.

– Отец сказал, что мне позволят драться только с рабом-мирмидонцем, но я знаю, что могу выбрать Марко. Робан, я могу выбрать Марко?

Криспин встал со своего кресла. По такому случаю брат был облачен в броню, в доспехи из титана и керамики с темно-красной отделкой. Анатомическая кираса была обтянута черной кожей с изображением дьявола дома Марло, впитывающей свет, словно кровь. С левого плеча брата свисал короткий плащ из роскошного бархата, багряный на солнце и черный в тени.

Круглолицый рыцарь провел рукой по мелко завитым волосам и сказал:

– Уверен, что можете, молодой мастер.

Криспин глотнул из стакана какой-то энергетический напиток голубого цвета и, проигнорировав слова Робана, обратился ко мне:

– Тебе подарили большой меч... как ты его называешь?

– Монтанте⁶, – ответил я, достал из кожаной сумки другой карандаш и выписал в нижнем правом углу рисунка имя Киры мелкими, изящными буквами.

– Точно! – Криспин залился булькающим смехом и взял пару оливок из фарфоровой вазы, стоявшей на маленьком столе перед нами. – Они очень медленные.

У двери шевельнулся Робан:

– Молодой мастер совершенно прав.

– Короткий меч и дага намного лучше, – заявил Криспин, поставив ногу на стол и опрокинув вазу.

Она упала на пол и разбилась, оливки раскатились во все стороны. Криспин не обратил внимания ни на падение, ни на слуг, бросившихся подбирать осколки фарфора и оливки.

– Знаешь, кого выбрали драться со мной? – спросил он.

Сэр Робан пожал плечами:

– Думаю, каких-то рабов.

– Не одного, а больше?

Зубы Криспина сверкнули в льющемся сверху тусклом свете. Он стоял спиной к арене, лицо скрывала тень.

– Может быть, сир, – Робан зажал свой шлем правым локтем, – мне не сообщили. Выбирать должен был вилик колizeя. Мне сказали, он придет за вами, когда все будет готово.

⁶ Монтанте – иберийский полуторачный меч с широким лезвием.

Криспин плюхнулся в кресло, ухватил рукой в латной рукавице свой напиток и наклонился к перилам. Внизу, на арене появились «Дьяволы Мейдуа», выйдя из лифта в правой стороне площадки под крики зрителей и звон фанфар. Они носили алые и кремовые цвета Имперских легионов. Бронированные пластины костяного цвета закрывали их лица, а на спинах, над порядковыми номерами, были выведены имена.

В середине стоял номер девять – Том Марко, крупный мужчина с тремя керамическими полосками на плече, обозначающими звание центуриона, хотя он этого не заслуживал. Он был актером, игрушечным солдатом, никогда даже близко не подходившим к настоящим легионерам.

– Это произошло летом девятьсот восемьдесят седьмого года!

Слова диктора разлетелись по всему колизею, отражаясь от возбужденной толпы с флагами и нарисованными от руки эмблемами, чьи выкрики: «Дьяволы! Дьяволы! Дьяволы!» – едва не заглушали усиленный аппаратурой голос. Этого было достаточно, чтобы я перестал прислушиваться. Я знал, что это за дата и что нам предстояло увидеть.

– Последние бойцы Шестьсот семнадцатого легиона потерпели крушение на Беллосе, их корабль разбился, братья и сестры погибли! Никто не прилетел спасти их!

По сигналу в дальней части поднялась платформа и выплеснула на арену группу мужчин и женщин. Они были рабами, все до единого. Обычная история для преступников на Делосе, как и во всей Империи, – их заставили заняться этим делом. Каждому вырвали ноздри, а на лбу сделали татуировку с указанием, какое преступление он совершил. Кто-то из них лишился руки, другой – глаза, у третьего недоставало обоих ушей. Всех побрили наголо, а тела выкрасили в белый цвет, чтобы сделать более похожими на сельсинов. Хотя под комбинезонами этого и не было видно, но я знал, что всех мужчин оскостили, а женщинам вырезали груди, чтобы люди еще более напоминали бесполок сельсинов и совсем пали духом.

Все они должны были умереть сегодня, чтобы соответствовать легенде, в которой говорится, что выжившие солдаты Шестьсот семнадцатого легиона Центавра отразили атаку орды сельсинов, разрушивших колонию Беллоса.

У семерых «Дьяволов Мейдуа» были щиты и доспехи, рабы не имели ни того ни другого. «Дьяволов» вооружили плазменными ружьями и энергетическими копьями, установленными на малую мощность и способными вызвать только сильный ожог. Рабы держали в руках лишь грубые стальные клинки и палицы – сельсины не признавали энергетического оружия. Предстояла неравная схватка. Впрочем, ничего иного и не планировалось.

Это было Колоссо – крупнейшее развлекательное зрелище Империи, и зрелище кровавое. Сначала травля аждарха, затем массовая схватка, шанс возвыситься для победивших героев, а дальше пойдут поединки – лучшие против лучших. И в первом из таких боев будет участвовать Криспин, молодой и отважный сын лорда, выглядевший просто красавцем в дорожной броне, со сверкающим мечом и модной стрижкой. Все это вдруг поразило меня своей порочной извращенностью. Возможно, древние были правы. Возможно, Валка была права. Мы варвары. Мне захотелось уйти отсюда, захотелось вернуться в свою комнату в Обители Дьявола.

– Смотрите, как бледные твари окружают наших героев! – продолжал диктор.

Лорарии в красной униформе парализующими дубинками заставили рабов охватить в кольцо семерых «Дьяволов Мейдуа».

– Смотрите на наших героев, единственных, кто пытается уберечь бедных жителей Беллоса от участи стать пищей для ужасных сельсинов! Смотрите, как отважно они сражаются!

Над всей ареной разнесся гонг: глубокий, скорбный, удивительно чистый. Его звук еще долго стоял у меня в ушах, предвещая мое собственное будущее. Толпа взревела от восторга. Я отвернулся, перелистнул страницу блокнота и заточил сломанный карандаш скальпелем, который достал из сумки.

Первый плазменный заряд, пущенный в атакующих рабов, словно бы обжег меня самого. Им не оставалось ничего другого, кроме как сражаться. Стоявшие по периметру лорарии держали в руках светящиеся копья и готовы были опустить их в любой момент, вынуждая рабов либо продолжать бой, либо умереть на месте.

Я вздрогнул.

Криспин вскочил с места и принялся размахивать обнаженным мечом. Острый как бритва керамический клинок засверкал над головами сидевших под нашей ложей простолюдинов. Брат что-то бессвязно кричал вместе с толпой, разгоряченной насилием. Я подумал, что сэр Феликс дал бы Криспину затрещину, чтобы тот не доставал без необходимости меч из ножен. Сам я не взял с собой никакого оружия, кроме длинного ножа, сказав Робану, что в его присутствии не нуждаюсь в другой защите. Это польстило рыцарю, но сейчас я чувствовал себя маленьким и незащищенным рядом с вооруженным и облаченным в броню братом.

Один из «Дьяволов Мейдуа» наступил на лицо упавшего раба и сломал ему нос. Алая кровь побежала по щекам и подбородку, смывая белую краску. Гладиатор еще раз топнул, толпа охнула, а затем взревела. Сапог поднялся и опять опустился на лицо раба. Тот даже не дернулся. Он уже умер – не мог не умереть. Это было представление: пустое и бессмысленное. Оно предназначено не для меня, а для таких, как мой брат, как вопящие сервы и плебеи на трибунах с их кебабами и сахарной ватой, подслащенными напитками и дешевым пивом.

– Молодой мастер Криспин, – прозвучал из глубины ложи хриплый, грубый голос.

Я оглянулся и с удивлением понял, что это сказала женщина: коренастая, с колючими карими глазами. Ее спутанные рыжеватые волосы были подстрижены над ушами. Некрасивое обветренное лицо искривилось в жутковатой улыбке. Я ухватил Криспина за его нелепый короткий плащ.

Он обернулся, расплескав по полу голубой напиток, и ухмыльнулся уродливой женщине:

– Пора?

– Да, молодой мастер.

Едва не облив себя от возбуждения, Криспин поставил бокал на стол и почти вприпрыжку помчался к стоявшим в коридоре за открытой дверью лорариям. Рев толпы хлынул в ложу, куда более громкий и резкий без смягчающего эффекта защитного экрана.

– Вы идете, мастер Адриан? – шагнув вперед, спросил сэр Робан.

– Нет.

Я отвернулся и попытался стереть темное пятнышко с листа, но добился лишь того, что испачкал палец. Сосредоточился на своем блокноте, стараясь не думать о развернувшейся внизу кровавой бойне. По правде говоря, я с радостью пошел бы с Робаном, если бы ликтор направлялся в какое-нибудь другое место, а не в гладиаторское крыло возле выхода на арену.

– Значит, я должен остаться здесь?

– Нет, нет. Криспину вы нужны больше, чем мне в закрытой ложе.

– Хорошо, сир.

Я сидел в одиночестве и думал об отце, пока внизу семеро мужчин, переодетых имперскими легионерами, расправлялись с тремя десятками рабов-заключенных, орудуя плазмометами и энергетическими копьями. Зловоние горелой плоти и опаленной ткани поднималось над полем бойни, смешиваясь с запахами кебаба и попкорна, витающими над трибунами. Это была чудовищная, жуткая смесь. Я перелистывал страницы блокнота: портреты людей и пейзажи, окружающие замок.

Рисовать я любил с детства. А став старше, понял, что в этом занятии кроется что-то особенное. Фотография может запечатлеть внешний вид, представить цвет и подробности с максимальным разрешением, на которое не способен ни глаз, ни разум человека. Запись генома

или инъекция памяти РНК⁷ может воспроизвести организм с абсолютной точностью. Но так же, как вдумчивое чтение дает человеку возможность воспринять и обобщить истинный смысл написанного, рисование позволяет художнику запечатлеть дух увиденного.

Художник видит натуру не такой, какая она есть или может быть, а такой, какой она должна быть. Каким должен стать наш мир. Вот почему портрет – по человеческим понятиям – всегда побеждает фотографию. Мы поэтому обращаемся к религии, даже если наука возражает, поэтому любой схоласт может превзойти машину. Фотография фиксирует мир как таковой, фиксирует факт. Факты привязывают меня к моей старости. Меня же интересует истина, а истина заключена в карандаше... или в чернилах, которыми я пишу эти записки. Но не в цифровом коде или лазерном луче. Истина кроется не в механическом повторении, а в мелких и тонких погрешностях, в несовершенстве, свойственном как искусству, так и человеку.

«Красота есть истина»⁸, – сказал поэт.

Истина. Красота.

Он ошибался. Это не одно и то же.

Не было никакой красоты на этой арене, но там была истина. Я видел ее, когда люди умирали ради развлечения семидесяти тысяч зрителей. Или, скорее, слышал – сквозь крики, аплодисменты и смех восторженной публики, когда Криспин ступил на арену в клубах дыма, а лорарии и сервиторы оттаскивали трупы рабов к лифту. Тишина. Глубокая, звенящая тишина. Та, что не в ушах, а в голове. Толпа – поскольку она была единым существом – кричала, чтобы заглушить эту тишину в душах. Я слышал ее, но не понял, что это такое. Не понял, что она означает.

Застегнув камзол, я развернулся и направился к двери. Мне необходим был воздух. Внезапно я осознал, что не могу больше терпеть эту сцену. Это был не мой мир, не то, что я хотел бы унаследовать вместе со всем прочим. Когда я выходил из ложи, простолюдины аплодировали – рукоплескали Криспину.

И ему это нравилось.

⁷ РНК – рибонуклеиновые кислоты.

⁸ Из «Оды греческой вазе» Джона Китса.

Глава 7

Мейдуа

Снаружи воздух был холодней, а возбужденный шум Колоссо сделался глухим и отдаленным. День клонился к вечеру, и огромное бледное солнце над низкими башнями Мейдуа покраснело по контуру. Вдали, словно грозовой фронт, возвышался черный замок – мой дом на акрополе. И я был один. Мужчины и женщины, что проходили по улицам возле цирка, казались мне такими же чуждыми, как представители иной расы.

Наверное, отец был прав, сомневаясь во мне. Если я не способен выдержать Колоссо, разве можно ожидать, что я сумею править префектурой так же, как он? Разве можно ожидать, что я сумею сделать трудный и кровавый выбор, в котором и заключена суть правления? Пока я торопливо шел прочь от колизея, мимо ипподрома и большого базара, мысли мои вернулись к дому Оринов, к разрушенным залам Линона на удалении в половину планетной системы от меня. Я твердил себе, что не готов сделать ничего подобного, что я не настолько решителен или жесток. Думал об убитых рабах, о сапоге гладиатора, топтавшем выбеленную плоть до тех пор, пока не треснул череп под ногой. Я прибавил шаг, жалея, что не смогу идти так быстро, чтобы покинуть весь этот мир.

Сразу за цирком город начал подниматься вверх, уже зажглись фонари, и тени от башен перерезали узкие улицы. Над головой промчался флайер, а вдали небо перечеркнул раскаленный след стартующей ракеты. Мне хотелось оказаться сейчас на ней и лететь куда-нибудь, куда угодно. Я понимал, что должен вернуться назад, – если не в ложу колизея, то хотя бы к своему шаттлу, – но сама мысль о возвращении, о Криспине, наслаждающемся этой кровавой забавой, вызвала у меня раздражение. Я постоял немного в тени триумфальной арки, наблюдая за грунтомобилями, что еле плелись в напряженном уличном движении в окрестностях колизея.

Легкий свежий ветер подул из-за поворота дороги, принес с собой запах соли и моря и карканье далеких птиц. Угасающий день был чист и ясен, но легкий холодок напоминал о том, что лето уже на исходе, и я плотнее застегнул камзол. Нужно вернуться домой, и будь проклят отец вместе со всем тем, что он скажет мне по этому поводу. До замка было недалеко: несколько миль на северо-запад вверх по извилистым улочкам, петляющим вокруг известнякового утеса до самой лестницы и Рогатых ворот.

Я направился по набережной Красного Зубца, ведущей к водопаду и большой плотине. Река кишела рыбацкими лодками и тяжелыми баржами, перевозившими добытую руду из верховий. Резкие и грубые голоса далеко разносились над водой. Я помедлил немного, заглядевшись на старомодную галеру с гребцами-сервами, что боролась с медленным течением великой реки, возвращаясь к далеким горам. Стук барабана и голос гортатора⁹ были с такого расстояния едва различимы.

«Гребите к дому, парни! Гребите к дому», – повторял он в такт ударам барабана.

Так я и стоял, пока грузовая баржа с дьяволом Марло на борту не заслонила это зрелище. Сервы не могли с ней тягаться. Им запрещалось использовать даже те технологии, что были позволены работникам гильдии. Оставалось только грести в поте лица, рассчитывая лишь на силу своих рук.

Я уже подумывал о том, чтобы развернуться и пойти к пристани и рыбному рынку, куда любил наведываться в детстве. Здесь стояли лавки ниппонцев, готовивших рыбу с рисом, а в Нижнем городе устраивались представления, где срамливали зверей. Но я помнил об опасности, угрожавшей палатинскому аристократу, который рискнет открыто разгуливать по ули-

⁹ Гортатор – начальник гребцов на боевых судах в Древней Греции.

цам в подобающем своему сословию наряде. Повернув перстень-печать на большом пальце, я нерешительно покрутил тонкий обруч терминала. Инстинкт говорил мне, что нужно вызвать поддержку или хотя бы предупредить Киру, что я иду к шаттлу.

Но мне дорого было мое уединение, как и всем молодым людям в трудные для них периоды жизни. Свернув с набережной, я подождал, пока проедут грунтомотоциклы, пересек улицу и двинулся по извилистому переулку мимо витрин магазинов и палаток, где продавались еда и иконы Капеллы из пластика и поддельного мрамора. Вежливо отказался от предложения какой-то женщины заплести мои волосы, пропустил мимо ушей крики о том, что такие длинные космы носят только катамиты¹⁰. В те времена в моде были короткие стрижки, как у Крипина или Робана, но я – и возможно, это символизировало мой провал в роли наследника – не обращал внимания на вкусы простолюдинов. Мне хотелось возразить этой женщине, что сын архонта тоже носит длинные волосы, но я сдержался и свернул за угол.

Я уже сказал, что чувствовал себя чуть ли не представителем другой расы. В результате долгой семейной истории генетических изменений я был, несмотря на невысокий для Марло рост, все же выше большинства плебеев, проходивших мимо. Волосы мои были темнее, а кожа бледнее, чем у них. В свои почти двадцать стандартных лет я чувствовал себя древнее этих преждевременно постаревших торговцев и рабочих, поскольку понимал, что за их морщинистыми лицами и загрубелыми руками скрывается возраст немногим старше моего. Собственные тела уже предали их. Возможно, дело в происходившем на Колоссо варварстве, или мои воспоминания омрачены тем, что случилось на прогулке, но в тот момент лица мейдуанцев казались мне почти карикатурами. набросками, выведенными детской рукой. Грубой резьбой в исполнении того, кто имел слабое представление о людях. Такой пористой и жирной, потемневшей от солнца кожи у меня не будет никогда. Я не мог отделаться от вопроса: кто же из нас настоящий человек? Может быть, я с моими перекроенными Коллегией генами и королевскими манерами? Или они, в своем естественном состоянии, более человечны, чем я смогу когда-нибудь стать? Тогда мне казалось, что я. Но, подобно капитану из притчи, заменявшему доску за доской в обшивке, пока корабль не стал совсем как новый, я размышлял о том, сколько строк в родословной нужно переписать, чтобы человек перестал быть собой, вообще перестал быть человеком.

Следующая улица вела вверх и вправо. Фасады домов из стекла и известняка изящно обвивала виноградная лоза, хотя время для сбора урожая было не самое подходящее. Я шел мимо контор поставщиков продовольствия и заведений, где простолюдину за умеренную плату могли вырвать гнилые зубы. Я слышал, что со временем они не вырастут заново. Это всегда казалось мне странным, но потом я подумал о директоре Фэн и ее имплантах из нержавеющей стали. Почему она выбрала именно их, хотя могла иметь идеально белые зубы? Эти мысли так захватили меня, что я не распознал рев мотоцикла и даже не догадался о его приближении, пока тот не уткнулся мне в спину.

От удара мне вышибло дыхание, и я упал на мостовую, придавив собой нож. Превозможная боль в спине, я с трудом поднялся на колени. Мои слишком черные волосы упали на глаза, и я оценил преимущества короткой прически Крипина. Эта мысль чуть не рассмешила меня, хотя я попытался понять, что же произошло. Куда пропали все окружающие? И где та улица с увитыми лозой домами, которые так восхищали меня всего мгновение назад? Должно быть, я, сам того не заметив, свернул в переулок, круто повернувшись к утесу и нашему акрополю. Снизу башни Обитатели Дьявола по-прежнему казались поднявшимся из земли дворцом буйного бога хаоса.

¹⁰ Катамит – мальчик, находящийся на содержании у мужчины-педераста.

Где-то вдали зазвонили, отмечая закат, колокола Капеллы, и голоса капелланов, усиленные мощными динамиками, установленными в храмах и на высоких столбах по всему Мейдуа, взревели, созывая прихожан на молитву.

– Врежь ему, Джем! – послышался окрик, и что-то тяжелое и металлическое звякнуло по камням.

Я обернулся и увидел крупного мужчину на мотоцикле с примитивным бензиновым двигателем, извергающим в воздух ядовитые газы. Где он раздобыл эту вещь – в Гильдии перевозчиков или на нелегальном рынке, – я так и не узнал. Он сжимал в руке длинную трубу и, судя по его позе, именно ею только что стучал по мостовой. Возможно, эта же труба сбила с ног меня. Но мое внимание привлекло лицо этого человека. Левая ноздря была вырезана, и при свете зажженного уличного фонаря в глубине жуткой раны виднелась кость. А на лбу у него черными зловещими буквами было вытатуировано судебное обвинение: «ГРАБИТЕЛЬ».

– Врежь ему! – произнес другой голос.

Я повернул голову – в конце переулка ожидали еще двое мужчин на мотоциклах, подзадоривая своего приятеля. Став на ноги, я поднял руки вверх.

– Сдаюсь, – сказал я, вспомнив уроки, как нужно вести себя в таких ситуациях, а затем незаметно нажал кнопку тревоги наручного терминала. – Сдаюсь.

Я смутно помнил, как еще в детстве меня учили сразу же сдаваться, если оказался один и без оружия против группы людей, в расчете на то, что они затребуют выкуп. Все палатинские дома признавали такие требования как часть правил ведения пойны¹¹.

Только передо мной были не палатины.

– На кой черт нам твое «сдаюсь»? – сказал один из тех двоих, что стояли в стороне от меня.

– Так ты, что ли, пат? – спросил второй. – Чего ты так вырядился? – Он провел языком по кривым зубам. – У него полно монет, вот увидите.

Ни один из возможных ответов не удовлетворил бы их алчность. У меня было лишь мгновение, чтобы оценить ситуацию. Мужчина с трубой нажал на газ, заднее колесо мотоцикла прокрутилось на месте, отбрасывая в стороны пыль и мелкие камни. Затем он рванул ко мне, замахнувшись для нового удара. Годы тренировок внезапно вылетели из моей головы, и я метнулся вбок в надежде, что невысокий бордюр остановит нападавшего. На бегу активировал большим пальцем пояс-щит и ощутил сдержанный гул, когда энергетическая завеса окутала меня. Звуки вокруг сделались приглушенными, но, увы, я сообразил, что даже на мотоцикле противник будет двигаться слишком медленно, чтобы щит принес хоть какую-то пользу. Поле Ройса становится эффективным при куда больших скоростях, чем та, с которой способен перемещаться человек. Оно защитило бы меня, если бы у мерзавца был пистолет, но против этой трубы – нет.

Нападавший промахнулся, развернул мотоцикл юзом и рассмеялся, снова устремившись ко мне. Нужно было убежать, но я остался на месте и выхватил свою дагу. Молочно-белое лезвие длиной с мое предплечье сверкнуло в багровых сумерках.

– Кто вас послал? – потребовал я ответа, принимая защитную стойку.

Станным образом мои мысли вернулись к травле аждарха, которую я наблюдал в тот вечер, но мне быстро стало ясно, что мое положение имеет с ней мало общего. Летающий ксе-нобит без труда справился с рабами-гладиаторами. Мой случай больше напоминал старинную корриду, ее до сих пор иногда устраивали, когда на Колоссо не хватало экзотических животных. К тому же из меня без подходящего меча получился плохой матадор.

– Кто вас послал? – повторил я, теперь уже скорее с вызовом.

¹¹ См. Глоссарий.

Двое других мотоциклистов тоже помчались ко мне. Один из них размахивал дубинкой префекта, другой – алюминиевой битой наподобие тех, какими дети играют в мяч. Я рванулся вперед, решив, что фехтовальная тактика сближения уберет меня от их атаки. Она сработала лишь отчасти, и вскоре я уже лежал на спине. Точнее говоря, меня опрокинули на спину. Окруженный с трех сторон, я перекатился на колени и восстановил стойку, снова нажав кнопку тревоги на терминале. Робан должен был уже получить сигнал, так же как Кира и другие охранники. Я попытался представить, как пельтасты набиваются в шаттл Киры, как раскрываются, будто шкатулка с драгоценностями, энергетические копья, переходя в боевое состояние.

– Зеб, сними с него кольца! – сказал мужчина с трубой. – Глянь, это стоящие вещи?

«Нет, – внезапно понял я. – Это не мужчины. Мальчишки».

Моими противниками были подростки. Эфебы, не старше Криспина. Жидкие курчавые волосы закрывали их усыпанные угрями лица. Обыкновенные уличные крысы. Банда. Но где они раздобыли мотоциклы? Это не могут быть дешевые игрушки, даже если Капелла не ограничивает их использование.

Капелла... Проклятые колокола звонили теперь по всему городу, и наверху, в Обители Дьявола, Эусебия уже должна готовиться к вечерней Элегии. Все люди должны или молиться, или поклоняться кровопролитию на Колоссо. Я представил, как Криспин стоит на пыльной арене коллизея, а лепестки роз осыпают его и поверженных им противников. Сэр Робан уже наверняка определил мое местонахождение, но в моем маленьком клубке хаоса ничего не изменилось.

– Давай драться честно! – подняв свой нож, крикнул я, глупо и наивно.

Это была не дуэль, не поединок по правилам, один на один и с равным оружием, где победа зависит только от твоего искусства.

– Ты ж вроде сказал, что сдаешься, – заявил один мальчишка, возможно Зеб, я так и не понял, как кого зовут.

Хулиганы подобрались ближе ко мне, двигатели их мотоциклов работали на холостых оборотах.

– Да этот мямля, похоже, живет в каком-нибудь дворце с башнями в Верхнем городе. И он еще будет нам что-то говорить про честность! – Мальчишка сплюнул. – Дай-ка ему еще раз, Джем. Здесь не его район.

– Это мой...

Я хотел сказать, что это мой город, но крупный парень с трубой двинулся прямо на меня. Я бросился в сторону, собираясь отмахнуться ножом... но слишком медленно. Труба угодила мне в предплечье, чуть выше запястья, и я выронил нож. Взвыв от боли, я опустился на колени, чувствуя, что рука сломана. Шпана с улюлюканьем спрыгнула с мотоциклов. Прижав сломанную руку к груди, я заскреб по бетону, разыскивая нож.

– Не выйдет, пат!

Кто-то схватил меня за полу камзола. Я вывернулся и ударил серва в подбородок здоровой рукой. Услышав его вскрик, я довольно оскалился, раздул ноздри и расправил плечи. Двое других зарычали и бросились на меня. Подумав о том, как поступил бы Криспин на моем месте, я огрызнулся, пнув одного из них между ног. Он скривился и попятился назад, дав мне время поднять нож. Я успел выпрямиться как раз в тот момент, когда парень с трубой бросился в драку.

Было ясно, что мне не устоять. Возможно, с двумя здоровыми руками я сумел бы одолеть трех уличных хулиганов из Мейдуа. Но в том состоянии, в каком я был? Со сломанной рукой, вооруженный одним лишь ножом, да еще и угодивший в засаду? Мне оставалось только тянуть время. К счастью, подростки мешали друг другу больше, чем, скажем, трое имперских легионеров. И я держался, забыв о своем происхождении и образовании, как троглодит забывает о цивилизации и живет, словно дикое животное.

Парень с трубой – наверное, Джем – подбежал ко мне первым, но я скользнул в сторону как раз в тот момент, когда второй подобрался сзади. Я взмахнул ножом, только слишком медленно и неуклюже. У меня много достоинств, но умение драться левой рукой к ним не относится. Кто-то ударил меня по спине – дубинкой или битой – и вышиб воздух из легких. Я пошатнулся и упал, и чей-то ботинок саданул мне по ребрам. Задышавшись, я попытался встать, но получил ногой по здоровому запястью – не настолько сильно, чтобы сломать кость, но и этого хватило, чтобы я снова выронил нож. На секунду я потерял сознание. Должно быть, меня ударили по голове. Потом опять по спине, но это уже было похоже на отдаленный пушечный выстрел. Думаю, мой дух еще пытался восстать, когда тело провалилось в темноту.

Я смутно услышал, как кто-то прошипел:

– Будешь знать, как разгуливать здесь, словно ты один из нас.

– Забери у него кольца, Зеб!

– У него еще и терминал есть! Снимай!

Они стащили с большого пальца моей левой руки перстень-печать и попытались открыть магнитную застежку терминала. И тут кто-то сказал:

– Парни, мы облажались. Смотрите!

Я усмехнулся, хотя и лежал лицом вниз на мостовой, понимая, что он показывает приятелям мой перстень.

– Он из этих долбанных Марло. Мы облажались.

Мне хотелось улыбаться, но губы не слушались. Для палатина перстень – это все. Здесь хранится его личность, его генетическая история – и семейная, и всей констелляции, его титулы и список личных владений. Если они заберут перстень и попытаются им воспользоваться где-нибудь на Делосе, люди отца или бабушки отыщут их.

Дурачье.

А дальше я не помню ничего, кроме темноты и абсолютной уверенности в том, что я уже умер. Криспин станет правителем. Теперь в этом уже не было сомнений. Пускай забирает трон, положение в Империи. Пускай отец пожалеет о своем выборе. Это меня больше не волновало.

Некоторые схоласты учат, что наш опыт – это просто сумма сведений, что нашу жизнь можно свести к системе уравнений, разложить на составляющие, оценить, сбалансировать и понять. Они верят, что Вселенная не более чем объект познания и мы тоже объекты среди множества прочих, что даже наши эмоции – это всего лишь электрохимические процессы, протекающие в головном мозге, незначительные детали в механизме эволюции с ее окровавленными руками. Но схоласты стремятся к апатии – к свободе от эмоций. И в этом их величайшая ошибка. Человеческая сущность обитает не в мире объектов, и наше сознание возникает не для того, чтобы жить в подобном месте.

Мы живем в историях; и в этих историях становимся феноменом, независимым от механизмов пространства и времени. Страх и любовь, смерть, гнев и мудрость – такие же составляющие нашей Вселенной, как свет и гравитация. Древние называли их богами, поскольку мы являемся их созданиями, мы принимаем форму, которую они вдохнули в нас. Просейте весь песок во всех мирах, всю пыль в пространстве между ними, и вы не найдете там ни атома страха, ни грамма любви и ни капли ненависти. И все же они там есть, невидимые и неопределимые, как мельчайшие кванты, но тем не менее реальные. И как мельчайшие кванты, они подчиняются законам, не подвластным нашему контролю.

И чем мы отвечаем этому хаосу?

Мы создаем Империю, величественней которой нет ничего во Вселенной. Мы упорядочиваем эту Вселенную, изменяя внешний мир в соответствии с внутренними законами. Мы называем нашего императора богом, который оберегает нас и управляет хаосом природы. Цивилизация сродни молитве: своими правильными действиями мы можем принести в мир спокойствие и тишину, которые являются самыми пылкими желаниями любого достойного

сердца. Но природа сопротивляется, и даже в сердце такого большого города, как Мейдуа, на такой цивилизованной планете, как Делос, молодой человек может свернуть не в ту сторону и стать жертвой хулиганов. Не совершенны ни молитвы, ни города.

Внезапно мне стало очень-очень холодно.

Глава 8

Гибсон

Если бы я умер в том переулке больше тысячи лет назад, все могло бы пойти совсем по-другому. В небе над Гододином по-прежнему светило бы солнце, и сам Гододин существовал бы по-прежнему. Сьельсинов не превратили бы в наших рабов и не заставили жить в резервациях. С другой стороны, Крестовый поход так бы и продолжался. Я знаю, что говорят обо мне. Знаю, как называют меня в ваших книгах по истории. Пожиратель Солнца. Полусмертный. Демоноязыкий убийца монархов, уничтоживший целую расу. Я слышал все это. Но, как я уже говорил, никто из нас не остается всегда одним и тем же. Как в той загадке, что задал Сфинкс бедному, обреченному Эдипу: мы меняемся.

Если вы хотите понять, с чего все началось, оцените этот момент, когда я лежал на опустевшей улице Мейдуа, с раздробленной рукой, сломанными ребрами и поврежденным позвоночником. Момент, когда я потерял сознание, а Криспин наслаждался славой и преклонением толпы. Позже, выздоравливая в своей комнате в Обители Дьявола, я смотрел голозапись, на которой его осыпали цветами и флажками на арене коллизея, аплодировали бравому сыну архонта в его дурацком плаще.

Я очнулся и увидел перед собой нарисованные созвездия. Черные планки, вставленные в кремовую штукатурку, и названия звезд, сверкающие на бронзовых табличках. Садальсууд, Гельветиос... – созвездие Арма, «щит», а сразу за ним Астранавис – «звездолет». Моя комната с купольным потолком – дань уважения небесам Делоса. Это плохо. Я же умер. Откуда тогда взялась моя комната? Я попытался пошевелиться, но не сумел. Движение лишь пробудило глухую боль в костях. Впрочем, голову я все-таки смог повернуть. Сутулый человек в зеленой одежде сидел неподалеку от меня, склонившись, словно в молитве. Или в дремоте. За ним виднелись знакомые книжные полки, игровой пульт, голографический экран и картина с разбившимся звездолетом, исполненная белой краской на черном холсте. Подлинный Рудас, тот самый.

– Гибсон, – попытался произнести я, но из горла вырвался только стон.

Выпучив глаза, я посмотрел на устройство, охватывающее мое предплечье. Оно напоминало латную рукавицу или руку скелета, свободный набор металлических пластин в форме лепестков орхидеи... или какое-то средневековое пыточное приспособление.

– Гибсон...

На этот раз мне удалось воспроизвести слабое подобие слова. Гибкие иглы, толщиной с волосок, прижимали рукавицу к моей изувеченной руке. Похожее устройство, только более плотно подогнанное, окружало мои ребра; оборудование дышало жаром. Кто-то привязал ремнями мои ноги и здоровую руку к кровати, чтобы защитить от резких движений поврежденные части тела. Я представил, как эти гибкие иглы проходят сквозь мои кости, словно корни сквозь землю, ускоряя процесс лечения.

Старик шевельнулся с преувеличенной медлительностью очнувшегося от забытья усталого человека и крикнул, как скрипучее дерево. Трость соскользнула с его колен и ударилась бронзовым набалдашником о кафельный пол. Гибсон не стал поднимать ее, а подался вперед с выражением лица, которое можно было бы назвать волнением, не будь он схоластом.

– Ты очнулся, – сказал мой учитель.

Я хотел пожать плечами, но из-за этого проклятое приспособление на груди и предплечье натянулось, и мне удалось лишь выдохнуть сквозь зубы:

– Да.

– Во имя Земли, зачем ты отправился в город совсем один?

Его голос не казался сердитым. Схоласт никогда не сердится. Он первым делом учится подавлять эмоции ради возвеличивания стоического разума над человеческими порывами. И все же... все же я видел тревогу в его серых затуманенных глазах и в морщинках по углам тонкого, как лист бумаги, рта. Как долго он просидел здесь, сторбившись в кресле?

Я шумно вдохнул и вместо ответа пробормотал:

– Как долго?

Но неразборчиво, невнятно. Высокий старик с кряхтением наклонился и подобрал упавшую трость.

– Около пяти дней. Тебя принесли уже почти мертвым. Первые сутки ты провел между жизнью и смертью, пока Тор Альма восстанавливала поврежденные мозговые ткани.

– Поврежденные? – Я невольно нахмурил брови.

Гибсон слегка улыбнулся:

– Никто не заметит разницы.

– Это шутка?

Старик посмотрел на меня и произнес:

– Альма сказала, что ты должен полностью поправиться. Она знает свое дело.

Я махнул здоровой рукой, натянув ремни. Казалось, какой-то извращенный хирург набил мою голову ватой и промыл чистым спиртом – настолько легкой она сейчас была, и только веки моргали.

– Лучше б я умер, – вздохнул я, падая затылком на подушку.

Схоласт, приподняв нависшие брови, скользнул взглядом по моему лицу:

– Не говори так больше, – и посмотрел мимо меня на узкое окно, выходившее к морю.

– Вы же знаете, что я не это имел в виду, – оправдался я.

– Знаю, – кивнул он, обхватив длинными узловатыми пальцами ручку трости.

Я снова попробовал шевельнуться, но Гибсон опустил руку мне на плечо:

– Лежи спокойно, молодой мастер.

Не послушав его, я попытался сесть, но от боли, вспыхнувшей белым пятном перед глазами, потерял сознание.

Когда я пришел в себя, Гибсон все еще сидел рядом, прикрыв веки и что-то мурлыча себе под нос. Должно быть, мое дыхание изменилось, потому что старик открыл один глаз, словно сова, на которую был очень похож.

– Я же велел тебе лежать спокойно, да или нет?

– Надолго я отключился?

– Всего на пару часов. Твоя мать обрадуется, когда узнает, что ты снова среди живых.

– Обрадуется? – переспросил я, чувствуя себя уверенней и отчасти даже бодрее.

Я оглядел комнату, двигая на этот раз одними глазами, чтобы не повторить прежней ошибки, и поинтересовался:

– Здесь есть вода?

С хирургической осторожностью схоласт встал, прислонил трость к креслу и, шаркая ногами, подошел к буфету. Взяв с серебряного подноса стакан холодной воды, он опустил туда соломинку и протянул к моим губам.

– Скажите, Гибсон, если мать обо мне так заботится, тогда где же она?

Вода показалась мне вкуснее лучших отцовских вин. Я уже знал, что услышу в ответ, но продолжал:

– Я ее не вижу.

Лицо Гибсона превратилось в тонкую маску, скрывающую боль.

– Леди Лилиана все еще в своем летнем дворце в Аспиде.

Я произнес слабое «ох», скорее просто выдох, чем сельсинское слово, обозначающее «да». Аспида, с ее садами и чистыми прудами. Я подумал о покоях матери, наполненных слугами и женщинами.

– Мне тоже хотелось бы, чтобы она была здесь, – сказал Гибсон, потирая глаза.

В нем чувствовалась глубокая усталость, словно он просидел здесь все эти дни.

«Пять дней, – напомнил я себе. – Слишком много».

– Ради тебя она должна быть здесь, – добавил он.

Я сдвинул брови. Не его дело решать, как должна поступить моя мать. Но это был Гибсон, и поэтому я не стал пререкаться и сменил тему:

– Насколько все плохо?

– У тебя полностью раздроблена правая рука, сломаны пять ребер и серьезно повреждены печень, поджелудочная железа и почки. – Гибсон недовольно поморщился и расправил свою одежду. – И нельзя сказать ничего определенного о травме головы. Это нужно выяснять постепенно, иначе ты опять все испортишь.

Слабо кивнув, я откинулся на подушки, и глаза сами собой начали закрываться.

– Что со мной случилось?

– Ты ничего не помнишь? – нахмурился схласт. – На тебя напали. Какие-то подонки из складского района. Мы проверили записи камер наблюдения и вычислили их, – он указал подбородком на стол, – префектами руководил Эрдиан. Они нашли твое кольцо.

Я проследил за его взглядом. Вот он – мой перстень-печать с лазерной гравировкой дьявола на оправе, лежит в куче странных медицинских инструментов. И терминал рядом с ним.

– Вижу, – пробормотал я и приподнял голову, чтобы выпить еще воды.

Странно, что, когда вода не особенно нам нужна, она кажется безвкусной, как воздух. Мы не замечаем ее вкуса, ее превосходного вкуса, пока не начнем страдать от жажды.

– Их убили? Всех троих?

Гибсон лишь кивнул в ответ.

– Сэр Робан вовремя нашел тебя. И принес назад. Вместе с твоим лейтенантом.

– С Кирой?

Забыв об осторожности, я снова попытался сесть и тут же пожалел об этом – боль пронзила меня.

Гибсон затих, и на мгновение мне показалось, что он сам упадет в обморок, словно нарколептик, сраженный глубочайшей усталостью. Но когда боль успокоилась, я увидел, что он открыл глаза и наблюдает за мной.

– В чем дело? – спросил я и поморщился, неловко повернувшись и дернув корректирующее устройство, которое Тор Альма закрепила на моих ребрах.

Схласт вздохнул, поправляя манжету длинного рукава:

– Твой отец хочет видеть тебя, как только ты будешь в состоянии.

– Скажите ему, пусть приходит, – машинально огрызнулся я.

Это было очень обидно. Ни родителей, ни Криспина рядом со мной. Только Гибсон, мой наставник. Мой друг.

Слабая улыбка едва затеплилась на его морщинистом лице, и он похлопал меня по плечу покрытой пятнами рукой.

– Ты же знаешь, Адриан, твой отец – очень занятой человек.

– Меня пытались убить! – Я показал на повязку вокруг ребер. – Думаете, он не мог найти время, чтобы провести меня? Он вообще приходил? Хотя бы раз? А мать?

– Леди Лилиана не соизволила это сделать, нет. – Гибсон шумно втянул воздух. – Она велела уведомить ее, если тебе станет хуже. Что касается твоего отца... то...

Это все, что мне нужно было услышать.

– ...То он очень занятой человек, – закончил я его фразу.

Слова были пустыми и хрупкими, словно ударопрочное стекло, пробитое пулей, осколки которого не осыпались лишь до тех пор, пока кто-нибудь их не потревожит.

– Твой отец... просил тебя подумать, как твои повреждения отразятся на репутации вашего дома.

Я навсегда запомнил, как Гибсон отвел взгляд, произнося эти слова, запомнил и то, какую боль они мне причинили.

Потрясенный, я зажмурился, стараясь сдержать подступившие слезы. Одно дело – понимать рассудком, что родители не любят тебя, и совсем другое – почувствовать это.

– Он велел вам так сказать?

Но ответа не последовало, что лишь подтвердило мою догадку. Посмотрев на Гибсона еще раз, я поразился тому, каким усталым он выглядит. Под серыми глазами старика появились темные круги, а между пышными бакенбардами проступил тонкий пунктир щетины. Я подумал, что этот человек просидел в кресле рядом со мной почти пять дней, все то время, пока я не приходил в сознание. В каком-то смысле у меня все-таки был отец, но его маску никогда не повесят под Куполом изящной резьбы.

– Вам нужно поспать, Гибсон.

– Да, теперь можно, когда я знаю, что с тобой все хорошо.

Схоласт забрал у меня воду и поставил на стол, рядом с моими вещами и медицинскими инструментами.

– Как можно скорее поговори с отцом.

– Гибсон... – Я ухватился здоровой рукой за его манжету; ремни натянулись, пальцы ослабели и онемели. – Он все отдаст Криспину.

Учитель посмотрел на меня безжизненными, словно покрытый мхом камень, глазами:

– Что он отдаст Криспину?

Не опасаясь видеокамер, микрофонов и всего прочего, спрятанного в комнате, я описал в воздухе круг ладонью и поморщился:

– Все.

Гибсон задумчиво постучал тростью по полу:

– Он еще не назвал наследника.

– Но разве он не сделал что-то вроде представления? После Колоссо.

Я чувствовал, что прав, и наверняка сжал бы руки, если бы одна из них не была заключена в рукавицу.

– Ничего похожего. – Гибсон снова постучал тростью. – После нападения на тебя и выхода твоего брата на Колоссо – а это, насколько я понимаю, было ужасно – у него не нашлось времени сказать что-то еще. Плебеи пришли в восторг от твоего брата. Я слышал, что Криспин был чуть ли не... галантным.

– Галантным? – Я едва не рассмеялся и почувствовал внезапное желание сплюнуть на пол. – Во имя Черной Земли, Гибсон, Криспин – настоящий маньяк! Да отвяжите же, черт возьми, мою левую руку, чтобы я мог пить самостоятельно!

Учитель исполнил просьбу и протянул мне стакан. Чувствительность вернулась к пальцам, и я обхватил тяжелый прозрачный пластик. Прыгающий дьявол Марлю на стене словно бы усмехался, глядя на меня, и я сжал стакан с такой силой, что тот затрещал.

– Он знал! Он слышал, что сказал отец!

– А что сказал твой отец? – спросил Гибсон, наклонив трость.

Я поведал ему и о моем провале на переговорах с факционарием гильдии, и о совещании – обо всем. На мгновение я закрыл глаза и, наверное, уже в сотый раз уронил голову на пуховую подушку. А затем задал вопрос, который больше всего меня тревожил, решив, что так будет лучше, чем позволить ему и дальше терзать душу.

– Что они теперь со мной сделают?

Гибсон ответил с удивительной для такого вопроса твердостью и спокойствием, тем самым напомнив мне, что он схоласт, обученный придерживаться логики в любых обстоятельствах:

– Об этом не было объявлено. Твой отец не называл тебя своим наследником, и если дело обстоит так, как ты говоришь, то никаких юридических трудностей не возникнет. А простолюдины охотней примут Криспина, как я уже говорил. Во всяком случае, поначалу.

– Посмотрим, надолго ли.

– Адриан, – Гибсон положил легкую, как бумага, руку мне на плечо, – твой отец всегда считал тебя слишком добрым. Слишком мягким, чтобы править людьми.

– Это все из-за представительницы Гильдии шахтеров...

Я поставил стакан на подоконник у изголовья кровати и постарался перевернуться на бок.

– Нет, не из-за нее, – возразил Гибсон, опустил в кресло и откинулся на спинку; его взгляд опять соскользнул с моего лица к высокому окну. – Твой отец – хищник, Адриан. Самый настоящий хищник. И он убежден, что все лорды должны быть такими.

Я сел и скривился от боли в боку, прижав руку к медицинскому устройству.

– На этих рудниках умирают люди. Радиация, Гибсон...

Наставник, казалось, не слышал меня и продолжал говорить, не повышая голоса, – приглушенным шепотом, похожим на шорох ветра в источенных временем скалах.

– Он, твой отец, считает, что власть должна быть жесткой.

Внезапно в его тоне проявилась требовательность педагога:

– Адриан, назови мне восемь видов повиновения.

Я начал перечислять:

– Повиновение из страха перед болью. Повиновение из прочих страхов. Повиновение из любви к личности иерарха. Повиновение из преданности трону иерарха. Повиновение из уважения к законам, людским и божественным. Повиновение из благочестия. Повиновение из жалости. Повиновение из почитания.

– Какое из них самое простое?

Я моргнул, поскольку ожидал более пугающего вопроса.

– Из страха перед болью.

Только это ему и было нужно, чтобы я почувствовал весомость сказанного.

– Закон рыб, – улыбнулся Гибсон. – Совершенно верно. Так правит твой отец, и Криспин будет править так же. Вот почему отец доверяет ему больше, чем тебе. Понимаешь? Он делает тебе комплимент, хотя сам не догадывается об этом.

Не найдя, что ответить, я с негодованием отвернулся. Все это было нехорошо. Неправильно.

– Так нельзя управлять людьми.

– Все, чего хочет твой отец, – это давить. Получить от этих рудников как можно больше, чтобы купить у Имперской канцелярии титул барона и возвысить свой род над домами других пэров.

– Но зачем? – пробормотал я, чувствуя, как усиливается в боку тупая, обдающая жаром боль. – Еще больше руды и сервов, чтобы добывать ее. Еще больше того же самого...

Голос Гибсона внезапно изменился, словно звучал теперь издалека:

– Когда-то все лорды думали так же, как твой отец, считая ресурсы лишь топливом для продвижения к цели. Они погубили и себя, и саму Землю. Бессердечие твоего отца оправдано лишь тем, что он может найти другой мир, когда этот будет истощен.

Пока он говорил, в глазах у меня потемнело, и я сумел сказать только:

– Это не оправдание.

Схоласт похлопал меня по плечу:

– В этом-то и разница между вами.

Если я и собирался ответить, то не успел. Темнота накрыла меня, высыпаясь, как песок.

В моем сне я шел в одиночестве под узкой аркой, отделяющей от кладбища мавзолеей, в котором покоился прах моих предков. Сколько раз я оказывался здесь во сне, хотя наяву побывал лишь однажды? Когда хоронили мать моего отца леди Фуксию, я был еще маленьким мальчиком. Я плохо знал ее, но впервые в жизни видел покойника. Впервые встретился со смертью. Этот запах, эти воспоминания навсегда остались со мной. Они преследовали меня повсюду, и часто, став свидетелем чьей-либо смерти, я вспоминал этот приторный запах мирра, дым от свеч с ладаном, гудение капелланов и Эусебию, спускавшуюся во главе погребальной процессии по гулким ступеням нашего некрополя. В моем детском восприятии отложилось не то, что умерла моя бабушка, а скорее то, что нас посетила смерть. И поэтому каждый ее следующий визит вызывал в моей памяти ту процессию и те ступеньки, уходившие под землю.

В моем сне отец шел сразу за приором, неся в руках прах бабушки, а мы, его семья, шагали следом с погребальными урнами. В моей урне были глаза покойной, плавающие в голубой жидкости, у матери – ее сердце, у дяди Луциана, погибшего семь лет назад из-за крушения флайера, – мозг. Черный, как сама темнота, саван накрывал огромную статую бабушки, поднимающуюся от неровного пола среди сталактитов. Я слушал, как капала вода с каменного потолка, падая в лужи, гладкие, как зеркало. Когда я сорвал этот покров, под ним оказалась статуя моего отца, а вовсе не бабушки. И она была живая, на меня смотрели глаза, похожие на умирающие звезды. Я выронил урну, и она разбилась о пол пещеры.

Каменные руки статуи схватили меня и подняли в воздух. Пещера исчезла, превратившись в дым и темноту, и только красные глаза призрака моего отца никуда не делись. Я вырвался из его рук и бросился через невидимый портал, окруженный масками тридцати одного лорда Марло, тускло-белыми в бесконечном мраке. Словно ныряльщик в холодной давящей глубине, я задохнулся и потерял ориентацию. Ужас когтями вцепился в меня, и я проснулся, как мне показалось, – проснулся целым и невредимым. Гибсон все еще стоял здесь, высокий, каким никогда не был в моей памяти. Сутулая спина выпрямлена, волосы приведены почти в идеальный порядок, а взгляд острый, словно скальпель.

Я с легкостью испортил эту картину, отвлекшись на ноздри моего наставника, разрезанные в знак совершенного им преступления.

Иногда я думаю, что память подводит меня, затерявшись в столетиях, прошедших с моей юности. Время от времени гадаю, не перекрывают ли более поздние воспоминания те первые кошмары. Но даже если мне опять пригрозят отрубить за это голову, я без колебаний готов поклясться, что именно так все и было: я видел увечья Гибсона еще до того, как ему их нанесли.

Я состарился и снова помолодел, прежде чем смог осознать все это.

Глава 9

Хлеба и зрелищ

Через неделю с моих ребер сняли корректив. Хотя предплечье все еще было сжато похожим устройством, я с намерением выполнить приказ поднял свою слабую плоть с кровати. Обуться, пользуясь одной рукой, оказалось слишком сложно, но звать на помощь служанку я не стал и поэтому отправился босиком. Со мной и так достаточно нянчились. Кроме того, я хотел, чтобы отец увидел мое состояние. Спустившись на лифте до нижнего этажа Главной башни, я добрался по подземной рельсовой дороге до капитолия префектуры. Это треугольное здание рядом с замковым барбаканом было увенчано центральным куполом, а квадратные башни по его углам стилизованы под колокольни древних соборов. Привлекая своими босыми ногами взгляды одетых в серую форму логофетов военного министерства, я прошел по выложенному на полу ротонды гербу Марло и направился к самой высокой из башен.

Кабинет отца находился наверху, за круглой металлической дверью. Ее охраняли сэр Робан Милош и декурия вооруженных копьями гоплитов, облаченных в черные керамические доспехи и красные плащи. Лица их невозможно было различить.

– Молодой мастер! – улыбнулся мне рыцарь-ликтор. – Рад видеть, что вы уже встали на ноги. – Он шагнул вперед. – Пришли повидаться с отцом?

Я утомленно кивнул, ощущая неловкость из-за тяжелого корректива, сжимающего и пронизывающего мое предплечье. Пряча от чужих глаз медицинский агрегат, я завел руку за спину и умудрился даже не поморщиться, задев этим экзоскелетом свои ягодицы.

– Насколько я понимаю, сэр, мне следует поблагодарить вас.

Робан взмахнул кистью с обычной своей грубоватой грацией:

– Это моя работа, сир.

Но я не принял отговорку, а положил здоровую руку ему на плечо – не столько в знак признательности, сколько для того, чтобы опереться, – и хрипло произнес:

– Тем не менее, сэр. Вы спасли мне жизнь, – я наклонил голову, – спасибо.

– Ваш отец ожидает вас, – только и смог сказать в ответ рыцарь-ликтор, вероятно просто не зная, как отнестись к такому проявлению благодарности от палатина. Или, быть может, вид моего корректива вызвал у него отвращение. Сам он был патрицием из скромного рода, если вообще не возвышенным из простолюдинов. С грубыми, нелегальными генетическими изменениями, сделанными сразу после получения рыцарского звания. Мутант, как и многие из его сословия.

– Он у себя, – добавил сэр Робан.

Я убрал руку, вздохнул и, выпрямив спину, оглянулся на декурию закованных в броню гоплитов со сверкающими энергетическими копьями.

– Ну что ж, *morituri te salutamus*?

«Мы, идущие на смерть, приветствуем тебя».

– Что вы сказали, сир?

– Это латынь, Робан.

Не потрудившись перевести вслух, я прошагал вперед, шаркая мозолистыми ногами по мозаичному полу вестибюля.

– Вы не могли бы открыть дверь? Я... м-м-м...

Я поднял поврежденное предплечье, опять отметив пятнышки засохшей крови там, где тонкие иглы прокалывали мою теплую плоть.

– Да, молодой мастер.

Он вытянул руку, из сочленений бронированных пластин выглянула голая ладонь и нажала на прозрачную полусферу в центре двери. Датчик отсканировал рисунок вен рыцаря, щелкнул тяжелый затвор. Дверь скользнула в сторону.

– Милорд! Адриан хочет видеть вас, – крикнул сэр Робан.

Из кабинета донесся бас отца:

– Впусти его.

Странно, что он не обратился ко мне, хотя я прекрасно его слышал. С другой стороны, он даже не поднял голову и не оторвался от голографических изображений, окружавших его монолитный стол. Я шагнул с мозаичного пола на тавросианский ковер толщиной в дюйм. За высоким креслом отца находилось большое круглое окно с видом на Мейдуа и дугу морского порта. Небо с южной стороны перечеркивали инверсионные следы ракет, доставлявших грузы на орбиту и еще дальше. Две стены кабинета занимали книжные полки. Но если в комнате Гибсона полки были набиты до отказа и этот хаос объяснялся любовью к книгам и частым их использованием, то у отца они стояли в идеальном порядке и, как я подозревал, не запылились только потому, что целая армия слуг регулярно протирала их.

Я остановился в самом центре квадратной комнаты, на границе светлого пятна от косых солнечных лучей, утопив пальцы ног в густой ковер. Стоял, склонив голову, и ждал, словно кающийся грешник перед алтарем сурового бога.

Отец в конце концов заметил меня и положил вольфрамовый стилос на стол из черного стекла, взмахом руки отключив голографический проектор. Свет шел из-за его спины, и лицо оставалось в тени. Он долго молча смотрел на меня.

Прошла целая эпоха, прежде чем он произнес:

– Садись.

Я помедлил немного, две-три секунды, не больше. Отец пристально наблюдал за мной, неподвижно, безмолвно. Пришлось уступить, и я опустился на низкий стул с полукруглой спинкой напротив антикварного кресла, обитого красной кожей и отделанного бронзой. На какое-то мгновение в комнате установилась ядовитая тишина, словно бы растягивающая время невидимыми пальцами. Я выдерживал паузу. Терпение – общее качество для всех пэров и даже всего сословия нобилей, но у меня в запасе был целый день, а отец, несомненно, готов был выделить для нашей встречи не так уж много минут. Я мог позволить себе роскошь терпения, а он – нет.

– Зачем ты отправился в город? – спросил он.

– Что?.. Никаких тебе: «Как ты себя чувствуешь, Адриан? Ты в порядке, Адриан?»

Плечи мои напряглись, словно в ожидании удара. Я заметил, как седые волосы на висках сэра Алистера сверкнули на солнце серебром.

– Разумеется, ты в порядке, мальчик, поэтому я и откладывал наш разговор. В нем нет смысла, если ты не в порядке.

– Мог бы и навестить меня.

– Ты не ответил на мой вопрос, – пренебрежительно сказал отец.

– Я возвращался домой...

Не дослушав меня, лорд Алистер перевел взгляд на глянцевый глобус в дальнем углу стола. Это была дорогая вещь, из тех, что собирают коллекционеры, – с подсветкой в режиме реального времени, по двадцатипятичасовому периоду вращения Делоса, и с изящной голограммой меняющегося облачного покрова.

– Возвращался. Домой.

Каким-то образом каждое мое слово в его устах превращалось в обвинение. Одурманенный лекарствами, я тем не менее старался не уступать ему. Он не повышал голос. Почти никогда не повышал. Но от этого казался еще более грозным.

– Ты хотя бы знаешь, во сколько нам обошлась твоя авантюра?

– Авантюра?

Мой голос дрогнул, я резко подался вперед, так что одежда на моей груди раздулась колоколом, и повторил:

– Авантюра? На меня напали!

Лорд Обители Дьявола забарабанил пальцами по крышке стола, смахнул несколько листов пергамента. Наверное, это были контракты или жалобы вассалов. По-настоящему важные документы до сих пор писались от руки.

– Преступники арестованы и переданы для наказания Капелле.

Я поднял левую руку, чтобы ему был виден возвращенный мне перстень-печать.

– Не сомневаюсь. Ты срезал кольцо прямо с пальца бедного придурка?

Отец усмехнулся:

– Если простолюдин причинит вред одному из нас, наш дом перестанет бояться. Сейчас все иначе, чем в древние времена. Мы правим сами, по своему усмотрению. Не как правительство, не от имени народа и с его согласия. Власть принадлежит лишь нам, понимаешь? И принадлежит лишь до тех пор, пока мы способны ее удерживать.

– Повиновение из страха перед болью, – презрительно бросил я, вспомнив Гибсона.

– Запомни, мальчик, только так человек может держать под контролем собаку.

Он откинулся на спинку кресла, смяв красную кожу обивки. Я последовал его примеру и уставился в окно на грунтомотоциклы, проезжавшие под нашим акрополем, и еще дальше, на белые паруса в гавани.

– Так что ты сделал? – спросил я с горьким чувством в груди, в глубине души ожидая, что он выжжет целый городской квартал или оставил черный оплавленный кратер на том месте, где жили мои обидчики.

– Объявил комендантский час и приказал расстреливать всех, кто его нарушит.

– Не нужно было этого делать, – возразил я, качая головой. – Так стало только хуже.

– Ты все еще не ответил на мой вопрос. – Лорд Алистер на мгновение снова задержал взгляд на моем лице.

Прежде чем я успел сформулировать понятный ответ, он продолжил:

– Почему ты ушел с Колоссо?

Я закатил глаза и, чуть ли не перебивая его, выпалил:

– Потому что кровопролитие мне противно, отец.

– Противно? – с издевкой повторил он, оскалив в усмешке зубы. – Тебе противно? И ты еще спрашиваешь, кто из вас с Криспином станет моим наследником?

Отец хлопнул по глобусу ладонью, останавливая его вращение.

– Из-за того, что я не остался на Колоссо? – спросил я.

– Нет, из-за того, что люди видели, как ты не остался на Колоссо. Эта ложа не была светонепроницаемой, глупый мальчишка!

Я хотел возразить, но отец поднял руку, требуя тишины:

– Ты просто сбежал, в то время как твой брат вышел на арену вместе с лучшими нашими гладиаторами, ради нашего народа. – Он ударил ладонью по столу. – А ты подумал о том, что означает для них твой уход? Знаешь, что они решили? А потом тебя ранил кто-то из черни!

Он покачал головой и скривился, словно последнее слово не пришлось ему по вкусу.

– Теперь они не будут тебя бояться!

– А Криспина будут?

– А Криспина будут, – повторил лорд Алистер и снова забарабанил пальцами по столешнице. – Это ты должен был стоять на арене колизея, мальчик. Феликс говорит, что ты фехтуешь лучше.

Я с трудом сдержал удивление. Это была правда, но я не ожидал услышать такое от отца.

– Ты понимаешь, что ты натворил? – спросил он мрачным тоном судьи.

– Позволил избить себя.

– Забудь об этом. – Отец махнул рукой и откинулся в кресле, словно инквизитор Капеллы, собирающийся огласить приговор.

«Забудь. – Я опустил глаза на руку, зажатую коррективом. – Если бы это было так просто».

Удивленно приподняв брови, я признался:

– С этим у меня пока кое-какие трудности.

– Замолчи. – Отец подался вперед так резко, что я невольно вздрогнул и по всему телу пробежал болезненный спазм. – Народ любит эти игры. Любит Колоссо. А ты публично выразил презрение к ним. Этот момент показывали в новостях Мейдуа, понимаешь? Только через пять часов мы с Тором Алкуином смогли это прекратить.

Холодные глаза отца превратились в щелки, он поднялся с кресла и подошел к окну. Он обращался со мной как с ребенком, и, возможно, я заслужил такое отношение. В словах отца заключался какой-то смысл, и я должен был его уловить... должен был, если бы не мешала боль в руке. Отвечать что-либо показалось мне откровенной глупостью, и я просто наблюдал за тем, как лорд осматривает свои владения.

– Хлеба и зрелищ, мальчик.

– Прости, не понял?

Я узнал эту древнюю цитату. Из Ювенала, умершего так давно, что только схоласты еще помнят его. С другой стороны, это ведь я по глупости заговорил с охранниками на латыни всего несколько минут назад, а у отца могли быть свои скрытые глубины.

– Законы Империи запрещают припланеченным сервам обращаться с более сложной техникой, чем грунтомоби́ли, за исключением тех механизмов, что использует их гильдия. Им дозволено только ковыряться в земле, используя домашний скот и двигатели внутреннего сгорания. И знаешь почему?

– Потому что они могут взбунтоваться?

– Нет, потому что они могут подумать, что имеют на это право.

– Что, прости?

Это пренебрежение к людям неожиданно обидело меня. Но отец не обернулся, даже не почувствовал ни потрясения, ни гнева в моем голосе.

– Посмотри на эвдорцев, на норманских¹² фригольдеров, на экстрасоларианцев. Знаешь, что общего между ними?

Прежде чем я успел ответить, отец хлопнул ладонью по раме круглого окна.

– У них нет лидеров. Нет порядка. А Империя – это порядок. Это мы, – он обернулся и прижал руку с перстнем к своей узкой груди, – так же, как у князей Джадда, как у лотрианцев. Порядок. Без него цивилизация на галактическом уровне невозможна. Она просто погибнет.

– Но эвдорцы-то живут и процветают! – возразил я, вспомнив о бродячих караванщиках, чьи стоянки-астероиды разбросаны по всему обитаемому космосу. – И фригольдеры тоже.

– Я тебя умоляю, – усмехнулся лорд Алистер. – Эти вырожденцы не способны удержать в своих руках даже одну планету, не говоря уже о тысяче... – Нетерпеливым движением он исключил из нашего разговора миллиарды человеческих жизней, словно отогнал надоедливых мух. – Тебе известно, что в некоторых фригольдерских мирах есть страны? Национальные государства наподобие тех, что были до Исхода. Некоторые из этих колоний не могут даже строить звездолеты! Они воюют между собой не реже, чем с кем-то еще.

– А мы разве не воюем? – пожал я плечами.

– Готов признать, что законы войны имеют приверженцев в Империи. Но Капелла следит за их выполнением, сводя к минимуму побочный ущерб.

¹² *Норманцы* – обитатели рукава Наугольника, от латинского названия этого созвездия – Norma.

– То есть угрожают недовольным лордам биологическим оружием. Но как это все связано со зрелищами?

Архонт Мейдуа выпятил подбородок:

– Мы не похожи на другие народы, сын. У нас нет конгресса, нет правительства. Когда мне нужно издать закон, я просто издаю закон. Старая система с демократией и парламентом лишь позволяет трусам прятаться за ней. Наша сила не в согласии народа, а в его вере в нас.

– Да помню я все это! – выпалил я, сдвигаясь на край стула и возмущенно раздувая ноздри.

Я не мог простить ему то, что он оставил меня одного с моими ранами. Он ведь мой отец, во имя Земли! Отец. Меня едва не искалечили, а он мне читает нотации. И все же он прав, я не просто мальчишка. Я его сын, и на мне лежит ответственность за наш дом. В этой ответственности есть своя сила, и в подотчетности тоже. Именно поэтому власть лорда лучше, чем парламент. Для лорда не существует оправданий. Если он злоупотребит своей властью, как, боюсь, может случиться с Криспином, то ему недолго останется править. Если же он сохранит хладнокровие, применяя силу, как всегда поступал мой отец, то у него не возникнет особых затруднений.

– Нет, увы, не помнишь! – рявкнул отец, приглаживая прядь вьющихся волос. – Мы не воюем с чернью. Наша цель показать, что мы люди, а не абстрактное понятие. Они должны это осознавать. Поэтому я и послал вас с Криспином на Колоссо, пока сам общался с Эльмирой. Я патриарх Мейдуа, и вы должны были представлять меня и наш дом. Лично. Криспин прекрасно исполнил свою роль. Люди любят его, потому что он показал себя частью их мира. Он сражался на Колоссо, а ты... ты повернулся к ним спиной.

Отец вытащил из рукава кристалл, примерно четырех дюймов в длину и полтора в ширину, и повертел его, словно взвешивая в руке золотой хурасам, чтобы проверить, не фальшивый ли он.

– Одного этого было бы достаточно, но ты умудрился еще и нарваться на хулиганов. Наша власть усиливается, когда люди чувствуют, что мы выше их. Но ты нарушил это понимание.

– Тем, что истекал кровью? – Я не смог сдержать скептицизма в своем голосе.

– Да.

Отец бросил кристалл на стол и снова сел в кресло. Я разглядел его печать – блестящего красного дьявола на темном фоне, – отштампованную на голубоватом кристалле.

– Я думал, наша задача показать, что мы люди, а не призраки.

– Мы должны показать, что мы не абстракция, – поправил отец. – Показать, что мы реальная сила, а не просто люди.

В давно исчезнувшем Египте фараоны должны были вести себя как боги, спокойно и беспристрастно возвышаясь над суетой смертной жизни. Если фараон не оправдывал ожидания, он показывал подданным, что является таким же смертным, и тем самым возбуждал недовольство среди тех, кто поклонялся ему как божеству. Мы мало от них отличались – все лорды до единого. Со своими генетическими усовершенствованиями и повышенной продолжительностью жизни мы были богами даже в большей степени, чем могли мечтать древние фараоны. Отец был всего лишь архонтом, но его владения превышали территорию всей древней Европы, а наше отдаленное родство с императором возносило нас еще выше. Мать моей матери правила не только планетой – своим герцогством, – но и другими мирами. Она была наместницей провинции Возничего, насчитывающей почти четыре сотни планет, и отвечала за них непосредственно перед Соларианским престолом и императором, своим дальним родственником. По материнской линии я приходился родней его величеству и занимал свое место на лестнице престолонаследия, в нескольких тысячах ступеней от вершины. Мой отец тоже принадлежал к особам королевской крови, но состоял в более отдаленном родстве, и прошло уже несколько поколений с тех пор, как Марло в последний раз вступали в брачные связи с императорским

домом. Несмотря на нашу древнюю кровь и богатство, которому завидовали многие молодые и более могущественные дома, у моего отца был лишь жалкий миллиард подданных: приплеченных сервов, ремесленников и рабов.

– Я пошлю тебя в семинарию Колледжа Лорика на Веспераде.

– Нет! – Я вскочил на ноги, и хрупкий стул с глухим стуком опрокинулся на пол. – Не делай этого!

Лорд Алистер Марло посмотрел на меня с искренним удивлением:

– Я думал, тебе понравится. Твое увлечение языками будет там очень полезно. Капелле всегда требуются дипломаты.

– Ты хочешь сказать «миссионеры».

Я едва сдержал усмешку, хорошо зная, что представляет собой Капелла, и презирая ее. Не настоящая религия, как у адораторов древних богов, а всего лишь имперский кулак, смазанный елеем. Циничные имитаторы веры, чьи молебны впечатляющи, но пусты и пропитаны паразитическими традициями. Не более чем инструмент террора и благоговейного страха, самый большой цирк в Соларианской империи. Повиновение из благочестия. Страдание всегда было частью человеческой жизни, но я считал действия Капеллы террором и ненавидел ее.

– Слова, слова, – разочарованно пробормотал архонт.

И тут меня накрыл волной более глубокий смысл этого решения.

– Значит, ты лишаешь меня наследства?

Лицо лорда помрачнело, брови сдвинулись, погружая в тень лиловые глаза.

– Я никогда не объявлял тебя своим наследником.

– Но я твой старший сын! – возразил я.

Мне было тяжело нагнуться и поднять стул, даже неподвижное стояние вызвало ужасный спазм. Невольно представилось, как покрываются трещинами кости, еще хрупкие после лечения стволовыми клетками. Я понимал, насколько слабы мои доводы; старшинство по рождению мало что значило в Империи, решение лорда было куда важнее.

– Криспин... – Выговорить фразу целиком никак не получалось. – Криспин...

Отец закончил за меня:

– Твой брат останется со мной и со временем займет мое место, если докажет, что достоин этого.

Я едва не задохнулся, испустив странный звук, не похожий ни на смех, ни на рыдание.

– Чем докажет? Изобьет еще одну служанку? Или зарежет еще одного евнуха в коллизее? Да у этого парня в мозгу нет ни одной извилины!

Я стоял у самого стола и смотрел на отца сверху вниз. Он вскочил с быстротой молнии и с размаху ударил меня по лицу. Оглушенный, вдобавок к общей слабости, я опустился на одно колено, но попытался подняться. Впопыхах я оперся на больную ладонь, и хотя проклятый корректив уберег мои пальцы, иглы еще сильнее вонзились в плоть, и вспышка боли пробежала по всей руке. Я всерьез ожидал, что сэр Робан, услышав мои завывания, ворвется в кабинет, чтобы выяснить, в чем дело. Но он так и не появился.

– Криспин – твой брат. И я не желаю слышать, как ты говоришь о нем в подобном тоне.

Не ответив, я встал на ноги и собрал последние крупички гордости.

– Но, отец, я не хочу быть священником!

– Обращайся ко мне «сир» или «милорд»! – заявил мой родитель, проскользнув мимо стола, словно охотящаяся пантера.

Не имея другого выбора, я согнулся в глубоком поклоне, как подобает при обращении к лендлорду. Жалкая, но все-таки месть, поскольку отец таковым не был.

– Я хочу стать схоластом, – сказал я, выпрямившись.

Второй удар пришелся по другой щеке, но я был готов к нему и, дернув головой, устоял на ногах.

– Так вот, значит, что ты хочешь на самом деле? Быть живой машиной у какого-нибудь приграничного барона?

– Я хочу поступить в Экспедиционный корпус и путешествовать между звезд, как Симеон Красный, – ответил я, опираясь здоровой рукой о стол.

– Как Симе... – повторил отец, но умолк на полуслове, презрительно фыркнув.

Еще бы! Даже мне самому это теперь кажется не более чем детской мечтой.

Он сменил тактику, обратившись к логике.

– Адриан, Капелла обладает реальной властью. Ты можешь стать инквизитором, возможно, даже членом Синода. – Он сжал челюсти и едва шевелил губами. – Нам необходимо иметь кого-то в Капелле. Кого-то из своих, мальчик.

У меня засосало под ложечкой.

«Пропавши все во Тьму!» – решил я и покачал головой.

– Ты уже все продумал? Но я им не стану.

Мой отец и господин стоял, возвышаясь надо мной на целую голову, на расстоянии всего в один дюйм, глядя на меня поверх орлиного носа сквозь прищуренные до микронной ширины веки.

– Станешь. – Он вложил кристалл мне в ладонь. – Ты полетишь на Весперад в конце боэдромиона.

Это было название месяца, совпадающего с началом осени по местному календарю.

– Осталось всего три месяца! – запротестовал я, опасаясь еще одной пощечины.

– Последнее происшествие ускорило наши планы. Я хочу, чтобы ты не попадался никому на глаза, чтобы не доставить мне новых неприятностей.

– Неприятностей? – чуть ли не закричал я. – Отец, я...

– Хватит! – повысил он голос в первый раз с начала разговора; ноздри его широко раздувались, глаза снова превратились в щелки. – Это решено!

Он взглянул на корректив на моей руке и добавил с презрением:

– Ступай, пока не навредил себе еще больше.

Я сдержался и не зарычал ему прямо в лицо и не запустил поднятым стулом в греческую статую. Лишь глубоко вдохнул, насколько позволили больные ребра, вытянулся во весь свой невпечатляющий рост и отвернулся от отца.

Глава 10

Закон птиц и рыб

В мрачном молчании я смотрел на море. Прошло две недели после разговора с отцом, и с тех пор я делал все возможное, чтобы избежать встречи с ним. Для этого я устроился в укромном местечке за выступом скалы на каменистом берегу у подножия акрополя, заменявшему нам пляж. Здесь, вдали от видеокамер и взглядов бдительных охранников, мальчишка мог сердиться сколько душе угодно. Моя рука окончательно зажила, и я, прислонившись спиной к скале, рисовал в блокноте силуэт траулера, мирно плывущего в порт. Судно возвышалось над рыбацкими джонками с белыми и красными парусами, что усеяли все море, от берега и до восходящего на горизонте солнца.

Чайки пикировали, рассекая соленый воздух и пронзая поверхность океана, а затем появлялись вновь с рыбинами в клювах. Я посмотрел на них, потом на корабль, который только что рисовал. Теперь он плавно скользил вдалеке, огибая маяк на мысе и направляясь к городу и устью реки.

Уголок отцовского кристалла выглядывал у меня из кармана, напоминая о закодированном в нем голографическом сообщении, в котором отец подтверждал терабайты информации обо мне прокторам школы Капеллы на Веспераде. Я смотрел эту запись раз пятьдесят за последние две недели. Каждый раз мой тайник домашних вин сокращался, а число рисунков увеличивалось.

Я раздраженно закрыл блокнот вместе с карандашом и откинул голову. Рука все еще болела в месте перелома, хотя было уже ясно, что скоро она совсем заживет. Я помассировал ее левой, отметив скопление крошечных, размеров с булавочную головку, шрамов на бледной коже от кончиков пальцев до середины предплечья. Они сверкали в лучах серебристого солнца Делоса, и я согнул поврежденные пальцы, скривившись от неприятного ощущения. Тор Альма, наш семейный врач, уверяла, что они вернутся в рабочее состояние, но я в свою очередь уверял, что они сделались странными, неудобными, как новые зубы.

– Так вот куда ты забираешься, когда не хочешь, чтобы кто-нибудь тебя отыскал?

Я не стал оборачиваться, и без того зная, кто это сказал.

– Очевидно, нет.

Гибсон подошел справа, тяжело опираясь на ясеневую трость. Невероятно, но он только что спустился по лестнице в несколько сотен ступенек, тщательно замаскированной среди беспорядочно разбросанных скал. Полы мантии из тонкой изумрудной ткани волочились по песку, но он не обращал на это никакого внимания.

– Ты пропустил наши занятия.

– Не может быть. Сейчас всего десять часов утра.

Прикрыв веки, я прислонился головой к скале. Но Гибсон по-прежнему возвышался надо мной, и я, взглянув на него одним глазом, заметил почти смущенное выражение на морщинистом, обветренном лице наставника.

– Десять было три часа назад, – ответил он, вяло кивнув, – а сейчас уже почти полдень.

Я вскочил так резко, что со стороны можно было подумать, будто я обжегся или меня ужалил анемон, которых было полно на морском берегу.

– Простите, Гибсон, я не знал. Должно быть, потерял ощущение времени, и... – Я честно пытался найти какое-нибудь объяснение, но не смог.

– Не переживай, – поднял ладонь старик, – тебе больше не нужен учебник риторики.

– Наверное, не нужен, – скорчил я кислую гримасу.

С изысканной неторопливостью Гибсон опустился на последнюю ступеньку лестницы, ведущей к замку. Я поспешил ему на помощь, но он только махнул рукой.

– Адриан, ты пропустил занятия второй раз за много-много недель. Это на тебя не похоже.

Я лишь хмыкнул в ответ, и Гибсон шумно вздохнул:

– Понимаю. Возможно, тебе все-таки понадобится учебник риторики.

Нахмурившись, я отвернулся и подошел к тому месту, где заканчивались камни, а дальше до серебристой глади воды тянулась полоса песка. Без воздействия лунных приливов море всегда оставалось спокойным, только у самого берега крутились крохотные водовороты.

– Гибсон, я все еще не могу поверить. В эту мерзкую Капеллу!

Мы уже обсуждали это. Дважды.

– Ты сам знаешь, что можешь стать великим.

– Не хочу я становиться великим, будь оно все проклято!

Я пнул камень, и тот поскакал по воде. Вдалеке еще одна чайка нырнула за добычей.

– Отцу я сказал, что хочу быть схоластом. Я ведь вам уже говорил, да?

В моих интонациях прозвучало полное поражение, смешанное с такой насмешкой над собой, на какую способен только личный шут императора.

Гибсон долго не отвечал – так долго, что я едва не повторил вопрос. Наконец он произнес дрожащим голосом:

– Да, говорил.

Я оглянулся через плечо. Мой наставник сидел с застывшим, задумчивым взглядом, положив подбородок на бронзовую рукоять трости. Морской ветер раздувал его зеленую мантию.

– У тебя есть способности к наукам. Ты весьма сообразителен. Я сам пару раз объяснял это твоему отцу. Но он сразу отгнул мою идею.

Истолковав его слова в свою пользу, я продолжал настаивать:

– Но ведь я могу это сделать? Могу стать схоластом?

Гибсон пожал плечами:

– Со временем, Адриан, да, тебя научили бы мыслить должным образом. Но ты не должен идти против воли отца.

Изобразив презрение истинного палатина, я сказал:

– Это мое бремя ответственности. Разве не так он тебе ответил?

Схоласт внезапно переключился на классический английский:

– Если для выживания требуется взять в руки оружие, ты должен это сделать.

Я приподнял бровь и спросил на родном языке:

– Шекспир?

– Нет, Серлинг¹³. – Он посмотрел вверх, на тонкую вереницу облаков, висевшую в белом небе, словно паутинка. – Хотя, полагаю, эта цитата подошла бы лучше, если бы отец посылал тебя в легионы.

– Там есть инквизиция, – нахмурился я. – Это еще хуже.

Гибсон кивнул в знак согласия, не снимая подбородка с рукояти трости:

– Вполне справедливо, – и почесал львиные бакенбарды с задумчивым выражением на морщинистом лице. – Я не вижу выхода из положения, мой мальчик. Если твой отец потрундился записать послание на этот кристалл, можешь не сомневаться, что он уже установил волну с Весперадом. Договор подписан. И скреплен печатью.

Моя голова словно бы закачалась сама, не дожидаясь приказа.

– Но я не могу с этим смириться.

¹³ Серлинг, Род – американский сценарист и драматург.

Гибсон заметил, как я напрягся, и ткнул узловатым пальцем мне в грудь:

– Это прямая дорога к безумию, Адриан.

– Простите, что? – Я резко поднял взгляд.

– Страх – это смерть разума.

Гибсон сказал это машинально, память автоматически ответила на упомянутую эмоцию. Я удивленно заморгал и перестал выискивать подходящий камень для броска в воду.

– Я не боюсь.

– Вступить в Капеллу? Конечно, боишься.

Он посмотрел мне прямо в глаза, похожий на статую, покрывшуюся морщинами от времени, а не от эмоций. Сейчас он казался отлитым из бронзы.

– Ты хочешь стать схоластом? Тогда укроти свой страх, или ты ничем не лучше других. – Он неопределенно махнул рукой в сторону замка, словно обхватывая все человечество. – Бери пример с камня. Пусть не тревожит тебя будущее, ведь ты достигнешь его, если это будет нужно, обладая тем же разумом, которым ты пользуешься в настоящем.

В тот момент я не распознал цитату: Марк Аврелий. Еще один римлянин.

Успокоившись, я ответил афоризмом из Книги разума:

– Испуганный человек пожирает себя.

Кто-то другой на его месте улыбнулся бы, но губы Гибсона лишь чуть дернулись, когда он одобрительно кивнул:

– Ты знаешь об этом, но еще не научился этому.

Снова наступила тишина, и я вернулся к наблюдению за кружившими над водой птицами. Эти чайки были терраниками, выведенными из того генетического материала, что доставили на океаны Делоса много веков назад. Настоящие чайки, белые с серым, подобные тем, что летали над берегами Старой Земли во времена Саргона и еще раньше.

– Капелла – не самый плохой вариант. Ты станешь выше лордов Империи. Увидишь Империю, Содружество и даже Демархию Тавроса. У тебя будет возможность с пользой применить свои навыки.

– Я бы предпочел применить их для дипломатии, а не для... не для... – Я не смог подобрать нужное слово.

– Теологии?

– Пропанды, Гибсон! – презрительно усмехнулся я. – Вот что это такое. Все они управляют людьми с помощью страха. Даже мой отец. Знаете, почему он отправляет меня туда? Он сказал, что ему нужен там «кто-то из своих». Как будто он задумал что-то незаконное. – Я заскрежетал зубами. – Значит, я для него просто орудие? Я нужен ему только для того, чтобы проложить дорогу к новому титулу?

В ожидании ответа я посмотрел на учителя, который сейчас напоминал икону Непрерывно Ускользящего Времени в святилище Капеллы – высохший, сгорбившийся над тростью старик. Но его ответ был ответом схоласта, а не обычного человека:

– Фактически все палатинские дома заводят детей для подобных целей. Это стратегия.

– Шахматные фигуры. – Я сплюнул на песок. – Гибсон, я не хочу быть пешкой. Не хочу участвовать в игре.

Ненавистная мне метафора.

– Ты должен участвовать, Адриан. У нас нет выбора. Ни у кого из нас.

– Я не его пешка.

Так могла бы произнести эти слова змея; я сердито смотрел на наставника, и яд капал с моего языка.

Схоласт прищурил тусклые глаза.

– Я никогда и не говорил этого. Все мы пешки, мой мальчик. Ты, я, Криспин. Даже твой отец и наместница. Таков уж этот мир. Но запомни! – Его голос задрезжал на высокой ноте,

и он ударил тростью по белому, отшлифованному временем камню. – Не имеет значения, кто пытается двигать тобой – отец или кто-то другой из облеченных властью, у тебя всегда есть выбор, потому что душа остается твоей. Всегда.

Странно было слышать от Гибсона – от любого схоласта – о душе.

Не зная, что еще сказать, я снова устался на птиц и их охоту. Затем подошел к тому месту, где недавно сидел, и поднял свой блокнот, вздрогнув от боли, когда мои бедные пальцы обхватили черную кожаную обложку.

– В чем же этот выбор?

Я не взглянул на Гибсона, продолжая наблюдать за чайками.

Он не ответил. И я понял почему. Даже здесь, вдалеке от замка, от подслушивающих ушей и подсматривающих глаз, он не мог вести изменнические разговоры. Инстинкт повиновения глубоко вьелся в его натуру.

«И какой же это вид повиновения?» – задумался я, но не нашел ответа.

Тем временем он спросил:

– На что ты там смотришь?

– На рыб.

– Ты не можешь видеть рыб.

– Не могу, пока птицы их не схватят, – ответил я, указывая на море, хотя и подозревал, что старик все равно ничего не разглядит.

Сейчас я понимаю, насколько стар был мой славный Гибсон. Его кожа напоминала древний пергамент, истонченный и растянутый. А глаза – представляете, какого возраста должен быть человек высокого происхождения, чтобы утратить зрение? Я встречал людей, проживших более пятисот лет, чье зрение оставалось острым, как разделочный нож. Иногда я думаю, что мой любимый наставник был старше всех, кого я знал, за исключением меня самого.

Всегда оставаясь сторонником метода Сократа, схоласт задал вопрос:

– Скажи, пожалуйста, а чем же тебя привлекли рыбы в такое время?

– Своей судьбой, – приглушенно ответил я.

– Что? – рефлексивно, как все люди с ослабленным слухом, переспросил Гибсон.

К счастью, он меня не услышал; представляю, какой я получил бы нагоняй за одно только упоминание столь пафосного и мистического понятия, как судьба.

Я повернулся к нему, пожал плечами и сформулировал свою мысль иначе:

– Их не спрашивают, хотят ли они быть съеденными. Они тоже пешки. Природа – это неизбежность.

Гибсон фыркнул и приподнял густые брови:

– Неужели все, что ты говоришь, обязательно должно звучать как эвдорская мелодрама?

– А что плохого в мелодраме? – просиял я, уловив тонкое дыхание юмора.

– Ничего плохого, если ты актер.

– Весь мир – театр.

Я плавно повел рукой и постарался улыбнуться, уверенный, что уж эта цитата точно из Шекспира. Какой бы слабой ни была попытка, смех мой оборвался так же быстро, как и возник. Гибсон на мгновение прикрыл глаза, и я по долгому опыту общения с ним уяснил, что таким способом он сдерживает приступ смеха. «Разум должен быть ровным, как песок в саду», – писал схоласт Имор в третьем тысячелетии.

– Я сейчас ощущаю себя одной из этих проклятых рыб.

Старик крепко сжал губы и затем произнес:

– Не знаю, что тебе на это сказать.

– Гибсон, я не хочу лететь на Весперад.

– Почему?

Не возражение, а исследовательский вопрос.

«Пропади ты во Внешней Тьме на вечные времена со своей философией!»

Я задумался. Посмотрел на замок. И наконец заговорил:

– Потому что... потому что все это бред и вздор. Культ Земли, иконы. Все ненастоящее. Земля не станет снова зеленой и чистой, оттого что мы покаемся за грехи предков.

Я покачал головой и выплюнул следующую фразу, словно желчь:

– Хлеба и зрелищ.

Мне стало противно от этих слов, словно я приобщился к почитаемым отцом традициям. Я был по-мальчишески суров к религии, когда нужно было осуждать только Капеллу.

Рот Гибсона дернулся, создавая впечатление слабой улыбки. Уж не торжество ли в ней было? Затем улыбка исчезла, и он сказал:

– Не забывай, что ты должен держать эти мысли при себе.

– Думаете, я этого не знаю? Я же не говорил этого им! – Я указал на мрачную громадину Обители Дьявола высоко над нами. – Земля и император! Вы меня совсем дураком считаете?

– Я считаю, – ответил Гибсон с необычайной тревогой, – что ты сын архонта и потому лишен осторожности, свойственной простым людям.

– Лишен осторожности? – рассмеялся я отрывисто, холодно и совсем не весело. – Боги небесные, Гибсон, разве я не проявляю осторожность? Я уже столько лет хожу перед отцом и Криспином на цыпочках. А также перед Эусебией, Северном и другими капелланами. Я должен что-то предпринять...

Безумная улыбка тронула мои губы в тот момент, когда я понял, чем должно быть это «что-то».

– Мне это совсем не нравится, – едва не нахмурился схоласт при виде нахлынувших на меня эмоций.

План сложился перед моим внутренним взором, все части с глухим стуком встали на свои места.

– Я не полечу туда, – произнес я, словно молитву – короткую, убежденную и могущественную. – Не полечу на Весперад.

– Но ты должен.

– Нет! – Я взмахнул блокнотом перед лицом Гибсона. – Вы сами сказали, что у меня есть выбор.

Я посмотрел на сгорбившегося старика, что сидел рядом со мной на ступеньке лестницы, и дикая усмешка засветилась в моих глазах.

– Вы можете написать для меня рекомендацию в примат атенеума... скажем, на Тевкре.

Гибсон устало взглянул на меня со странным выражением в затуманенных глазах, пугающе близким к пониманию и оттягиванию решительного момента. Он сжал губы и с криком поднялся. Мгновенно забыв о своем предложении, я бросился помогать ему. Даже несмотря на согнутую столетиями спину, схоласт оставался выше меня ростом, что наглядно доказывало его древнюю, как сама Империя, родословную.

Со вновь обретенным спокойствием я спросил:

– Вы ведь можете это сделать? Для меня.

Мы оба понимали, что я от него требую. Это была измена, предательство своего лорда и многовековой службы в Мейду. Гибсон знал моего отца, когда тот был еще ребенком. Возможно, они стояли на этом же берегу и схоласт объяснял юному и холодному Алистеру Марло, как справиться с трудностями правления. В конце концов, отцу не было и пятнадцати, когда ему на плечи свалился титул архонта, так как рабыня-гомункул убила моего дедушку. Лорд Тимон умер в постели, задушенный в момент любовного экстаза искусственно выведенным существом, которое ему подарил конкурент-мандари. Отцу потребовалась добрая половина столетия – и битва при Линоне, – чтобы заставить лордов системы Делоса забыть об этом кон-

фузе. В глубине души я опасался, что саму идею нападения подал Гибсон, а может быть, он же предложил выпустить воздух из замка дома Оринов и уничтожить всю их кровную линию.

Запинающимся, изломанным голосом Гибсон ответил:

– Да, я могу это сделать.

Я обнял старика, который был для меня дороже отца, стараясь погасить согревающую радость в груди:

– Спасибо вам! Спасибо, Гибсон.

Живя в мире слуг, властителей и политиков, я не знал настоящей дружбы. Мои отношения с родителями никак нельзя было назвать нежными. Точно так же я сторонился и Криспина. С приближенными отца – с сэром Феликсом и сэром Робаном, с Тор Альмой и Тором Алкуином, с приором Эусебией и всеми остальными – я поддерживал обычные контакты, какие связывают ученика с учителями или хозяина со слугами. Даже зарождающееся чувство к Кире – хотя я не осознавал и не мог оценить все его значение – словно бы проходило через защитную мембрану, навязанную мне моим положением. Только Гибсон сумел прорваться сквозь нее. Он был для меня, как я уже сказал, ближе, чем отец.

И это погубило нас обоих.

Глава 11

Какой ценой

Полагаю, старый плут хотел, чтобы я это сделал, что во время нашего разговора на берегу он подталкивал меня к нужному решению, но так, будто бы я сам нашел его. Я тайно приступил к подготовке побега, имея лишь смутные представления о том, как это можно осуществить. Ни разу не путешествовавший за пределы системы, я мечтал взять напрокат или украсть космический корабль и улететь на нем куда угодно, только не в Колледж Лорика на Веспераде. Или подкупить пилота нанятого отцом корабля, ускользнуть на какой-нибудь промежуточной остановке нашего долгого пути и сбежать из этого сектора как можно скорее. Это необходимо было сделать, но моего ограниченного опыта не хватало для технического обеспечения операции.

Насколько я понял ситуацию, у меня были две главные проблемы: как выбраться за пределы системы и чем за это заплатить. По иронии судьбы второй вопрос оказался намного проще первого. В конце концов, я ведь был сыном лорда-палатина и мог воспользоваться такими ресурсами, какие простолюдины даже вообразить не способны. Вы, возможно, представили себе сундуки с драгоценными камнями и золотыми диадемами? Хотя золото сохранило определенную ценность из-за своей редкости и разнообразного практического применения, это все же довольно привычный материал. Имперские монеты – золотые хурасамы, серебряные каспумы и прочие – имеют хождение главным образом в нижних слоях нашего общества. Самоцветы – в большинстве случаев по составу не многим сложнее обычного углерода – перестали цениться в элитарных кругах еще со времен основания Империи. Бриллианты, сапфиры, рубины и тому подобное легко мог получить каждый, имеющий доступ к алхимии.

Богатство палатинского сословия основано на редких химических элементах. Золото – один из таких товаров. Другой – уран, и он намного ценнее, отчасти потому что для законной его добычи требуется лицензия непосредственно от Имперской канцелярии. Таким образом, если хурасам может оказаться у каждого, то имперская марка – формально стандартная валюта Империи – доступна лишь тем, кто извлекает богатства из недр, своего рода смазка для механизма нашей цивилизации.

Марки гораздо дороже, к тому же их проще перемещать, чем нагруженные золотом корабли, потому что они – всего лишь цифровой код на электронном счете. Весь фокус в том, чтобы сделать это незаметно. Логофетам и секретарям отца, не говоря уже о его казначействе, и так хватает забот. Но всегда существует вероятность, что какой-нибудь чересчур усердный клерк начнет слишком пристально приглядываться к моим расходам и счетам, открытым на мое имя. Или другая вероятность – весьма малая, впрочем, – что отец установит за мной особое наблюдение.

Три месяца.

Как это мало на самом деле, хотя делосианский месяц длиннее стандартного и каждый его день тоже. Даже для палатина – возможно, для палатина в особенности – дни проходят слишком быстро. Я тоже должен был действовать быстро и выбрать такой способ, против которого мой отец – при всей его хваленой холодности – ничего не смог бы возразить.

Благотворительность.

– Что вы собираетесь сделать?

Факционарий гильдии выпучила на меня глубоко посаженные глаза, и на ее преждевременно увядшем лице появилось такое выражение, будто я только что дал ей пощечину.

Стоя по другую сторону заваленного бумагами стола, я повторил свое предложение, стараясь не думать о Кире и двух охранниках, оставшихся за дверью, словно бы сама мысль могла привлечь их внимание к моим делам:

– Я хочу внести пожертвование. Со своего личного счета.

Простецкое лицо Лены Бейлем удивленно и подозрительно вытянулось.

– Почему?

Не решаясь встретиться с ней взглядом, я взирал на трехмерную голограмму на стене за ее спиной, изображающую панораму долины Красного Зубца с высоты птичьего полета. Желтые значки радиоактивности отмечали расположение рудников, местность вокруг была заштрихована с разной интенсивностью, в зависимости от уровня опасности. Я бывал там много раз. Несмотря на все усилия биологов, только самые неприхотливые растения пускали корни на холмах над рекой. Ученые сошлись на том, что мощные тектонические толчки в далеком прошлом погрузили здешние запасы урана глубоко в недра, а потом руда снова появилась на поверхности, благодаря мелким катаклизмам, происходившим при терраформировании.

Наконец я спросил:

– Вы слышали, что я покидаю Делос?

Потрясенная Бейлем подалась вперед, опираясь локтями о край своего дешевого стола:

– Значит, это правда? Что-то такое передавали в дневных новостях, но я подумала...

– Да, правда, – кивнул я. – Улетаю на «Дальноходе» тридцать третьего боздромииона. Но после всего, что случилось за последние несколько недель, я...

В этот момент я все-таки сумел снова посмотреть ей в лицо, прекрасно сознавая, что отец ни за что бы так не сделал.

– ...У меня осталось неприятное чувство от того, как закончился наш разговор. Я так понял, что консорциум удовлетворил ваши просьбы, когда его представители побывали здесь?

Бейлем недовольно фыркнула:

– Один обогатительный краулер и две буровые установки. Это возместит какую-то часть наших потерь, но мы по-прежнему посылаем людей в шахту с ручным инструментом.

Она отвлеклась или, наоборот, попыталась сосредоточиться, выискивая какие-то документы в ворохе бумаг на столе.

– Я должна спросить, лорд Марло. Откуда вдруг у вас такой интерес к нашей работе?

– Просто хочу исправить свою ошибку, – развел я руками с видом полной невинности.

Выждав пару секунд, я добавил, словно эта мысль только что пришла мне в голову:

– Там, куда я отправляюсь, деньги мне не понадобятся. Отец посылает меня в Капеллу.

И прежде чем она успела вдуматься в подтекст моих слов, я двинулся дальше:

– Поэтому я и решил сделать пожертвование. Сто двадцать тысяч марок.

Глаза факционария сделались большими, как обеденные тарелки.

– Вы это серьезно?

Если бы у нее отпала челюсть, как у бедного Йорика, и грохнулась об стол, я бы не очень удивился. Превосходно – именно та реакция, какую я ожидал.

– На эти деньги вы сможете обеспечить десяток рабочих бригад аварийными костюмами. Новыми. С электронной защитой и всем прочим.

Я поддернул рукав своего фрака и проверил время по терминалу. Лена Бейлем достала из ящика стола пачку безникотиновых сигарет. Подождала секунду, как бы спрашивая у меня разрешения, затем прикурила. Кончик сигареты засветился вишневым огоньком, и женщина выдохнула струю дыма прямо в пространство между нами.

– Сможем, но вы так и не ответили на мой вопрос.

– Что за вопрос, факционарий?

– Почему вы это делаете?

– Почему? Я же вам объяснил, – сказал я с притворным раздражением, приближающимся к подлинному. – Не хочу, чтобы смерть этих людей была на моей совести. Если отец не желает платить за новую экипировку, я сделаю это сам.

Я склонил голову к столу, словно указывая на некую юридическую тонкость, и добавил:

– Давайте подпишем контракт, если недостаточно моих слов. У вас будет письменный договор. Можно сказать, я настаиваю.

Еще одно облачко дыма поднялось в воздух, я закашлялся и попытался разогнать его рукой. Эта игра была мне понятна – она хотела, чтобы я почувствовал неудобство. Я улыбнулся и резко выдохнул. Генетически измененный табак не оставляет осадка в легких, но пахнет отвратительно. Нужно было попросить, чтобы она не курила. Возможно, я проявил излишнюю мягкость.

Бейлем порылась в бумагах на столе, нашла папку из кожзаменителя, раскрыла и достала оттуда кристаллический планшет и стилус с ластиком на конце.

– Вот, – сказала она, не вынимая сигарету из пожелтевших зубов.

На мгновение в комнате повисла тишина, нарушаемая только шумом транспорта под окнами здания гильдии.

Дальше предстояла самая деликатная часть плана.

Я взял планшет и с легкостью заполнил простую форму договора, прикасаясь к экрану стилусом, который переводил мои завитки в четкий шрифт галстани. Затем повторил операцию на другой странице. Работа была почти закончена, наступил решительный момент. Я положил планшет на стол.

– Знаете, мадам Бейлем, так уж вышло, что мы можем помочь друг другу.

Я продемонстрировал ей свою самую лучшую, не имеющую ничего общего с домом Марло улыбку.

Ее плебейское лицо с вялым подбородком потемнело.

– Как это понимать?

Я продолжал любезно улыбаться.

– Вы согласны, что сто двадцать тысяч – это... солидная сумма?

Она кивнула с видом простодушного зрителя, ожидающего от эвдорского волшебника каких-то магических манипуляций.

Кивнула один раз. Медленно. Молча.

– А что вы скажете насчет ста тридцати?

Глупо, но мое мятежное сердце быстрее застучало в еще не до конца зажившей грудной клетке. Я говорил мягко, уверенный, что мои охранники ничего не услышат из коридора. Только не через крепкую дверь из листовой стали. Почему я вообще должен чего-то бояться? Я обладал здесь полной властью, у меня были деньги, было имя. А факционарий гильдии... что имела она? Возможность меня разоблачить? Но если она согласится, то станет соучастницей. А она согласится. Я прекрасно это понимал, делая новое предложение.

– Я подпишу контракт на сумму в сто пятьдесят тысяч марок, если... – я дважды провел ладонью по экрану планшета, и на голографической стене появились два документа, – если вы подпишете параллельный контракт на сто тридцать тысяч, который останется у меня. Незарегистрированный.

Увидев смятение на ее лице, я продолжил наступление:

– Я хочу, чтобы вы выплатили мне разницу и перевели ее на универсальную карту. Или лучше даже в хурасамах, если они у вас найдутся.

– Вы представляете себе, сколько будут весить эти хурасамы? – скептически поинтересовалась она. – У вас есть при себе погрузчик?

Я сконфуженно махнул рукой:

– Значит, тогда на карту.

– Вы просите, чтобы я отмыла деньги.

– Нет, не так, – настаивал я, надеясь, что мне удастся не отступить от плана. – Я прошу, чтобы вы... почувствовали неловкость за ту огромную сумму, которую вам передают, и вернули мне незначительную ее часть без лишнего шума. Чтобы успокоить свою совесть.

Я снова улыбнулся, но на этот раз кривой ухмылкой истинного Марло. Аккуратно стащил перстень-печать с большого пальца левой руки и поднял его, готовый скрепить оба контракта и переправить терабайты кодированной информации. Я подумал обо всем, что символизирует это кольцо: о моем имени, моей линии крови, генетической истории, личной собственности в двадцать шесть тысяч гектаров земли в горах у Красного Зубца.

Бейлем перевела взгляд с моего лица на голографическое изображение контракта на стене, а затем на дверь. Я заметил, как в тусклых глазах факционария вспыхнула жадность. Забытая сигарета уже догорела до самых ее пальцев.

– А если я откажусь?

Неужели это необходимо было объяснять?

– Для этого и нужен второй контракт. Я заполню его с официальной регистрацией и скажу, что кто-то из ваших людей, должно быть, взломал контракт и изменил сумму. Как вы думаете, кому из нас поверят? Вы и так встали поперек дороги моему отцу из-за всей этой суматохи с консорциумом.

Ее грубое лицо побледнело.

– Разумеется, вы вольны отказаться от моего предложения, – произнес я.

Она оскалила зубы, в глазах вспыхнуло презрение.

– В этом нет ничего общего с благотворительностью.

Я печально улыбнулся, теперь уже совершенно искренне:

– Мадам Бейлем, я действительно хочу вам помочь. Верите вы мне или нет – это не имеет значения, но вы можете в ответ помочь мне. Таковы мои условия.

Я поднял перстень, чтобы приложить его к обоим документам.

– По рукам?

С двадцатью тысячами марок на номерной универсальной карте во внутреннем кармане камзола и двумя контрактами (один из которых был моей страховкой), занесенными в матрицу перстня, я на заднем сиденье флайера возвращался в Обитель Дьявола. Древний замок нависал над городом грозовой тучей, хмурое небо тоже предвещало летнюю грозу.

– Вы поступили великодушно, пожертвовав шахтерам эти деньги, – сказала Кира, не оборачиваясь.

Услышав такие слова именно от нее, я испытал жгучее чувство стыда. Разве я сделал это ради шахтеров? Мой язык внезапно стал неповоротливым, и я отвернулся.

– Спасибо.

Наверное, я должен поговорить с ней перед отъездом? Сказать, какая она красивая. Сильная. Я сжал кулаки, кости правой руки все еще ужасно болели. Но я подавил боль, чувствуя в душе, что отчасти заслужил это. Где-то я читал, что жрецы разных религий бичевали себя веревками с узлами, чтобы страданиями искупить грехи. Не то чтобы я был с этим согласен, но боль часто воспринимается как справедливое возмездие.

– Лейтенант... – наконец проговорил я сдавленным голосом.

– Да, сир?

– Не могли бы вы изменить курс? Доставьте нас к городскому пентхаусу.

Один из моих охранников запротестовал:

– Сир, вы действительно хотите появиться в городе после того, что случилось в прошлый раз?

Еще на середине фразы я обернулся и сердито посмотрел на него, возможно впервые в жизни радуясь, что у меня такие же глаза, как у отца.

– Солдат, не забывай, что я сын твоего архонта, – осадил его я с внезапным ядом, вызвавшим новый приступ вины. – Я ценю твою заботу, но давай считать, что все плохое уже позади?

После этого я снова переключил внимание на пилота:

– Кира, пожалуйста, отвезите меня в пентхаус.

Я не хотел возвращаться домой в такой день.

Теперь мне нужно было обдумать еще одну проблему, более сложную. В каком-то смысле я имел даже меньше прав на путешествия в космосе, чем последний плебей. Любой портовый рабочий или техник с городской фермы, не припланеченный по рождению, мог заработать деньги на полет за пределы системы или вступить в легионы – в конце концов, мы ведь вели войну. Но я... я постоянно находился под присмотром охранников. По крайней мере, до того случая, когда меня избила до полусмерти банда мотоциклистов на улицах Мейдуа. И все же этот эпизод вселил в меня изрядную долю самоуверенности. Я ведь тогда смог ускользнуть от бдительных стражей, разве не так?

Смогу и опять.

Пожелтев до золотистого оттенка, солнце садилось за западными горами, а подо мной и вокруг оживал город Мейдуа, змеившиеся вереницы грунтомобилей постепенно зажигали фары. На башне прямо передо мной ярко загорелась голографическая панель размером с целый дом. Сначала она рекламировала гладиаторов из «Дьяволов Мейдуа», а затем переключилась на набор в Имперские легионы, показывая женщин с волевыми подбородками, облаченных в броню костяного цвета. Я перегнулся через резной каменный парапет. Чувство вины за шантаж факционария уже затихло во мне, сменившись легким головокружением от успешно проведенной операции. У меня на руках были двадцать тысяч марок, о которых отец ничего не знал, и если даже логофеты или семейные банкиры проверят мои счета, то обнаружат только щедрое пожертвование местному отделению Гильдии шахтеров Делоса.

Кто станет осуждать такое проявление добродетели? Меня же прочили в священники. Я тихо рассмеялся в сгиб локтя, надеясь, что Кира и охранники не видят этого. После случившегося сегодня мне крайне важно было оказаться вне наблюдения. Наедине со своими мыслями. Как бы я ни жаждал вырваться из дома предков, расставание тревожило ничуть не меньше. Вспыхнувшие в небе звезды давили на меня, пугая так, как никогда не пугала Обитель Дьявола.

Древняя мудрость, своего рода проклятие, гласила: «Чтоб ты жил в интересные времена». Полагаю, как раз тогда я и жил. После захода солнца чернота космоса надвинулась на меня, и я каким-то образом почувствовал, что съельсины подбираются все ближе. Я будто бы уже различал похожие на замки корабли, спускающиеся с ночного неба, хотя никогда прежде их не видел. В моем воображении башни тянулись ко мне, словно холодные пальцы, – тонкие конструкции, покрытые льдом, сверкающим подобно дворцу злобных фей. Была ли эта картина простой иллюзией или будущее каким-то образом прорвалось в мое настоящее? Наверное, виной всему было уныние, сжимавшее мою душу, – мучительный страх перед скорым расставанием с домом.

Я только теперь начал ощущать его. Угрозы отца сделать меня священником никогда не казались мне реальными, поскольку я с легкостью отмахивался от такой возможности. Но пластиковая карта уже лежала в кармане, горький привкус шантажа все еще чувствовался на губах. И мысль о том, что я должен вскоре покинуть этот жалкий город – единственный мой дом, – навалилась на меня так же грубо и внезапно, как те подонки-плебеи на мотоциклах.

– Милорд?

– Да, лейтенант?

Я вздрогнул и отошел от перил. Кира стояла в напряженной позе возле двери в пентхаус, обхватив себя руками и потупив глаза.

– Что-то не так? – улыбнулся я и подумал, что могу смотреть на нее, не отводя взгляда, как приходилось делать при разговоре с отцом. Завитки волос цвета кованой бронзы, словно в видениях Петрарки, обрамляли ее сердцевидное лицо, тонкий силуэт казался особенно изящным.

– Сир, я только хотела сказать, что дверь заперта. Никто не сможет войти или выйти, не потревожив охрану.

– Что?..

Потребовалось время, чтобы смысл ее слов проник сквозь туман в голове, поднятый ее красотой и моей жалостью к себе.

– Ах да... Очень хорошо, Кира. Скажите этим двоим гоплитам, что они могут идти. Или пусть сменяются, если им так больше нравится.

– Простите, сир?

– Они могут караулить по очереди. – Я покачал пальцем. – Пусть так и сделают.

Лейтенант отдала мне салют, прижав кулак к груди:

– Непременно, сир, – и повернулась к двери.

– Кира...

Она остановилась, все так же напряженно, хотя я не понимал причины.

– Милорд, – слабым голосом произнесла она, а затем набралась смелости: – Зачем вы это делаете?

– Что я делаю? – заморгал я в искреннем недоумении.

Так и не обернувшись, она ответила:

– Называете меня по имени. Так не принято.

Холодный голос отца прозвучал у меня в голове: «Так не принято, милорд». Я заставил его утихнуть. Но страсть была сильнее осторожности, и я невнятно пробормотал:

– Я просто хотел... чтобы мы были чуточку ближе, вот и все.

Она повернулась ко мне, и в ее зеленых глазах читалось понимание – понимание и... страх? Конечно же нет.

– Простите, я не хотел вас обидеть.

– Я ваша слуга, сир. Вам не нужно извиняться. – Она отчаянно покачала головой, прикрыла глаза и спросила: – Но... почему я?

– Простите?

Низко над нами пролетел флайер, и потревоженное защитное поле пентхауса слабо замерцало в воздухе. Я проследил за тем, как машина удаляется, мигая в сумерках красными и зелеными габаритными огнями. Лейтенант стояла, выпрямившись и выставив вперед тонкий подбородок.

– Несколько недель назад вы приказали мне сопровождать вас в ваших поездках, еще до этого происшествия.

«Происшествия», – с горечью подумал я, не позволив лицу дрогнуть от воспоминаний о нападении.

Но Кира еще не закончила и повторила опять:

– Почему я?

Она стояла, опустив голову, с закрытыми глазами. Я преодолел бесконечность между нами и схватил ее маленькую огрубевшую ладонь. Девушка напряглась, словно сжатая пружина, и, как мне показалось, затаила дыхание. Не найдя слов для ответа и расхрабрившись, как никогда в жизни, я поцеловал ее.

Она словно окаменела.

Я успокаивающе, как мне хотелось думать, сжал ее руку. Я был тогда почти мальчишкой и понятия не имел, что делать дальше. Говорят, в такие мгновения время замирает, но на самом деле замирает только ваше дыхание.

И Кира. Кира по-прежнему стояла неподвижно, словно камень.

Я отодвинулся, смущенно и неуверенно:

– Простите, я не должен был это делать. Я...

Она прижала руку к груди, вторая все еще оставалась в моей ладони. Я отпустил ее и отступил на шаг. Смуглое лицо Киры побледнело.

Я оглянулся и продолжил бессвязно бормотать, теперь уже обращаясь к ней официально:

– Лейтенант, я...

Мертвым, сухим голосом, подтверждающим ее страх передо мной, она сказала:

– Если милорд желает, я... я могу... могу прийти к нему...

Я не услышал ее «в постель», потому что прокричал:

– Нет!

Только не так, будь оно проклято! Не так. Я тоже замер, осознав, что по-другому не получится. Я был палатином, сыном архонта, которому предназначено стать приором Земной Капеллы. Как могла она, лейтенант замковой охраны, в чем-то отказать мне?

Я почувствовал себя подлецом, ничтожеством. Трусом. И проскользнул мимо нее в комнату, не произнеся больше ни слова, не решившись ничего сказать.

Глава 12

Уродство мира

Я плохо представлял себе, как выберусь с планеты. Сначала меня привлекала идея улететь на торговом корабле и отправиться к Тевкру, Сиракузам или любому другому миру, где есть атенеум схоластов. Но я не был пилотом, не имел никаких особых навыков, которые убедили бы капитана корабля принять меня в команду. Кроме того, для официального найма наверняка понадобится сканирование крови, в ходе которого выяснится мое высокое происхождение, и обо мне доложат отцу. Перед любым пассажирским рейсом тоже требуется такая проверка, иначе припланеченные сервы могут сбежать, нарушив закон. Логика подсказывала обратиться к менее щепетильным в таких вопросах людям, хотя благоразумие противилось этому.

Но разве у меня был выбор?

В своей юношеской наивности я надеялся, что Кира разделяет мои мечты о легком флирте или тайных свиданиях. За долгую жизнь я был знаком со многими палатинами, и мужчинами, и женщинами, которые совращали своих вассалов. Есть специальные слова для обозначения таких людей, злоупотребляющих своей властью, но в моем случае они неприменимы. Мои чувства были невинны. Я полагал, что со мной все будет по-другому, не понимая, что по-другому быть не может. Никакое целомудрие, никакие честные намерения не уменьшили бы пропасть между мной и Кирой, и если бы она покорилась, то не из страсти, а из чувства долга... или, хуже того, из страха. Я совершил ужасную ошибку и оказался – пусть даже невольно и всего на одно мгновение – одним из тех отвратительных людей, которых вообще трудно назвать людьми.

Я прятался от Кире и прочих обитателей замка, за исключением учителей. Тор Альма провела со мной перед отъездом серию медицинских тестов и слегка усовершенствовала мою и без того крепкую иммунную систему, чтобы защитить клетки от инопланетных болезнетворных организмов и той незначительной радиации, которая неизбежна даже в самых тихих секторах космоса. Мы с сэром Феликсом завершили обучение боевым искусствам за месяц до моего отбытия, когда было объявлено, что последние свои дни на планете я проведу в Аспиде, общаясь с матерью в ее летнем дворце. И конечно же, еще оставался Гибсон, с ним мы часто прогуливались по замковому парку.

– Пираты – это плохая идея, – сказал Гибсон, с кряхтением поднимаясь по лестнице к саду камней перед клуатром. – Во всяком случае, не стоит нанимать их с улицы. Они... ну хорошо, они не из тех, кто заслуживает доверия.

Я пожал плечами, признавая его правоту. Схоласт, опираясь на мою руку, пересек внутренний двор. Опасаясь, что нас подслушают, мы говорили по-джаддиански. Ритмичные слоги скакали так быстро, что даже внимательный человек не разобрал бы семь слов из десяти.

– Но я не могу придумать ничего другого.

Я повернулся лицом к глуховатому старику, чтобы он лучше меня слышал.

– Возможно, тебе и не придется, – ответил Гибсон и приложил скрюченный палец к губам, как только к нам приблизились трое слуг в темно-красной форме уборщиков.

Один из них поклонился, проходя мимо, но я отделался лишь слабой улыбкой. Сохраняя молчание, мы зашли в тень колоннады. Внутренние колонны так заросли плющом, что стали почти синими. Я обеспокоенно посмотрел на невысокий свод, усеянный камерами наблюдения, старательно спрятанными в изящном лепном орнаменте, но все же заметными. Дальше мы

направились в сад. Почти черные в серебристом солнечном свете кусты были подстрижены в причудливые силуэты людей и драконов.

– Что вы хотели этим сказать? – спросил я по-прежнему на джаддианском.

Гибсон покачал головой и приподнял полы тяжелой изумрудной мантии, чтобы не споткнуться о нее на ступенях каменной лестницы, по которой мы поднимались на стену, к одному из многочисленных виадуков.

– Не сейчас, подожди. Ты уже готов к отъезду?

– Более или менее. Но я точно не знаю, что брать с собой. Что бы ни случилось, не думаю, что у меня будет большой багаж.

Я не упомянул о двадцати тысячах марок на моей новой универсальной карте, но спросил:

– Мне ведь можно что-то с собой взять?

Гибсон остановился перевести дыхание и махнул рукой, чтобы я шел дальше.

– Насколько я помню, Капелла разрешает привезти один чемодан с личными вещами. Разве об этом не сказано в той инструкции, что передал тебе отец?

Мне оставалось только захлопать глазами. Я полагал, что, став схоластом, должен буду отречься от всего своего имущества, и не делал никаких серьезных приготовлений.

– Извините, не прочел, – признался я.

Гибсон долго и строго смотрел на меня, а затем переключился с джаддианского на классический английский:

– Было бы лучше, если бы ты побеспокоился об этом.

Он приподнял бровь, словно хотел сказать: «Или тебе начнут задавать ненужные вопросы». Мы прошли мимо двух пельтастов со сверкающими на солнце длинными копьями. Они отдали мне на ходу салют, и мы поднялись по внешней винтовой лестнице, обвивающей башню и ведущей к береговой стене.

Люди считают, что это вода захватывает их воображение, когда они смотрят на море, что это вода приводит их в восторг и заставляет мечтать о плавании к неизвестным землям. Они ошибаются. Ведущую роль в феерии моря играет не вода, а ветер. Я понял это сразу и окончательно, когда мы взобрались на высокую полукруглую арку из черного камня, образующую восточную границу Обители Дьявола. Хотя эпоха затяжных осад закончилась намного раньше гибели Земли, мои предки воздвигли эти массивные стены, словно собирались обороняться за ними от нападений огромных армاد. Стены скалили свои треугольные каменные зубцы, похожие на зубья пилы, и даже низкорослый человек мог полюбоваться через просвет между ними на серо-стальные волны, бьющиеся о скалы.

Я вдохнул морской ветер полной грудью и в первый раз за день заговорил на стандартном языке:

– Поскорей бы покончить с этим. Все уже решено.

Находясь здесь в большей безопасности, чем в любой другой части замка, Гибсон тоже перешел на стандартный, пусть даже всего на мгновение:

– Я понимаю эту боль. Время перемен всегда несет с собой беспокойство, но и дает возможности для роста, как мне кажется. Ты должен без страха встретить то, что тебе суждено...

– Или не встретить, – отрезал я.

Схоласт хмыкнул и пропустил меня вперед, когда мы направились вдоль узловатых пальцев стены к Башне Сабины, отстоявшей почти на милю от клуатра схоластов и нижнего парка.

Гибсон выдохнул снова на классическом английском:

– Страх – это яд, мой мальчик.

– Еще один афоризм? – улыбнулся я лучшей полуулыбкой истинного Марло.

– Ну... да, – проворчал Гибсон. – Но он подходит.

– А разве они не всегда подходят? – задумался я, перейдя на лотрианский при виде еще одного патруля, и высвободил локоть из пальцев старого схоласта.

Хотя эта часть разговора была вполне невинной, мы взяли в привычку переключаться по кругу с одного языка на другой – стандартный, лотрианский, джаддианский и классический английский, время от времени добавляя сюда и контактный язык Демархии. Иногда мы даже практиковались в съельсинском, на котором я говорил довольно бегло даже в те юные годы. Его мы обычно оставляли в резерве для тайных бесед, поскольку все, связанное с Бледными ксенобитами, вызывало подозрение у благочестивой Капеллы.

– На Тевкре теплей, чем здесь, – заметил Гибсон, подхватывая мой лотрианский. – В их системе не хватало комет, чтобы запустить постоянный круговорот воды при терраформировании. Они использовали песчаный планктон для восстановления атмосферы, потому что температура на поверхности такая высокая, что более нежная растительность быстро засыхает.

Перейдя на классический английский, он добавил:

– Тебе придется расстаться со своим нелепым сюртуком.

Я завернулся плотнее в длиннополый камзол и поднял воротник к самому лицу.

– Думаю сохранить его.

По правде говоря, я должен был в скором времени распрощаться со всеми нарядами и примерить либо черно-белые цвета Капеллы, либо изумрудный – схоластов.

– Если мы встретимся снова, я буду носить такую же зеленую одежду, как у тебя.

– Мы не встретимся.

Он сказал так вовсе не из жестокости. Для схоласта это было просто признание очевидного факта. Но он ошеломил меня не меньше, чем полученная от отца пощечина, и я ничего не ответил, все еще пытаюсь осознать отрезвляющий смысл этих слов. Я знал, что никогда больше не увижу никого из этих людей. Размеры Империи были огромны, а человечество распространилось еще шире, и мне предстояло путешествовать среди этой тишины погруженным на многие годы в фугу. Я оставлял их всех в прошлом.

Нависшее молчание Гибсон нарушил волшебными словами:

– Я написал тебе письмо.

– Правда? – просиял я.

Мне нужно было бы подавить эту радость, затоптать в апатею, как сделал бы Гибсон, чтобы не дать ей просочиться наружу.

– Да, и там есть кое-какие идеи, как выбраться за пределы системы. И ни одна из них не предлагает положиться на милость пиратов.

Старик спрятал подбородок на груди и встал в тени массивного зубца, поразительно напоминающая сову с зеленым оперением, когда его мантия захлопала на ветру. Погрузив руки в широкие рукава, он что-то нащупал там.

– Известно ли тебе, мой мальчик, что мы живем в поистине прекрасном мире?

Это был вопрос не из тех, какие обычно ожидают от схоласта, даже такого человеческого, как Гибсон из Сиракуз, и я, застигнутый врасплох, оглянулся на старика. Под глазами у него темнели круги, а плечи сторбились, словно под тяжким грузом. Он был похож на Атланта, чьи героические попытки удержать весь мир близились к концу.

Борясь с удивлением и преждевременной печалью, я ответил:

– Да, полагаю, известно.

Гибсон улыбнулся, едва заметно, как осенняя паутина блестит на солнце.

– Твой голос звучит неуверенно.

Я невольно оглянулся на монументальную постройку из черного гранита и зеркального стекла, на Главную башню и бастионы своего дома. Тому самому солнечному свету, что превратил поверхность воды в серебристое стекло, не хватило яркости, чтобы осветить замок моих предков, который был словно погружен в грозовую тучу, хотя день был абсолютно ясный.

Я услышал смех схоласта:

– Тебе трудно поверить моим словам, но ты еще не видел это.

Даже не взглянув на него, я понял, что речь идет об океане.

– Видел.

– Гвах!¹⁴ – с упреком фыркнул схоласт. – Ты смотришь, но не видишь.

И я посмотрел.

Океан был именно таким, как я уже рассказывал: полотно волнистого стекла, обрамленное свинцовым заревом. Ветреные острова в этот час и с этой высоты невозможно было увидеть, редкие облака разрезали густыми тенями поверхность моря, превращая серебристую воду в черную, мерцающую, словно бездонная глубина космоса. Гибсон оказался прав – это было прекрасно.

– Несмотря на все, что происходит возле отдаленных звезд, – нараспев проговорил Гибсон, руки которого все еще шебуршали в рукавах мантии, – несмотря на случившееся здесь... несмотря на все это уродство, Адриан, мир прекрасен.

Он выпростал из-под материи руку, в которой была зажата маленькая книжка в коричневой кожаной обложке.

– Держи крепче! – Гибсон глубоко вздохнул. – Последний урок перед расставанием.

– Сэр?

Я взял книгу и прочитал вслух название:

– «Король с десятью тысячами глаз»? Кхарн Сагара?

На первой странице лежал плотно прижатый к корешку белый с металлическим оттенком конверт. Письмо для схоластов – я просил о нем Гибсона. Я быстро захлопнул книгу, опасаясь камеры-дрона, которая могла прилететь в любой момент, хотя небо было пустым, не считая кружащих вдалеке с громкими криками чаек.

– Про короля пиратов? Гибсон, это же роман!

Мой учитель поднес палец к губам, призывая меня говорить тише:

– Просто подарок от старика.

Он махнул поднятой рукой с притворным самоуничижением.

– А теперь слушай. Этому тебя не научит ни один тор из атенеума, ни один анагност из Капеллы... если этому вообще можно научить. – Он повернулся и снова посмотрел на море. – Мир так же переменчив, как океан. Спроси любого моряка, и он объяснит, что я имел в виду. Но даже самый жестокий шторм, Адриан... сосредоточься на его красоте. Уродство мира будет напознать на тебя со всех сторон. Тут уж ничего не поделаешь. Ни одна школа во Вселенной не сможет это остановить.

Как ни поразительно было слышать подобные речи от логика Гибсона, я все же невольно задумался над его словами об уродстве мира. И до сих пор гадаю, не знал ли он уже тогда о том, что вскоре ожидало нас обоих, о том, как быстро опустится сапог, словно на лицо несчастного раба на Колоссо.

– Однако в большей части Галактики ничего не происходит. Мир и спокойствие лежат в самой природе вещей, и это могучая сила, – заключил он.

Я не знал, что ответить, но Гибсон избавил меня от затруднений, закончив разговор:

– Что бы ни случилось, с тобой все будет хорошо.

Я положил книгу за отворот рукава и, повинувшись порыву, снова обнял старика, который был мне роднее отца.

– Спасибо, Гибсон.

– Не думаю, что ты разочаруешь нас.

¹⁴ *Гвах!* (*Kwatz!*) – излюбленное восклицание искина Уммона из «Падения Гипериона» Дэна Симмонса.

У меня в горле низко и несогласно забулькало, но, прежде чем я успел произнести хоть слово, Гибсон добавил:

– И твоих родителей тоже. Они поймут это, когда тебя уже здесь не будет.

– А я в этом не уверен.

Я разжал объятия, отпуская старика. У меня были еще две недели на подготовку, на прощальные слова. Но если не считать самого Гибсона, никто не заслуживал этих слов.

Он улыбнулся, показав ряд мелких белых зубов:

– Никто из нас никогда и ни в чем не уверен.

Было ли это капризом воображения или игрой серебристого света? Мне показалось тогда, что на лицо схоласта упала тень, словно солнце внезапно скрылось за облаками. Когда я вызываю в памяти образ Гибсона, то всегда вижу его таким, как в тот момент, – на ветру у прибрежной стены, сгорбленным, морщинистым и печальным. Стариком, опирающимся на трость. Видеть его в другом освещении, чем в тот прекрасный день, почему-то кажется мне кошмаром, как будто все прочие дни были уродливы и ужасны.

Глава 13

Бичевание у столба

Мой мир переменялся со звоном колоколов. Словно из каменных трещин глубоко под землей звучали они.

В своей комнате на вершине башни я выронил белую рубашку, которую собирался положить в чемодан, и прислушался. Звуки сотрясали фундамент могучей башни, чистые, низкие и громкие. Я проверил время по терминалу. Оставался еще почти час до полудня, но не ровно час. Это была первая подсказка, что происходит что-то неординарное, еще до того как до меня дошло, что колокола созывают всех на общее собрание. Я торопливо засунул подаренную Гибсоном книгу «Король с десятью тысячами глаз» в дорожный сундук, который будет сопровождать меня в изгнании, положил сверху камзол и захлопнул крышку. У меня возникло странное ощущение, что колокол звонит по мне. Может быть, отец решил объявить Криспина своим наследником? Это было бы в его духе – устроить такую церемонию, не дожидаясь моего отъезда.

Однако я все же спустился в лифте и вышел в атриум, накрытый тенью парных знамен, на которых скакали дьяволы Марло с трезубцами в лапах. Мои каблуки застучали по медной мозаике, изображающей имперское лучистое солнце. На полдороге к тяжелой двери меня настигло прозрение. Двор был битком набит персоналом замка: слуги в красных ливреях и охранники в черной броне, серые и коричневые одежды логофетов, черно-белые полосатые сутаны анагностов Капеллы, спешащих на молитву, и яркие костюмы гильдильеров, пришедших по делам из города. Все их взгляды будут обращены на меня, если я пройду через эту дверь на балкон, нависающий над двором. Я оглянулся, почти ожидая увидеть отца и его ликторов, выходящих с уже включенными щитами из караульного помещения и встающих на пост сразу за дверью.

Но никто так и не появился. Если бы отец уже был снаружи, я бы услышал, как он разглагольствует, но из-за двери доносился только приглушенный гул толпы. Я задержался на мгновение в вестибюле, не обращая внимания на пятерых гоплитов, охраняющих тронный зал, а затем вышел через заднюю дверь, спустился по узкой лестнице и оказался во внутреннем дворе. Я предусмотрительно активировал свой личный щит и ощутил, как энергетическая завеса окружает меня. Затем смешался с толпой, будучи одет достаточно скромно, чтобы не привлекать чрезмерного внимания. Кое-кто все-таки посмотрел на меня, но люди привыкли встречаться со мной в самых разных местах, поэтому никто не поднял шума. Впрочем, тогда я еще не знал, что трое пельтастов – без щитов и в легких доспехах – отошли от стены и последовали за мной.

Хотя я и не отличался высоким ростом, плебеи в толпе были еще ниже меня, и поэтому я мог видеть поверх их седых и лысых голов главную дверь и огражденный перилами балкон, на котором не решился появиться сам. Проснувшийся инстинкт заставил меня крепко сжать отделанную кожей ручку ножа. Все обитатели замка собрались здесь, вокруг статуи лорда Джулиана, бок о бок, как погруженные в фугу легионеры в яслях транспортных кораблей. Я продвинулся вперед, пытаюсь найти удобное место для наблюдения за помостом перед входом в Главную башню. Кто-то вытащил огромную черную ораторскую трибуну из караулки, установил ее на балюстраде, а над толпой зависли камеры-дроны с эмблемой новостного канала Мейдуа. Десять гоплитов в полной боевой броне выстроились вдоль лестницы, выходящей к помосту, сжимая в руках энергетические копыя в мерцании защитных полей.

Колокола затихли, и на лестнице появился герольд – морщинистый краснокожий карлик, со знаменем Марло на серебряном флагштоке.

– Встречайте лорда Алистера Диомеда Фридриха Марло, архонта префектуры Мейдуа, волею ее сиятельства леди Эльмиры Кефалос, наместницы провинции Возничего, герцогини Делоса, архонта префектуры Артемия, и волею его императорского величества императора Вильгельма Двадцать Третьего из дома Авентов, наш лорд Обители Дьявола!

Чистый высокий голос герольда подсказывал, что это был гомункул, один из тех андрогинов – не вполне людей, искусственно выведенных и предназначенных как раз для таких ролей. Усиленный акустической системой в десятки раз голос разлетелся по всему двору до самой колоннады, окружающей площадь.

Из динамиков грянули боевые трубы, их звон, ударяясь о мощные стены и заостренные сверху окна темной башни, отскакивал назад и затухал в беспокойной толпе. Отец появился в сопровождении сэра Робана и сэра Эрдиана, облаченных в лучшую свою броню. Следом шли дама Ума и другие ликторы, с копьями в руках, готовые защитить своего лорда. Криспин тоже был здесь вместе с Тором Алкуином, а также вездесущими Эусебией и Северном. Как и отец, Криспин был одет в черный фрак и алую тогу, предназначенную для подобных официальных церемоний, его квадратное лицо казалось до странного невыразительным. Никого даже не послали за мной. Может быть, обо мне уже забыли? И где же сэр Феликс? Кастелян, несомненно, должен был появиться в свите лорда.

По сигналу отца трубы смолкли, и я наконец разглядел мерцание щитов, окружающих всю компанию. Взгляд лорда Алистера скользнул по толпе, не зацепившись за меня, а затем отец сказал:

– Народ мой, я принес вам тревожные новости!

Он выдержал паузу, как всегда искусную, дающую сотням слушателей возможность обдумать разные варианты, позволяющую догадкам постепенно подниматься и, наконец, пролиться громким шепотом. Молчал отец достаточно долго, чтобы люди успели поверить в нападение сельсинов и в гибель нашего мира. Я тоже, пусть даже всего на одну секунду, поверил, что вторжение началось. Но погиб только мой мир.

– Как многие из вас уже знают, мой старший сын Адриан через несколько дней покинет нас.

Я был так потрясен, что едва не пропустил следующие слова. Лорд Алистер никогда не называл меня по имени. В моей груди разверзлась пустота, зияющая, бездонная пропасть.

– Он отправится на Весперад и займет заслуженное место среди добродетельных служителей Святой Земной Капеллы.

Я сжал рукоять длинного ножа так, что в пальцах снова вспыхнула позабытая боль. Вот уж действительно «добродетельных». Но отец еще не закончил, слова его, усиленные акустической системой, теперь зазвучали мягче. Он внезапно понизил голос, и толпа придвинулась, чтобы лучше слышать.

– Но этот благородный план едва не был сорван предателем. – Он сжал кулаки и опустил их на трибуну. – Предателем, который задумал похитить моего сына и продать его экстрасоларианцам.

– Что? – воскликнул я, проталкиваясь вперед и привлекая к себе удивленные взгляды стоявших вокруг слуг и логофетов.

Однако мой крик потонул в поднимавшемся ропоте, по толпе пробежала дрожь, и все принялись переговариваться друг с другом, задавая один и тот же вопрос. Что все это означало? Я огляделся, словно надеясь прочесть ответ на лица собравшихся. И вдруг сам его увидел. Это был простой, слегка изогнутый деревянный столб, в полтора раза выше роста палатина, вбитый в землю рядом с лестницей. Его кривая тень указывала прямо на меня.

Позорный столб.

Сердце замерло у меня в груди, и я повернулся к стоявшему на трибуне отцу, который как раз в этот момент снова заговорил:

– Если бы мы не раскрыли подлый план, мой сын попал бы в лапы варварам или даже самим Бледным. – Он поджал губы. – Приведите его.

Выпучив от ужаса глаза, я увидел, как четверо гоплитов тащат жалкого седого старика. Старика в зеленой мантии.

– Гибсон!

Это было немыслимо, невозможно. Расталкивая плебеев, я бросился к нему сквозь толпу, но был схвачен тремя охранниками, что незаметно следовали за мной. Схоласт посмотрел на меня, и я готов поклясться, что он улыбнулся. Не той саркастичной, призрачной полуулыбкой, которая иногда пробегала по его лицу, а самой настоящей – кроткой, печальной и твердой. Я попытался вырваться из рук охранников, но старик только покачал головой. Мне хотелось крикнуть, что этого не может быть, но я вспомнил о письме, спрятанном между страницами древнего приключенческого романа. Проглотив свои протесты, я в отчаянии оглянулся на отца и потому не видел, как Гибсона заставили поднять тонкие руки и прикрепили цепь наручников к крюку на верхушке позорного столба.

Расчистив проход в море красных и серых форменных одежд, охранники почти внесли меня на помост по белым мраморным ступеням. Отец хмуро наблюдал за моим приближением.

– Тор Гибсон, – проговорил он, – ты был пойман на месте преступления, когда договаривался с варварами о похищении моего сына!

Гоплиты повалили обвиняемого на землю, и он распластался под балконом, как марионетка с обрезанными струнами.

Кто-то циничный и отчужденный в моей душе отметил, что происходит именно то, о чем схоласт говорил утром, – неужели этим же самым утром? – называя уродством мира.

Лорд Алистер Марло продолжал:

– Триста семнадцать лет, Гибсон, ты служил мне и моему отцу до меня. Триста семнадцать лет был рядом с нами. – Он подошел к перилам и развел руки в стороны. – Это правда, что ты собирался отдать моего сына варварам с Задворок?

Гибсон поднялся на колени и посмотрел вверх, на балкон. Перехватив мой взгляд, старик коротко и отчетливо кивнул:

– Да, сир.

Он снова потрянул головой, на этот раз еще резче, и я догадался, что он сделал это для меня. Никто не обратил внимания на контраст между словами и движениями, даже Алкуин и Альма, которые точно должны были что-то заметить. Своим жестом он открывал мне истину и просил не вмешиваться.

У меня было много лет, чтобы подумать об этом моменте. Много лет, чтобы разобраться в причинах поступка Гибсона. Разобраться, почему он сделал то, что сделал, почему взял на себя вину за мою попытку сбежать. Может быть, вы понимаете? Он должен был знать о деньгах или предположить что-то подобное. Если отец и его служба разведки поверят, что это был план Гибсона, они не станут так тщательно проверять меня самого. Его признания спасли меня от дальнейшего расследования и сделали возможным все то, что потом случилось. О да, отец мог бы заподозрить, что идея побега принадлежит мне, но в его понимании для такого серьезного плана требовался заговор, организовать который мог только схоласт.

Не было никакого заговора.

Действовал я один.

Я уже говорил об этом, Гибсон был самым близким к отцу человеком из всех, кого я знал. И это обстоятельство подкрепляло обвинения сильнее, чем любые другие. Гибсон умер за меня. Не здесь и не сейчас, а в изгнании, на отдаленной планете. Он отдал ради меня свою жизнь, пожертвовал уютным местечком при дворе отца, чтобы у меня была возможность жить так, как я хочу. Я рад, что он не увидел моего будущего, потому что оно совсем не походило на то, что любой из нас выбрал бы для меня, а было наполнено невзгодами и страданиями.

– Ты не отрицаешь свою вину?

Отец ничем не выдал своих эмоций. Таким же голосом он мог бы говорить с врагами, взятыми в плен на поле боя, а не с человеком, учившим его детей и еще раньше – его самого.

Гибсон встал на ноги:

– Сир, я уже во всем признался.

– Он действительно признался, – подтвердил охранник на помосте, и я узнал голос сэра Робана; того самого Робана, верного ликтора моего отца, который спас меня от бандитов неподалеку от колизея. – Я сам это слышал.

Его доспехи были подключены к акустической системе. Он нажал кнопку терминала на своем запястье, и весь двор услышал запись голоса Гибсона, усиленного так, словно это был голос старого трясущегося великана:

– Адриан не долетит до Весперада. Я сговорился...

Запись внезапно оборвалась, несомненно спасая выдумку отца о якобы замешанных в этом деле экстрасоларианских демониаках.

По толпе прокатился взволнованный гул. Схоласты всегда вызывали подозрение у людей, не получивших образования, такова уж судьба ученых в любую эпоху. В схоластах чувствовалось что-то механическое, наследие древней истории ордена, созданного теми немногими мерикани, кто пережил Войну Основания. В любую эпоху на людях с высокими мыслительными способностями лежало подобное клеймо, поскольку высота, на которую способен подняться человеческий разум, непостижима для тех, кто находится на уровне моря. И они всегда оказывались мишенью для погромов и инквизиции.

– Тор Гибсон, за то, что ты пытался похитить моего сына, я, Алистер из дома Марло, архонт префектуры Мейдуа и лорд Обители Дьявола, отрекаюсь от тебя и высылаю из своих владений, а также из всего этого мира.

Схоласт ссутулился, лязгнув цепями, что привязывали его к позорному столбу.

– Это неправда!

Все, стоявшие на лестничной площадке, и те, кто услышал мой крик снизу, повернулись ко мне.

– Нет, это правда! – Голос Гибсона дрогнул, старик сделал полшага вперед, напрягая скованные кандалами мышцы рук. – В Капеллу, Алистер? Ты хотел подбросить своего сына этим шарлатанам? Твой сын...

– Ересь! – завизжала Эусебия, направив скрюченный палец на Гибсона. – Убейте его, ваша милость!

Лорд Алистер не обратил внимания на приора. Фамильярность обращения Гибсона вывела его из равновесия – никто из слуг не называл его Алистером. Никогда.

– Это мой сын, схоласт! Мой, а не твой.

Солдат ударил старика сзади под коленки, и Гибсон упал, словно рухнувшая башня. Оковы остановили его, и он застонал, повиснув на цепях. С невольным криком я рванул к перилам.

– Отпусти его! – набросился я на отца со слезами на глазах. – Пожалуйста!

– Я и так отпускаю его.

Даже не взглянув на меня в этот раз, отец поднял руку и шелкнул пальцами.

– Мы милосердны, как сама Мать-Земля, – обратился к толпе отец. – Гибсон долго служил нашему дому, и в память об этой службе мы придержим Белый меч.

Он отклонил возражения Эусебии, и по тому, как быстро она уступила, я понял, что все было решено заранее.

– Сэр Феликс.

Кастелян выступил из тени, и я побледнел. Сэр Феликс, лучший после Гибсона мой учитель, был одет не в боевые доспехи, а в черно-белые религиозные одежды. Рядом с ним появился катар Капеллы, с бритой головой и с повязкой из черного муслина на глазах.

Не произнеся ни слова, сэр Феликс проводил палача вниз по лестнице к столбу, у которого стоял Гибсон.

– Стойте! – закричал я и метнулся к ним.

Охранники схватили меня под локти закованными в броню руками. Катар подошел к Гибсону, достал клинок, горящий в дневном свете жаром далеких звезд. Не колеблясь ни секунды, он ввел тонкое, как игла, лезвие в нос Тора Гибсона и резко выдернул. Окруженная плазмой кромка разрежала ноздри старика до самой кости. Гибсон завопил и обмяк, хватая ртом воздух. Теперь он всю оставшуюся жизнь будет носить клеймо преступника. Плазменный нож одновременно прижигал рану, так что кровь не залила лицо старика.

Лорд Алистер взмахнул ладонью, и два пельтаста сорвали мантию с Гибсона. Она забила на ветру над его худыми плечами, словно сломанные крылья, обнажив бледную кожу. Сэр Феликс, как доверенное лицо отца, принял у катара треххвостую плеть для предстоявшего истязания.

– Пощади его, отец!

Я попытался вырваться из рук охранников. Отец словно и не слышал меня.

Двое солдат прижали Гибсона к столбу, лицом к грубым волокнам дерева. Кастелян вознес плеть, и та разорвала кожу схоласта, словно марлю. Звук, который испустил Гибсон, потряс меня: это был жалобный, выворачивающий душу вой. Я не видел старика с того места, где стоял, удерживаемый за руки, но мог представить кровавые полосы, которые плеть оставляла на его теле. Она опустилась вновь, и всхлипы Гибсона сменились воплем. На мгновение я увидел его лицо, поразительно изменившееся. Добродушный старик, которого я знал, с его бесконечным потоком цитат и тихих наставлений, исчез. Боль превратила его в слабую тень человека.

Плеть опускалась снова и снова. Пятьдесят раз, и после каждого удара всхлипывания схоласта сменялись криком. Я никогда не забуду его лицо. Под конец он перестал кричать и стиснул зубы, чтобы вынести боль. Когда я думаю о силе, то на ум мне приходят не армии, которые мне довелось видеть в своей жизни, не сражающиеся солдаты. Я вспоминаю Гибсона, сгорбленного, истекающего кровью, но не утратившего достоинства.

Отец смотрел на него, не проронив ни слова. Когда сэр Феликс с плетью в руке снова встал рядом, архонт Мейдуа лишь распорядился:

– Унесите его! – и добавил, обращаясь ко всем логофетам и секретарям, собравшимся во дворе: – Возвращайтесь к работе! Все до единого!

– Почему ты это сделал?

Я освободился от стражи, двинув охраннику локтем по лицу. Толпа внизу начала утекать обратно в замок, погруженная в молчание жестоким зрелищем. Как бы ни радовал их вид крови во время Колоссо, вся доблесть и все веселье пропали, когда жертвой стал кто-то из своих.

– Потому что это не мог быть ты, Адриан, – ответил отец тихим голосом, уже не усиленным динамиками.

Я замер на месте, ошеломленный не столько жестокостью его откровений, сколько тем, что он снова назвал меня по имени. Отец взмахом руки отослал Феликса и сцепил пальцы, словно для молитвы. В этот день он надел полный набор колец, по три на каждую руку. Все они были украшены большими рубинами, гранатами или сердоликами, красное на серебряном – символ его положения и в каком-то смысле могущества. Но обручального кольца я среди них не увидел. Как не видел никогда прежде.

– Я? – наконец удалось выговорить мне тонким, высоким голосом, как у Криспина.

– Мальчик, я знаю, что ты просил старика придумать способ попасть в атенеум, – сказал лорд Алистер приглушенным тоном.

Остатки толпы удалились через Рогатые ворота и дальше по тропе, ведущей вниз с нашего акрополя.

– Не знаю только, как он собирался это сделать... наверняка что-то связанное с корабельным схоластом.

«Ты в это поверил», – подумал я, стараясь скрыть злорадство, но вспомнил о письме Гибсона и понял, что часть его содержания теперь бесполезна. Что бы ни планировал мой наставник, его замысел раскрыт.

Лорд Обители Дьявола сделал два шага вперед и остановился, нависая надо мной. Криспин держался в стороне, с любопытством наблюдая за нами, тонкая усмешка играла на его пухлых губах.

– Ты не станешь схоластом, понятно?

Я не нашелся, что ответить. Совсем ничего. Через пять дней я улечу и никогда не вернусь. Мне нечего было ему сказать, кроме как:

– Да пошел ты!

На этот раз отец ударил меня по лицу кулаком. Кольца рассекли мою щеку тонкой рваной полосой.

– Отведите его домой. Он так ничего и не понял из этого урока.

Два гоплита снова взяли меня под руки, а отец повел Криспина вверх по лестнице в башню, но остановился и развернулся, не снимая руки с плеча моего брата.

– Попробуй только повторить это, и я убью схоласта, понятно?

Я сплюнул на кафельную плитку у подножия лестницы и отвел взгляд.

Когда я остался один в своей комнате, слез не было. Прислонившись спиной к двери, я соскользнул на пол с тяжелым чувством в груди. Надолго закрыл глаза, мысленно отступив за оторопь и безумие к полному спокойствию, в котором пламя гнева затихло до еле тлеющих углей. Так и сидел, вытянув вперед ноги. Наконец я почувствовал, что кровь снова течет в моих венах, а к глазам подступают слезы. Смутные образы из недавнего сна вернулись ко мне: необычайно высокий Гибсон стоит во весь рост, и у него разрезаны ноздри. Я удивился и разомкнул веки.

Удивление в тот же миг пропало, сменившись страхом. Мой камзол, который я бросил поверх других вещей в дорожный сундук, лежал на шкуре в изножье кровати. Это было плохо. Чуть ли не крадучись, я подошел к сундуку и откинул крышку. Одежда и осколки моей прежней жизни разлетелись в разные стороны. Мне пришлось ударить себя по ноге, чтобы сдержать крик, похожий одновременно на тоскливый вой и яростное рычание. Я внезапно ощутил боль, словно меня тоже высекли.

Книга Кхарна Сагары исчезла.

Глава 14

Страх отравляет

Я не выходил из комнаты трое суток, прислуга по приказу приносила еду и уносила тарелки. И кажется, не произнес ни слова за все это время, чувствуя себя таким же заключенным, как узник бастилии Капеллы. Навязчивый липкий страх сжимал меня ледяными кольцами, отравляя мой разум уверенностью в том, что я погибну следующим. Несомненно, книгу с разоблачающим меня письмом забрали агенты отца, решив проверить свои подозрения или же получив доказательства с камер слежения, сделанные в тот момент, когда Гибсон потерял привычную осторожность. Увы, я не успел прочитать письмо. У меня даже не было возможности.

«Там есть кое-какие идеи, как выбраться за пределы системы. И ни одна из них не предлагает положиться на милость пиратов». Он сам так сказал.

Гибсон не стал бы обращаться к экстрасоларианцам. И как бы он это смог? Теория отца – о том, что старик договорился о моем похищении с корабельным схоластом, – выглядела более правдоподобно. Я бы отдал что угодно, лишь бы узнать содержание этого письма и понять, в чем заключался план Гибсона. «Его разоблаченный план», – напомнил я себе. Какие бы связи ни установил или предполагал установить Гибсон, теперь они были целиком и полностью под контролем агентов отца. Эта дверь оказалась заперта. Схоласты никогда не примут меня к себе без письма от своего собрата.

Мне оставалось только вступить в Капеллу. Заучивать их пустые молитвы и бессмысленные ритуалы. Осваивать методы действия инквизиции, правила ведения допросов. Стать палачом или пропагандистом. Я смогу увидеть Вселенную, как и мечтал, но лишь затем, чтобы раздавить ее своим каблуком. Сама мысль об этом была для меня ядом. Мне предстояло прожить трагически длинную жизнь, достаточную для того, чтобы постичь все зло, что творит Капелла, а также его причины. Я увижу, как сжигают и распинают еретиков, как инквизиция унижает лордов и как вся огромная Империя склоняется перед капризами Синода. Капелла должна была защищать человечество, ограждать его от грехов и опасностей высоких технологий, но сама использовала технологии не менее грязные, чем те, за которые преследовала людей.

Это было лицемерие, и я возмущался им так, как только молодость может возмущаться грехами эпохи и властью имущих. В своем юношеском скептицизме я разглядел одну важную истину: при всех разговорах Капеллы о святости сами ее служители ни во что не верили. Они допустили решающую и атеистическую по сути ошибку, считая, что являются единственной подлинной силой и что цивилизация держится исключительно на жестоком обращении власти с невинными. Трудно придумать более ужасную мысль, но она лежала в основе всей их религии, поэтому я не мог стать ни капелланом, ни приором.

А придется стать.

День моего отлета выдался таким же отвратительным, как и все остальные: хмурый, с предштормовым предупреждением. Я должен был отправиться на суборбитальном шаттле в летний дворец моей бабушки в Аспиде, чтобы увидеться с матерью, как я уже прекрасно понимал, в последний раз. Отец не пришел попрощаться со мной, а также Феликс и другие старшие учителя. Легкий дождь уже облизывал взлетную полосу аэропорта в долине за городской стеной, там, где заканчивались предместья. Криспин увязался со мной, радуясь, как и я в свое время, любой возможности хотя бы ненадолго сбежать из Обители Дьявола.

Замок высился на горизонте, темное пятно над туманными огнями Мейдуа. Порывистый ветер задувал с восточных дюн, голая скала из песчаника увенчивала равнину, словно остов разбитого космического корабля. Ветер вцепился холодными пальцами в мой длинный камзол и хлопал брезентовым навесом у нас над головами. Бетон потемнел от дождя.

– Ты готов сказать матери «до свидания»? – спросил Криспин.

– Что?

– Говорю, ты готов снова увидеть мать? – повторил он, разглядывая меня из-под густых бровей, сведенных настолько плотно, что над носом образовалась тонкая складка.

Я задумался о том, что он пытается увидеть в моем лице, и мышцы непроизвольно напряглись от паранойи, усилившейся за эти дни добровольного изгнания. На мгновение я словно бы услышал голос Гибсона, напоминающий, что страх – это яд.

Подавив тревогу, я ответил:

– Готов? Да, пожалуй. Странно, что ты решил составить мне компанию.

– Смеешься? – Криспин похлопал меня по плечу. – Я люблю летний дворец. Кроме того, – он с заговорщическим видом наклонился ко мне, – дома сейчас такой переполох. Ты же знаешь?

Я уставился на него, не решаясь ничего ответить. Мне вдруг показалось, что он съелся, – облаченный в броню гладиатор с Колоссо снова превратился в моего младшего брата.

Наверное, я смотрел слишком долго, потому что он приподнял густые брови и спросил:

– Что?

Отбросив с лица прядь черных как смоль волос, я отвернулся, засунув руку в глубокий карман камзола. Пальцы нащупали универсальную карту, спрятанную за подкладку. Теперь уже бесполезную. Схоласты не возьмут к себе послушника без рекомендательного письма, и традиция требовала, чтобы оно было написано от руки особым шифром, известным только членам ордена. Я проглотил комок в горле и покачал головой, перечеркнув недавние свои усилия поправить прическу.

– Не хочу улетать.

– Что? Ты предпочел бы остаться здесь? – Криспин наморщил нос и посмотрел на декурию солдат, стоявших неподалеку. – Ты не будешь сильно скучать.

Слова застряли у меня в глотке, и я крепко сжал зубы. Мне захотелось ударить брата, чтобы разрушить его жизнерадостное настроение. Я понял это по его небрежному пожатию плечами. Он вовсе не жаждал править.

– Надеюсь, отец добьется своего, – сказал Криспин. – Он мечтает получить баронские владения в Вуали, ты ведь знаешь? Говорят, наш дом может улететь в другую систему, после того как я... ну, в общем...

Он умолк, осознав, что тема разговора может показаться мне неприятной.

Сквозь пелену дождя выглянул силуэт шаттла, похожий на ворону, кружащую над падалью. Вой двигателя вливался в монотонный шум воды. У меня в груди гудела пустота, словно эхо в покинутом храме. Подобное отчаяние я ощущал потом не раз, но только однажды оно было настолько сильным: в подземельях нашего горячо любимого императора, когда я ожидал казни.

– Но зато ты улетишь отсюда, – просиял Криспин. – Это... это ведь здорово, правда? Может быть, ты даже увидишь Бледных.

Я фыркнул:

– Все, что я увижу, – это учебный монастырь для анагностов.

– Анагност, – брат задумчиво почесал редкую щетину на подбородке, – чудное слово.

– Это будет ужасная тоска, – проворчал я.

– Конечно, – ответил Криспин, поправляя винно-красный колет, надетый поверх черной рубашки. – До тех пор, пока ты не станешь инквизитором и не начнешь пулять атомиками по Бледным. – Он усмехнулся. – Может быть, ты даже станешь советником в воюющих легионах.

Я отвернулся и скорчил гримасу со словами:

– Только, по мне, лучше заключить мир с чужаками.

Криспин вдруг непривычно затих, и я обернулся, почувствовав на себе его взгляд:

– В чем дело?

– Ты вправду считаешь, что Бледные стоят того, чтобы их спасти?

– Сьельсины?..

Я прищурился, глядя на приближавшийся шаттл. Наши охранники зашевелились, приводя себя в порядок и слегка поскрипывая броневыми пластинами.

– Это единственная способная на космические путешествия раса, которую мы встретили. Тебе не кажется, что они заслуживают кусочка... – я указал рукой на небо, – всего этого?

Криспин сплюнул на бетон:

– Ересь.

– Не хочу быть священником, – вздохнул я, приподняв брови.

– Отец говорил мне.

В голосе брата послышалось огорчение.

– Криспин, ты беседовал с отцом? После того, как Гибсона... – Я не смог произнести это слово, закрыл глаза, чтобы сдержать подступающие слезы, и попробовал еще раз: – На днях?

– Только мимоходом, – пожал он бычьими плечами. – Тебе оказали честь. Я слышал, что в Капеллу принимают не каждого.

– Ekaui aticielu wo, – сказал я.

«Я не каждый».

Брат узнал язык, и его бледная кожа побелела еще сильнее.

– Мне так хотелось стать схоластом, – закончил я.

Явно смущенный моей небольшой речью на языке сьельсинов, Криспин заметил:

– Это я тоже слышал...

Шаттл опустился рядом с нашим павильоном. Четверо охранников поспешили к нему.

– ... Не могу представить, как можно хотеть такого. Заблокировать все свои чувства. По-моему, это не странно?

Обдумывая ответ, я помолчал, устремив взгляд к далекому городу за пеленой усилившегося дождя. Обитель Дьявола казалась частью шторма, черный силуэт на сером фоне. Подкраившийся страх перед отцом, возможно еще не закончившим со мной, заставил меня пожалеть о том, что я не умею управлять эмоциями, как настоящий схоласт. Вот бы погрузиться в спокойствие безучастного терпения – апатею стойков – и забыть обо всем!

– Это просто метод, Криспин.

– Да знаю я, что это метод, будь он неладен, – брат подошел к краю навеса и стоявшему за ним шаттлу, – я всего лишь спросил, не кажется ли тебе это странным.

– Нет.

Я снова отбросил с лица длинные волосы и прищурился, стараясь что-нибудь разглядеть за дождем и запомнить этот момент, когда темный замок растаял во мгле. В моем кожаном ранце, прислоненном к дорожному сундуку, лежали блокнот с карандашом.

– Там есть и более странные вещи, – заметил я и поднял большой палец к небу над навесом.

Снова наступила тишина, и мое внимание привлекли двое солдат, спускавшихся по трапу с шаттла. Они показали сигнал «все спокойно» на известном только охранникам нашего дома языке жестов. Остальные сразу подхватили наш багаж, а один с негромким «милорд» протянул мне ранец.

Я перебросил ремень через голову и поправил его.

С обычным своим упрямством Криспин снова заговорил:

– По-моему, все они немного не в своем уме, разве не так? Немного похожи на механизмы. Я слышал, как Северн однажды сказал, что всех схоластов нужно посадить в тюрьму, как еретиков. Может, оно и к лучшему, что ты оказался на другой стороне.

Он неуверенно улыбнулся мне. Теперь я понимаю, что брат искал примирения, но тогда...

– Еретиков? И ты можешь с чистой совестью стоять здесь и говорить, будто бы Земля специально погибла, чтобы подтолкнуть нас к Исходу? Что она принесла себя в жертву ради того, чтобы мы смогли расселиться среди звезд?

Я наседал на брата, пользуясь тем, что охранники сейчас далеко и не слышат меня.

Думаю, Криспин вовсе не был набожным, но он выставил вперед подбородок, принимая защитную стойку, как делают все истинно верующие, когда встречают отпор.

– А почему такого не могло быть?

– Потому что это планета, Криспин, – я изобразил рукой окружность, – обычная скала в космосе. Она не может вернуться, не может ответить на наши молитвы. Она не прилетит, чтобы спасти нас.

Я сжал ремень ранца. У меня за спиной шумно вздохнули двое пельтастов. Обернувшись, я увидел, как один из них сложил в предупреждающем жесте большой палец с мизинцем. Но мне уже было все равно.

– Зря ты так, брат! – крикнул мне Криспин.

Не слушая его, я шагнул под дождь и поднялся по трапу в тесную кабину шаттла. Мне даже не пришлось наклонять голову, чтобы пройти под переборкой. Не отвечая на приветствия пилотов в оливковой форме, я сел в кресло у окна. Вскоре подошел Криспин. Я чувствовал, как он прожигает меня взглядом со своего места через проход. Положив ранец под сиденье, я откинулся на спинку и стал наблюдать, как наш эскорт, один за другим, поднимается на борт.

Когда последний сопровождающий зашел в кабину, Криспин прошипел:

– Тебе вправду не стоит говорить такое, понимаешь?

Сверкнула молния, и гром возвестил о себе, внезапно прокатившись над шаттлом еще до того, как она погасла.

– Или что? – проворчал я, потеряв всякий интерес к разговору с братом.

– Тебя отдадут катарам, как нашего старикана-наставника.

Я вцепился в подлокотники кресла, и страх мгновенно прошел.

– Ну и пусть. Не буду им служить.

Внутри я кипел от гнева, и мои слова обжигали. Терять мне было нечего. Через неделю меня погрузят в крионическую фугу и поднимут из нее только на орбите Весперада. К тому времени пройдут годы, и световые годы тоже, да и сами звезды могут измениться.

Даже с такого расстояния я слышал, как звенели колокола в городе и большой карильон в Обители Дьявола. Шаттл дернулся с места, и женский голос предупредил, что мы взлетаем. Гром снова прокатился над нами, и нестройный хор колоколов затих, уступив место шуму дождя, вою двигателя и бою курантов. Один. Два.

Мы поднялись как нельзя вовремя. Если Криспин собирался спорить и дальше, то быстрое ускорение заставило его позабыть об этом. Колокола в замке продолжали звонить. Три. Четыре. Пять. На секунду я ощутил волнение, короткое и пронзительное веселье, когда шаттл включил зажигание и взмыл в небо. Шесть. Семь. На мгновение нас мягко вдавило в сиденья, но затем включилось компенсирующее поле. Вдалеке, за раскатами грома, все еще звучал огромный колокол. Он пробил восьмой раз. Девятый. Десятый. Хотя ускорение уже пришло в норму, мне казалось, что сердце мое вырвалось из груди навстречу шторму, унеслось в небеса... и исчезло, окончательно покинув меня. Когда мы приземлимся, оно улетит, словно корабль в варп-режиме, скользя быстрее, чем свет, к мирам, которые я никогда не увижу. Подомной опять прозвенел могучий колокол.

Часы пробили тринадцать.

Глава 15

Летний дворец

Мать не встретила нас ни на посадочной полосе, ни у ворот огромного дворца со стеклянным куполом. Ничего удивительного в этом не было. Меня с Криспином поселили в смежные комнаты, выходившие окнами на водный парк. Лето приближалось к концу даже здесь, на юге, и водяные лилии уже отцвели, красно-белые капли на зеленой глади пруда потускнели, хотя солнце еще сверкало на переливающейся чешуе карпов кои. На столе лежал мой блокнот с изображением Обителя Дьявола, какой я видел ее в последний раз.

«Память подводит людей, – эхом прозвучали в моей голове слова Гибсона, так ясно, словно бы я увидел морщинистого, сгорбленного старика, стоявшего у сводчатого окна. – Она тускнеет, оставляя им только смутные, размытые впечатления о жизни, скорее мечты, чем подлинную историю».

Он всегда говорил, что у меня такой зоркий глаз, будто взгляд мой пронзает насквозь. Но, изучая нарисованные по памяти портреты Гибсона и других людей, я заметил некую странность: среди них не нашлось двух похожих. На одном изображении нос с горбинкой, на другом – прямой, то под тонкими бровями, то под густыми, нависшими. Говорят, что схоласты никогда не забывают детали и все, что они видели, остается в их сознании точным и неизменным. Мне не удавался такой фокус. Я не могу даже сказать, как долго в тот день я наблюдал у окна за птицами, кружившими над прудом, в котором купались служанки матери.

Моя память соотносится с реальным миром примерно так же, как рисунок с фотографией. Она несовершенна, но выше совершенства. Мы помним то, что должны помнить, то, что выбрали сами, поскольку оно более прекрасно и реально, чем правда. Я почти услышал в этот момент насмешливый голос Гибсона: «Мелодрама – это низшая форма искусства». И что я мог возразить ему?

Раздался стук в дверь, прогоняя мои скомканные воспоминания.

В комнату вошел Криспин. Необязательно было оглядываться или ловить отражение в окне, чтобы определить это. Никто не топал так громко и бесцельно, как мой брат. Он поднимал такой лязг и шум, какого хватило бы на целый вооруженный отряд.

– Матери здесь нет.

– Что? – Привлеченный его словами, я отвернулся от окна, пытаюсь расправить неудобную рубашку. – Где же она?

Брат пожал плечами и без приглашения плюхнулся в зеленое кресло, свесив одну ногу с подлокотника. В руке у него был обнаженный керамический нож с молочно-белым лезвием, которым он рассеянно водил в воздухе.

– Твоя комната больше моей.

– Где она, Криспин?

– Наверное, в Эвклиде. – Он опять пожал плечами и еще глубже погрузился в кресло, заскрипев штанами по кожаной обивке. – Понятия не имею почему. Мне девочки сказали.

Девочками Криспин называл женщин из гарема наместницы. В последний раз, когда об этом заходил разговор, в летнем дворце жили тридцать семь наложниц и наложников, а также тех, кто был и тем и другим. Многие лорды содержали подобных людей, как символ своего богатства.

– Знаешь, мать завела себе гомункула. С синей кожей. Ты не поверишь, какие у нее бедра!

Он сделал непристойный жест. Я отвернулся, думая о Кире и о своем позоре, почти позабытом из-за той пустоты, которую оставила в моем сердце расправа над Гибсоном.

– Ты и вправду не знаешь, что она делает в Эвклиде?

Эвклид находился на много миль южнее. Как же это похоже на мать – в самое нужное время ее никогда не было рядом.

– Синекожая девочка? – захлопал ресницами Криспин. – Ее там нет, она только что...

– Мать, придурок! – рявкнул я и покосился на его нож.

Жаль, что сэр Феликс не прилетел с нами, он бы точно выпорол моего брата, чтобы тот не размахивал без дела оружием. Но, вспомнив, как Феликс хлестал плетью Гибсона, я передумал.

– Ты что-нибудь разузнал у девочек?

Немного смущенный, Криспин посмотрел на лезвие ножа:

– Скорее, наоборот...

Я молча наблюдал за тем, как он мнетяся. Из сада внизу донесся плеск, сопровождавшийся звонким, чистым смехом.

– Здесь все иначе, – хмыкнул я, – не так...

– ...Скучно?

– Не так холодно.

Подойдя к столу, где лежал мой блокнот, я взял карандаш и поцокал языком. Грифель совсем стерся за трехчасовой перелет из Мейдуа.

– Не одолжишь мне свой нож? – протянул я руку Криспину.

Он на мгновение задумался, забеспокоился о чем-то, и я прищелкнул пальцами:

– Во имя Земли, я не собираюсь зарезать тебя!

Помедлив еще секунду, брат передал мне керамический клинок. Я присел и начал точить карандаш, роняя стружку на стол.

– Иногда мне кажется, что дома все пропитано политикой. Но здесь... – я обвел рукой комнату, – трудно представить, что где-то идет война.

– А она идет, – ответил Криспин, придерживаясь за подлокотник, и, усевшись глубже в кресло, спросил: – Неужели нельзя создать машинку, которая сама бы точила эти штуки?

Он надменно махнул ладонью с толстыми пальцами, указывая на мой карандаш.

– Машинкой получается не так хорошо. А мне нужен острый грифель, – снисходительно объяснил я. – У меня целый набор скальпелей в сундуке, но...

Я замолчал, сдул графитную пыль с кончика карандаша и вытер его о брюки, а нож положил на стол.

– Кто-нибудь знает, когда мать вернется?

Брат нахмурился, искоса поглядывая на отобранный нож.

– Предположительно, завтра. Но точно она не говорила.

Я понимающе вздохнул и поместил карандаш за корешок блокнота.

– Ты для этого и пришел сюда? Чтобы сообщить мне про мать?

– Ну да, – с улыбкой сказал Криспин. – А еще я подумал... раз уж ты уезжаешь... – Он откашлялся и закончил: – Почему бы тебе не сходить в гарем вместе со мной? Ты должен посмотреть на эту синекожую девочку, честное слово.

– Нет.

– Там есть и мальчики, – добавил Криспин с невозмутимым видом, – если они тебе больше нравятся. Хочешь?

Пятнадцать лет, и он ни разу не спрашивал меня об этом. Как же разобщены семьи палатинов! Кучка незнакомцев, связанных между собой слабее, чем простолюдины. На самом деле не кровью, а общей генетической констелляцией. Мать и отец были не столько родителями, сколько донорами, а мы с братом – случайными знакомыми, у которых оказался один и тот же генетический код. За свою жизнь я видел много семей палатинов, и почти в каждой из них было так же. Думаю, и в этом тоже плебеи более человечны, чем мы.

Мой брат совсем меня не знал.

– Нет, спасибо.

Теперь я понимаю, что Криспин пытался сдружиться со мной, пережить вместе какое-то приключение, пока я не улечу навсегда. Я мог бы предложить ему другой вариант. Поохотиться в холмах над озерами, погонять на флайерах. В конце концов, мы могли бы просто поиграть на этих дурацких симуляторах. Вместо этого я лишь сердито посмотрел на брата и протянул ему нож рукоятью вперед.

Мать не вернулась ни завтра, ни через день. С каждым прошедшим часом мое сердце проваливалось все глубже. Одно простое обстоятельство тревожило меня сильнее всего прочего: мать не позвонила. Она могла связаться с домом, даже если бы покинула планету, – воспользоваться квантовым телеграфом или подключиться к сети инфосферы. Но ведь на самом деле она оставалась на планете, если собранные Криспином сведения были верны. Наверное, я мог бы и сам ей позвонить, но ведь это я скоро улечу, и мне хотелось что-то для нее значить. Пусть это было мелко, но я надеялся ощутить какую-нибудь мало-мальскую родительскую заботу.

С трудом перенося ожидание, я старался забыться долгим сном. Повзрослев, я легко обходился без длительного сна, но в те давние дни он казался мне благословением, возможностью сбежать от непристойной суеты времени. Во сне меня покидало беспокойство, я не думал ни о бессмысленном ужасе своего положения, ни о том, что представляю собой. Не человек, не сын палатина и архонта, а просто пешка. Вопреки моему отношению к этой метафоре, она отражала ситуацию. На Делосе, и в особенности в Мейдуа, я был всего лишь продолжением отца. Фигурой, которую он передвигал по своему усмотрению. Плебеи вряд ли это поймут. Они видят богатство и принимают его за силу, но сами не находятся под наблюдением обладающих властью и часто получают свободу принятия решений, какой бы ограниченной она ни была. Я, как сын своего отца, был лишен этой свободы. Без письма Гибсона я попал в западню и должен был отправиться на Весперад, несмотря на все мои возражения.

Когда за тобой так пристально наблюдают, невозможно оставаться свободным. Не находясь под контролем, человек, подобно частице света, волен быть чем угодно, всем, что в нем содержится, и мир не мешает ему в этом. Но под надзором и руководством он может стать только тем, кем хотят его видеть старшие. Пешкой, конем, слоном. Но даже король способен ходить лишь на одну клетку за один раз.

У меня оставалась всего половина недели до того момента, как мне придется покинуть убежище на холмах Аспиды и прибыть в космопорт Эвклида. Половина недели, и я поменяю притяжение родной планеты на гравитацию других миров и темные таинства веры Капеллы. Я воображал себе тюремные камеры в бастии Колледжа Лорика на Веспераде, набитые кричащими, страдающими людьми – избитыми и сломленными заключенными, которые когда-то были имперскими лордами или королями варваров. Воображал проктора семинарии с выбритой макушкой, вручающего мне нож под приказ разрезать ноздри этим людям, оторвать кожу от плоти, а плоть от костей, согласно повелению какого-нибудь приора или магистра истинной веры.

Все это и многое другое пробиралось в мою голову, словно медицинский зонд в мозг или тонкие, как нити, иглы корректива, шрамы от которых все еще блестели у меня на ребрах и руке. Все это преследовало меня, когда я совершал обычную утреннюю пробежку по декоративным стенам, образующим внешнюю границу дворца. Аспиды была крохотной по сравнению с дворцами других палатинов и располагалась всего на семи гектарах, включая внутренний парк и центральный купол оранжереи. Лишь треть площади Обители Дьявола и не больше десятой части от замка герцогини в Артемии. Дворец был простоват, если такое слово подходит для сооружения из двух тысяч четырехсот комнат.

Мои легкие уже горели, когда я проскакал вниз по лестнице к гладкому повороту дорожки, выложенной дробленым белым камнем. Я весь вспотел, синтетическая ткань костюма

для бега прилипла к спине, волосы облепили худое лицо. Я почувствовал себя голым и грязным, когда из просвета в живой изгороди выскочил слуга наместницы в бело-голубой ливрее и перехватил меня в тени изогнутого дерева.

– Мастер Адриан, мы вас уже обыскались!

Я остановился так резко, что из-под каблуков полетели камни.

– В чем дело, мессир?

Слуга торопливо поклонился:

– Ваша мать, сир. Она вернулась, ваша милость, и требует, чтобы вы пришли в студию.

Я взглянул сначала на небо, а потом на часы наручного терминала.

– У меня есть время вымыться?

– Леди сказала, что это очень срочно, милорд. – Он покачал крупной головой с двойным подбородком и пригладил ладонями помятую ливрею, обтягивающую брюшко. – Она велела сразу привести вас к ней.

Покои матери располагались в отдельно стоящей вилле, построенной много позже летнего дворца. Около ста лет назад она была спроектирована специально для нужд матери, либреттистки и режиссера голографических опер. Я прошел следом за тучным слугой по глубокому тоннелю под холмом, мимо арборетума с черно-синими листьями деревьев и буйным изобилием бледной травы.

Сама вилла была навеяна более древней модой. Приверженцы этого стиля называли его преперегринизмом: четкие, строгие линии и прямые углы. Совсем не похоже на рококо с его завитками и орнаментами, в котором был сооружен летний дворец, и крайне далеко по цвету и материалам от тяжеловесной готики Обители Дьявола. Водный поток свободно и легко переливался из одного пруда с вездесущими карпами кои в другой. Четверо легионеров в кремовых доспехах с эмблемами дома Кефалосов на левых руках и имперскими солнцами на правых отсалютовали нам, и мы не мешкая зашли в дом.

Глава 16

Мать

Лиλιана Кефалос-Марло стояла на голографической платформе среди призрачных фигур фехтовальщиков на дуэли, спиной ко мне, со световым пером в руке и энтоптическим моноклем в левом глазу. Голографический диск двадцати футов в диаметре был спарен с другим диском, висевшим под потолком, и в пространстве между ними создавалось трехмерное изображение. Стеклопанельная дальняя стена открывала внушительный вид на купол и изящные башни летнего дворца, а внутри студии словно бы помещалась зеленая лужайка с толпой зевак в исторических костюмах эпохи древних мушкетеров. Не успела мать приехать домой, как тут же взялась за работу. Я не знал, восхищаться ее одержимостью или проклинать за это. Как и у отца, у нее не было времени на своих детей.

Слуга поклонился, прищелкнув каблуками:

– Адриан Марло, ваша милость.

Мать повернулась ко мне и приподняла левую бровь, так что монокль выпал из глаза:

– Кого я вижу!

Она остановила раскачивающийся монокль и вложила в крохотный кармашек на лазурной блузке. Затем махнула лазерным пером, и туманное облако голограммы со щелчком исчезло, оставив ее в серой пустоте.

Я выпрямился и одернул беговую майку.

– Кого ты видишь? Да я здесь уже четыре дня. Ты хотя бы знаешь, что в конце недели я улетаю?

Быстрая улыбка мелькнула на фарфоровом лице матери.

– Да, да, знаю. Микал, ты можешь идти, – обернулась она к слуге.

Он поклонился и вышел, громко хлопнув дверью.

Мать улыбнулась и сказала, невольно пробуждая в памяти слова Гамлета:

– Вот мы одни.

Она скрестила руки и посмотрела на меня с выражением, которое мне не удалось распознать: поджала губы, сдвинула брови и прищурила янтарные глаза. Если бы не эти легкие движения лица, ее можно было бы принять за еще одну застывшую голограмму, изображение, сотканное из света, как статуи отливают из бронзы.

– Не мог бы ты, во имя Земли, объяснить мне, что намерен делать?

Я удивленно захлопал глазами, не ожидая такого поворота, и оглянулся.

– Что ты...

– Не прикидывайся дураком, Адриан.

Бронзово-зеленая юбка разлетелась веером, когда мать развернулась и прошла по голографической платформе к боковому столику, уставленному приборами, необходимыми в ее профессии. Я разглядел там тяжелые энтоптические очки, старомодную компьютерную консоль и кристаллический планшет на зарядном устройстве, рядом с пультом регулировки освещения и поляризации окон. Лиλιана Кефалос-Марло взялась за нейлоновый ремень и поднялась со стола небольшой кейс наподобие тех, какими пользуются в особо важных случаях имперские курьеры. Сжав зубы, она без всяких церемоний швырнула чемоданчик мне. Я инстинктивно поймал его.

– Открой.

Я так и сделал и чуть не выронил кейс из рук, едва удержав от волнения.

– Так это ты? Но как? – спросил я, изумленно взглянув на женщину, передавшую мне свои гены.

– Просто следила за тобой, – холодно ответила она и нажала большим пальцем на пульт, одним щелчком превратив прозрачные окна в матовые и отгородив нас от всего мира. – Особенно после того происшествия на Колоссо.

Я очень осторожно, словно это была гадюка или отрубленная рука, достал предмет, лежавший на дне кейса.

– Мама, как тебе удалось получить ее?

Разумеется, это была книга – небольшой томик в коричневой кожаной обложке, подаренный мне Гибсоном в тот день у береговой стены. «Король с десятью тысячами глаз» – как принято считать, автобиография легендарного Кхарна Сагары, короля Воргоссоса. Я открыл ее и достал желтый конверт, спрятанный под обложкой. На нем изящным почерком Гибсона было написано мое имя. Кто-то уже распечатал его, и я заглянул внутрь, зажав книгу под мышкой.

– Он договорился с женщиной-схоластом лорда Альбана, – сказала мать, подходя ближе. – Вероятно, та была знакома с каким-то маркитантом, который мог доставить тебя в Нов-Сенбер на Тевкре. – Она нахмурилась. – Не самый лучший в мире план. Ты сам все прочтешь.

В моей голове бурлили и пенились сотни вопросов, главный из них вырвался первым:

– Как отец узнал о нем?

– О письме? – усмехнулась мать. – Ал о нем и понятия не имел. Люди лорда Альбана сообщили в его канцелярию, что эта женщина-схоласт самовольно связалась с кораблем маркитанта на орбите. План раскрыли с другого конца.

Пока она рассказывала, я положил конверт в книгу, и внутренности мои словно завязало узлом.

– Твой отец понимал, что ты как-то замешан в этом, но он решил, что уже победил, после того как... – Она умолкла, и непонятное выражение немного смягчило аристократическую строгость ее лица. – Мне жаль Гибсона. Я знаю, как вы были близки.

– А что с ним сделали потом?

Мать покачала головой и ответила:

– Посадили на какой-нибудь грузовой корабль и отвезли одному императору известно куда. Твой отец вписал его в декларацию семи кораблей, четыре из которых отправляются за пределы системы. Я не могу установить с ними связь, пока они не выйдут из врапа, и даже тогда мне придется согласовать волну либо с моей матерью, либо с твоим отцом.

Я не сдержал разочарованную гримасу. Квантовый телеграф был дорогим удовольствием и тщательно контролировался Капеллой как особо опасная технология.

– Значит, с ним все кончено.

– Но он жив, – возразила мать, – если тебе от этого станет легче.

Легче не стало. Я опустил взгляд на свои ноги в самошнующихся кроссовках. Все слова сбежали от меня, выпорхнули через матовые окна, промчались мимо башен и стеклянного купола и исчезли в зелени соседней долины. А дальше произошло то, что я никогда не сумею забыть, то, что изменило мой мир, мою орбиту, словно пролетевшая рядом комета. Мать вдруг молча обняла меня, обдав облаком дорогого парфюма. Я застыл, словно парализованный. Ни отец, ни она – ни разу почти за двадцать лет – даже на короткое мгновение не проявили и тени родительской привязанности ко мне. Но эти объятия почти возместили мою утрату. Я долго не решался пошевелиться, а потом, несколько заторможенный от потрясения, обнял ее в ответ. Но не заплакал, вообще не проронил ни звука.

– Адриан, я хочу помочь тебе, – сказала мама.

Я отстранился и посмотрел на нее с такого близкого расстояния, о каком прежде даже и не мечтал.

– Что?

Настороженно обернувшись, я заметил видеокамеры на гладких металлических стенах. Перехватив мой взгляд, мать улыбнулась и расправила свою лазурную блузку.

– Все камеры отключены, – ее улыбка сделалась еще шире, – это одна из привилегий управляющей дворцом.

Почти два десятка лет печального опыта накрыли меня тяжелой и густой тучей сомнений, но мать снова улыбнулась и повторила:

– Камеры отключены.

Все еще потрясенный, я кивнул и проглотил ком в горле, но не успел открыть рот, как леди Лилиана перебила меня:

– Ты так и не ответил на мой вопрос.

– Какой?

Ноги мои вдруг стали ватными, и я чуть ли не упал на диван рядом с кейсом, в котором лежала книга «Король с десятью тысячами глаз».

– Ты не объяснил, во имя Земли, что намерен делать.

Успокоенный уверениями в том, что видеокамеры отключены, я поведал обо всем. О моем страхе перед Капеллой и ненависти к ней, о мечте стать схоластом и вступить в Экспедиционный корпус. Она поморщилась, когда я рассказывал о том, как отец ударил меня, потом глаза ее заledenели, когда я вспомнил об истязаниях Гибсона, но все это время мать слушала меня очень внимательно и ни разу не перебила. Пока я говорил, она передвинула низкий табурет из дальнего угла ближе к дивану. А когда закончил, крепко сжала губы, взяла мою руку в свои и повторила слова, которые я с первого раза не до конца осознал:

– Я хочу помочь тебе.

Детская обида хлестнула меня, словно плетью, и я взорвался:

– Как, мама? Как? Все кончено. Отец добился своего. Через четыре дня меня посадят на корабль и увезут на Весперад.

В моей голове снова прозвучал короткий смешок Криспина, так взбесивший меня: «Анагност – чудное слово». Я задумался о том, где находится брат сейчас. Оставалось надеяться, что он вернулся в объятия своей синекожей девочки и не переживает из-за того, что не видел меня нигде во дворце.

– Отец победил. Мне понадобится не один день, чтобы придумать хоть какой-нибудь план...

Но мать сжала мою руку:

– Как ты думаешь, где я была?

Я вскинулся, словно от удара, и почувствовал, как округляются мои глаза.

– Ты шутишь.

Леди Лилиана только многозначительно посмотрела на меня.

– Я разыскивала в Эвклиде свободного торговца, который отвезет тебя за пределы системы.

– Свободного торговца? Это не намного лучше, чем пират. Таким людям нельзя доверять. Она выпустила мою руку и успокаивающе подняла свою:

– Директор Фэн поручилась за него.

Этого я никак не ожидал.

– Директор Фэн все еще на Делосе?

Мать улыбнулась и провела большим пальцем по нижней губе.

– Почему, по-твоему, я отправилась именно в Эвклид, а не в любой другой забытый богом город домена твоей бабушки?

Я подумал заодно и о том, почему взгляд матери стал таким рассеянным.

– Нет, это надежный человек. Джаддианец. Ада говорит, что использует его, когда нужно обойти лотрианский контроль с ее... особо деликатными грузами.

– Ада? – я удивленно приподнял брови.

– Директор Фэн, – пояснила мать, отведя взгляд, плавно поднялась и прошла к затуманенному окну.

– Это ясно, – сказал я. – Но «Ада»?

Леди Лилиана доверительно улыбнулась – это выражение я понимал даже слишком хорошо.

– Так ты хочешь это сделать или нет?

Семь слов. Всего один вопрос. Я как будто балансировал на проволоке, рискуя упасть или в ту, или в другую сторону. И никогда больше не подняться.

– А как же ты? – спросил я, глядя на мать снизу вверх с дивана. – Тебя не тревожит, что сделает отец, когда узнает, что ты помогла мне сбежать от Капеллы?

Она отвернулась от окна. Внезапно меня поразило, насколько она выше меня. Это от ее кровной линии Криспин получил свой чудовищный рост. Она возвышалась надо мной, словно алебастровая статуя Венеры или икона Правосудия из дутого стекла над алтарем Капеллы.

– Моя мать, – она вскинула голову со всей аристократической надменностью, на какую только была способна, – герцогиня Делоса и наместница его императорского величества. Она держит твоего отца за яйца.

– Но почему ты это делаешь?

Леди Лилиана выпятила подбородок.

– Он не посоветовался со мной по этому делу с Весперадом, так что пусть провалится во Внешнюю Тьму. Ты мой сын, Адриан.

Сказав это, она провела языком по зубам, словно скучающая львица, и мысли ее унеслись в одной ей ведомую даль.

– Ты действительно этого хочешь? Стать схоластом? Поступить в Экспедиционный корпус?

Я откашлялся, отчаянно пытаюсь подавить наплыв эмоций, вызванный ее словами: «Ты мой сын».

– Да.

Глава 17

Напутствие

Наконец наступил последний день перед моим отлетом, осенивший солнечным серебром черно-зеленые окрестности дворца. Небо над головой было цвета бурного штормового моря, но в то же время ясное как никогда. Мне это казалось неправильным – гроза, с которой мы столкнулись, покидая Мейдуа, подошла бы к такому случаю куда лучше. Предполагалось, что следующим утром я сяду в шаттл, который перевезет меня на торговый корабль «Дальноход», отправляющийся в неспешный круговой рейс по внутреннему пространству Империи, чтобы со временем доставить меня к месту изгнания – Колледжу Лорика на Веспераде. Предполагалось. Но я знал из надежного источника, что исчезну из дворца накануне ночью и прибуду в островной город Карч, посреди моря Аполлона к востоку от Обители Дьявола, чтобы встретиться там с таинственным знакомым матери.

Стараясь выглядеть как можно легкомысленней, я стоял возле посадочной полосы, ожидая прибытия отцовского шаттла – орбитального транспорта, который должен был завтра отвезти меня на встречу с «Дальноходом» и моей судьбой. Посланцы Обители Дьявола прилетели попрощаться со мной, и правила приличия требовали, чтобы я лично поприветствовал их. Криспин отправился со мной – то ли от нечего делать, то ли из искреннего интереса, трудно сказать наверняка. Поразительно, но он молчал уже несколько минут, предоставив мне возможность привести в порядок спутанные мысли. Я думал об искусстве медитации схоластов, о состоянии апатии. Мне хотелось получить как можно более ясную картину этого момента, запечатлеть в памяти каждую деталь.

«Фокус расплывается и затемняется, – любил повторять Гибсон. – Ты должен охватить все в целостности, не сосредотачиваясь на подробностях. Это важное умение и для правителя, и для художника».

К горлу подкатил комок, пока я стоял вместе с братом и наблюдал за подлетом шаттла. Сначала появилось расплывчатое пятно, на самом пределе моего зрения, очертаниями напоминавшее птицу, копьём падающую с неба. Затем птичий силуэт вырос и превратился в драконий, принеся с собой яростный металлический визг, раздирающий небо в клочья. Низкий, громовой грохот сменился скрежетом сотен клинков, заточиваемых о небесную твердь. Корабль петлял в полете, с каждым поворотом сбрасывая излишек скорости, точно так же как тот шаттл, на котором прилетели мы сами.

– Хорошо бы мне тоже разрешили слетать, – сказал Криспин. – Я никогда еще не был на орбите.

Ничего не ответив, я прикрыл глаза рукой и разглядел струю пламени из тормозного двигателя спешившего к нам шаттла. Вокруг посадочной полосы суеились техники в ливреях дома Кефалосов, подготавливая все необходимое к приему корабля. Тридцать имперских легионеров в безупречно сверкающих белых доспехах, безликие и безглазые в своих закрытых шлемах, приняли строевую стойку с ружьями в руках вместе с теми гоплитами, что сопровождали нас при отлете из Мейдуа.

Шаттл развернулся на вектор подхода. Направленные вверх сопла системы ориентации помогали гасящему полю снижать скорость. Корабль больше напоминал лезвие ножа, чем того стервятника, что примчал сюда нас с Криспином. Корпус из черного адаманта, длиной в двадцать метров, соединенный с титановым шасси, способен был выдержать попадание микрометеорита даже без помощи установленных на носу и на корме защитных излучателей, чьи выгнутые параболические зеркала сверкали на солнце, подобно ртути.

Нижняя часть обшивки все еще была раскалена от трения в плотных слоях атмосферы, когда шаттл сел на посадочную полосу, весь укутанный клубами дыма, словно жуткий дракон. Подбежавшие техники принялись охлаждать металл, распыляя аэрозоль, и вся громадина зашипела, как змеиный выводок. Опустился трап, и в какое-то ужасное мгновение мне показалось, что я вижу широкоплечую фигуру отца, тяжело ступающего по ступенькам, а значит, все пропало и тщательно разработанный матерью план вместе с самопожертвованием Гибсона – и припрятанными мной деньгами – окажется бесполезен.

Но это был всего лишь Тор Алкуин с бритой головой и смуглой кожей, его длинная мантия развевалась за плечами, словно флаг посольства. Сэр Робан, почти такой же смуглый, спустился следом за ним, без доспехов, одетый в полупарадный черный камзол. Меч из высшей материи свободно свисал с его пояса-щита. Гости моей прощальной вечеринки. Последними спустились трое мелких чиновников в сопровождении старшего пилота... и Киры. Лейтенант казалась лишней в этой компании, будучи лет на десять, а то и пятнадцать моложе всех остальных. Мне оставалось лишь удивляться этому несчастливому совпадению, в результате которого из всей команды пилотов для этого полета выбрали именно ее. Я почти поверил в то, что бог существует и что он ненавидит меня.

Молодой схоласт и чиновники низко поклонились. Робан отсалютовал, прижав кулак к груди, офицеры последовали его примеру.

– Это большая честь для меня, лорд Адриан, – елеиным тоном проговорил Алкуин, – сопровождать вас в вашем отлете с Делоса.

Я наклонил голову и бросил быстрый взгляд на Киру, стоявшую позади всех, но сразу отвернулся, моля небеса о том, чтобы не покраснеть.

Воодушевленный планом матери и отсутствием отца, я ответил:

– Для меня было бы еще большей честью, советник, если бы к нам присоединился Гибсон.

Если я и ожидал от схоласта какой-то реакции, то был разочарован. Темное лицо Алкуина осталось таким же бесстрастным, а глаза – спокойными и тусклыми, как агаты. Другие гости выдали свое состояние, беспокойно переминаясь с ноги на ногу. Тлеющие в глубине моей души угли разгорелись в пламя гнева на этого человека, – эту живую счетную машину, – который вообще ничего не почувствовал, когда с его собратом так жестоко обошелся тот, кому они оба верно служили. Алкуин должен был знать об этой истории, должен был понимать, что с Гибсоном поступили несправедливо.

Но его это не взволновало – не могло взволновать. Смятение было для него чуждым понятием, таким же инородным, как сельсины с их похожими на муравейники кораблями-мирами. Как расы колонов, поработанных на своих родных планетах. Или даже как темные боги, чей тихий шепот слышится по ночам.

Он лишь произнес:

– Предательство Гибсона крайне огорчило всех нас.

– Адриан! – воскликнул Робан, шагнув вперед и протянув мне ладонь. – Рад повидаться перед вашим отлетом.

Хотя я пожал ему руку, мое внимание все еще было сосредоточено на Торе Алкуине.

– Робан, я тоже рад вас видеть.

Я замолчал и перевел взгляд со схоласта на грубоватое лицо рыцаря-ликтора с его широким носом и глубоко посаженными глазами под тяжело нависшими уступами бровей.

Ощувив неожиданную неловкость, я все же продолжил:

– Позвольте поблагодарить вас более... подобающим образом за спасение моей жизни. И за все остальное.

Я вспомнил о Кире и вытянул шею, чтобы разглядеть ее за спинами трех чиновников в одинаковой форменной одежде.

– И вас, лейтенант. Спасибо вам, – добавил я.

Кира поклонилась, а Робан хлопнул меня по плечу:

– Значит, еще одно последнее путешествие вместе. Вы уже собрали вещи?

Одарив ликтора улыбкой, которая, боюсь, не соответствовала выражению моих глаз, я ответил:

– Да, конечно.

– Пусть это не совсем то будущее, какого вы желали для себя, молодой мастер, – произнес Алкуин сухим, как опавшие листья, голосом, – но ваше высокое положение в Капелле послужит еще большему величию дома Марло. Это позволит...

К моему изумлению, Криспин оборвал его:

– Ему не нужны речи. Он сам все знает.

Алкуин сконфуженно умолк, склонив голову.

Желая сгладить ситуацию, я сказал:

– Мне ясно, насколько это необходимо.

Убрав с лица все эмоции, я посмотрел на схоласта – старшего советника отца – почти таким же пустым взглядом, какой был у него самого. Но мое спокойствие было только внешним – как слой льда над бурлящей водой. Алкуин застыл. Крик боли, срывавшийся с губ Гибсона, когда плеть жалила его тело, отдавался у меня в ушах, унося все дальше от встречи на посадочной полосе. Мне необходимо было остаться в одиночестве.

– Конечно, молодой мастер. – Тор Алкуин низко поклонился и спрятал руки в свободные рукава мантии. – Простите меня.

– Вам не за что просить прощения, – холодно ответил я.

Мне нужно было разгадать еще одну тайну. Я посмотрел на Киру, и кровь мгновенно прихлынула к моему лицу.

– Не ожидал увидеть вас здесь, лейтенант.

«Как это могло случиться?» – хотел спросить я, хотел пошутить, чтобы как-то спасти положение, загладить свою ошибку.

Девушка отвела взгляд и наклонила голову, короткий козырек фуражки пилота заслонил ее глаза.

– Я получила персональный вызов.

Кровь отхлынула от моего лица.

– Да? От кого?

Кира вздернула подбородок, и в глазах ее теперь не было того страха, который я предполагал увидеть, только что-то колючее и твердое.

– От вас.

«Лгунья», – подумал я, улыбаясь ей.

Мы оба разыгрывали сценку. Я прочел это по ее лицу, по тому, как она спокойно выдержала мой взгляд, чего прежде с ней не бывало. Мне часто приходилось видеть лжецов, поступающих подобным образом: они внимательно наблюдали за своей жертвой, ловя момент, когда та наконец поверит.

Понимая, что на нас смотрят посторонние, я поспешил сказать:

– Ах да, конечно, совсем из головы вылетело! Я хотел бы поговорить с вами наедине, когда выдастся подходящий момент.

В глубине души я был ужасно недоволен. Творилось что-то странное, о чем я даже не догадывался. Я знал, что должна прилететь делегация, но мне все равно не нравилось, что придется выбираться из дворца Аспиды – как бы мать ни намеревалась это осуществить – под носом у Робана и Тора Алкуина.

– А где леди Кефалос-Марло? – спросил Алкуин, делая короткий шаг вперед.

Криспин подошел к советнику, обернулся и махнул рукой в направлении купола дворца, возвышавшегося на холмах над нами:

– Нам туда, идем.

Глава 18

Ярость ослепляет

В первый раз в мою дверь постучали поздно вечером, когда серебристое солнце, сдобренное золотом, уже опускалось за холмы на западе. Сидя на полу в своей комнате дворца Аспиды, я, казалось, уже в тысячный раз перебирал и упаковывал вещи, которые намеревался взять с собой на Весперад – или на Тевкр, если получится то, что задумали мы с матерью.

Я поправил пирамиду из книг и крикнул через плечо:

– Войдите!

В комнату неспешно зашел Криспин, едва ли ожидавший моего приглашения. В руке он держал надкусанное яблоко, его серая рубашка была наполовину расстегнута.

Я торопливо поднялся, опрокинув тщательно сложенную стопку белья, выругался сквозь зубы и принялся укладывать заново.

– Что тебе надо?

Присутствие сторожевых псов отца действовало мне на нервы. В особенности Алкуин. Его ум был так же остер, как нанокарбоновая нить, и так же опасен для тех, кто действует впопыхах и неосторожно.

– Ты ведь улетаешь завтра утром, – развел руками Криспин. – Рано утром. И я... в общем, я пришел попрощаться. Во всяком случае, на какое-то время.

Я присел на корточки, укладывая одежду на дно дорожного сундука из тяжелого пластика.

– Знаешь, до Весперада лететь почти одиннадцать лет. Когда меня поднимут из фуги, ты превратишься в старшего брата.

Я встал, расправил рубашку и пригладил темные волосы.

Уголки губ Криспина дернулись в кривой улыбке, и он коротко хмыкнул:

– Да, я об этом не подумал.

Он посмотрел на сложенные на полу вещи – информационные кристаллы и книги, ботинки и пару длинных ножей.

– Это все, что ты возьмешь с собой?

Я пожал плечами:

– Капелла не желает, чтобы мы брали больше, чем необходимо. Считается, что мы должны оставить в прошлом свою прежнюю жизнь, насколько это возможно.

«А схоласты будут настаивать, чтобы я отказался от всего».

Вспомнив холодную пустоту в глазах Алкуина, я вздрогнул и снова ощутил, как сгущаются надо мной тени сомнения.

– Звучит довольно скверно. Мне казалось, у нашей Эусебии есть большие покои в Колокольной башне. Разве не так?

– Конечно так, – ответил я, придавив сложенную одежду тяжелыми книгами, и по очереди щелкнул костяшками пальцев. – Но она же не ученик... У нее другие права.

– Думаю, в этом есть свой смысл, – проговорил Криспин с полным ртом и опять уселся в мое кресло; к счастью, на этот раз он хотя бы не размахивал ножом. – И все-таки я не могу поверить, что с тобой обойдутся столь строго.

Я смотрел в окно, переводя взгляд с мелкого пруда, в котором росли лилии, на далекие кипарисы с черной в золотистых сумерках листвой.

– Это всего лишь вещи, Криспин. Они мало что значат.

– Как скажешь, брат, – рассмеялся он резко и грубо, совсем не музыкально, положил недоеденное яблоко на стол с тонкими ножками и подтянул к себе колено, чтобы поправить голенище сапога. – И все же летишь именно ты, понимаешь? Тебе предстоит увидеть Империю.

– Сомневаюсь, что это будет очаровательное зрелище, – сухо заметил я, по-прежнему не глядя на брата. – Долгие годы мне предстоит любоваться только убранством учебных классов. Вот и все.

Неожиданно я понял, что перенял привычку матери смотреть в окно, уносясь от предмета разговора так далеко, как только позволяют вежливость и размеры помещения. Мне отчаянно хотелось сбежать отсюда. Я задумался о том, не стоит ли уже где-нибудь в укромном уголке парка заправленный и подготовленный к ночному перелету шаттл, который отвезет меня в Карч, на встречу с работающим на консорциум свободным торговцем. Этот план тревожил меня, но если мать решила доверить мою безопасность капитану корабля, полагаясь на его репутацию, то тут ничего не поделаешь. Если только я не предпочитаю стать праведным палачом или инквизитором. Перед моими глазами проплыло лицо Гибсона, словно бы отражаясь в бронированном оконном стекле.

Нет, я этого не хотел.

Криспин надолго замолчал, но я заметил это лишь тогда, когда он нарушил тишину.

– Значит, ты и эта лейтенант, да?

– Что? – Я вскинул голову и нахмурился.

– Эта худышка с кудрявыми волосами и маленькими сиськами. – Криспин изобразил руками груди. – Твой пилот.

– Кира.

Я почувствовал, как помертвело мое лицо.

– Кира, – повторил Криспин с обычной своей жуткой ухмылкой. – Вот, значит, как ее зовут?

Он поковырял ногтем в зубах и вытер палец о брюки.

– И что, она какая-то особенная? Думаю, поэтому ты и не захотел пойти в гарем вместе со...

– Хватит, Криспин, – следуя примеру отца, я даже не повернул голову в сторону брата, даже не повысил голоса, ограничившись почти шепотом, – оставь ее в покое.

Брат поднял руки, словно защищаясь, потом возбужденно провел ими по короткой стрижке.

– Успокойся, Адриан. Я все понял. Между прочим, я считаю, что она довольно симпатичная. Немного похожа на мальчишку, но если тебе такие больше нравятся, то...

– Я сказал «хватит».

Поднявшись, я отпихнул от себя скамейку для ног. Волосы на моем затылке встали дыбом, я стиснул зубы и грозно посмотрел на брата.

Криспин умолк и снова потянулся за яблоком. Он посмотрел на свои колени и проговорил, словно бы обращаясь к собственным рукам:

– Ладно, извини. Я просто... просто я бы сам хотел улететь. Но отец всегда больше любил тебя.

Если бы я в этот момент пил, то наверняка захлебнулся бы.

– Что? – пробормотал я, чуть не споткнувшись о ботинки, лежавшие рядом с сундуком. – Кровь императора, что ты сказал?

– Тебя посылают на Весперад, а мне достанется Обитель Дьявола. Какого перца мне делать в этой дыре? – Криспин снова откусил от яблока и тоже уставился в окно. – Ты будешь там сражаться, охотиться за мятежными лордами и сьельсинами...

Он замолчал. В это мгновение я осознал, что неправильно понимал Криспина. Будучи младшим братом, он сам готовился к тому, чтобы улететь в неизвестность. Точно так же, как

я всегда считал, что Обитель Дьявола достанется ему, он был уверен, что ее заполучу я. Он мучился, полагая, что находится в моей тени, а я то же самое думал о нем. И мы даже не догадывались, что на самом деле это была тень нашего отца, которая душила нас обоих.

– Не разъедай себе мозги.

– Этого не было в моем списке неотложных дел.

Не могу сказать, шутил ли он или это действительно беспокоило его мальчишеский ум. А может быть, он хотел напомнить мне о том обеде, когда я окончательно лишился расположения отца. По грубым чертам лица Криспина трудно было судить о мозгах, что бурлят за этими безразличными глазами, зато у меня внезапно похолодела кровь.

Брат продолжал жевать, чавкая, как корова.

– Криспин, – наконец решился спросить я, – почему ты вообще здесь?

– Я же тебе говорил! – удивленно заморгал он. – Хотел попрощаться с тобой.

Он встал, оказавшись так близко, что мог похлопать меня по спине:

– Мы не скоро увидимся снова.

Стоя так, плечо к плечу, мы молча смотрели в окно.

Криспин еще раз с шумом откусил от яблока:

– Последние несколько месяцев... это было что-то особенное. Отец говорит, я смогу снова драться на Колоссо.

Молча кивнув, я повернулся, чтобы забрать со стола блокнот и бесценный томик «Короля с десятью тысячами глаз», и тут Криспин добавил:

– Но то, что случилось с Гибсоном, это просто позор. Не могу поверить, что старый сукин сын оказался предателем.

Я стоял неподвижно, лед в моих венах превратился в гранит. Сквозь сжатые зубы, словно челюсти мои были связаны проволокой, я прошипел:

– Не хочу об этом говорить.

Однако ничего не замечающий, тупоголовый Криспин продолжал грызть яблоко и болтать:

– Ты видел, какое у него было лицо? Просто отвратительно. Он выглядел как какой-нибудь работяга.

Я хлопнул рукой по оконной раме из полированного красного дерева, так что алюмо-стекло загрохотало, как барабан, обернулся и посмотрел в округлившиеся глаза Криспина под прямыми бровями. Кусок яблока во рту нелепо раздувал его щеку.

– Чего ты так взбесился? – спросил брат.

Он ничего не понимал. В самом деле ничего не понимал.

– Гибсона больше нет, – прошипел я.

– Он был просто нашим слугой.

Криспин проглотил кусок и повертел плод, выбирая, где бы откусить в следующий раз. Я выбил яблоко у него из руки. Оно со стуком упало на плиточный пол и отскочило к двери. Брат поглядел на меня, удивленно растянув пухлые губы.

– Зачем ты это сделал?

«Ярость ослепляет», – напомнил я себе.

Голос Гибсона, бормочущего древнюю мантру схоластов, звучал в моей голове. Но другой голос – мой собственный – ответил:

– Он был моим другом.

Криспин недоверчиво уставился на меня:

– Он пытался похитить тебя и сделать одним из этих импотентов-схоластов. Он соби-рался продать тебя экстрем!

– Ничего этого не было, дебил!

Мои ноздри трепетали, лицевые мышцы напряглись и затвердели в угрозе, от которой было всего два шага до ярости. Я понимал, что не должен это говорить, что кто-нибудь из офицеров Разведывательной службы дома Марло может услышать мои слова, но мне было уже все равно.

Обычно бледное лицо Криспина пугающе быстро побагровело.

– Не смей этого делать!

– Называть тебя дебилом?

Я шагнул ближе, туда, где руки Криспина могли дотянуться до меня. Кости правой руки заныли, напоминая о том, как опасно подходить близко к самому крупному из семьи Марло. Но утром я должен был улететь – или ночью, если все пройдет по плану. И это нужно было сказать:

– Ты дебил.

Поэты утверждают, что ярость – это огонь, всепоглощающий, разрушительный, толкающий к безумным поступкам. Они поют о мести, о любовниках, убитых под покровом ночи, о пожаре страстей, разрывающих семьи на части. Но схоласты правы, ярость не обжигает, а ослепляет. Мир расплывается в красное пятно. Это свет, а не огонь. И если точно настроить этот свет, он может резать, словно сталь. Я видел, как губы Криспина дернулись, чтобы высказать едкое замечание, которое так и не достигло моих ушей. Даже не покинуло его губ. Я ударил его по щеке тяжелой книгой, которую держал в правой руке, и он, пошатнувшись, упал на пол.

– Он хотел помочь мне, идиот! – Я бросил книгу в сундук и встал над братом. – Я сам попросил его об этом.

Криспин приподнялся на четвереньки и затряс головой, словно пытаясь избавиться от звона в ушах.

– Я же говорил тебе, Криспин, когда мы улетали из дома: я не хочу быть приором. Я не верю во всю эту чушь.

Или я только собирался это сказать. Криспин вскочил на ноги, испустил дикий вопль и бросился на меня, ударив руками в живот, словно стенобитный таран.

Мы врезались в огромное окно, и мой затылок затрещал от удара об алюмостекло. Не имея, в отличие от меня, опоры за спиной, Криспин потерял равновесие и едва не упал.

Я оттолкнул его, но он удержался на ногах, развернулся и снова кинулся ко мне с кулаками.

– Ты за это заплатишься! Слышишь? – закричал он.

«Ярость ослепляет», – твердил я себе, но это уже не имело значения. Внутри у меня все кипело, жгло затылок и смывало остатки благоразумия. Расправа над Гибсоном, нападение на меня на улицах Мейдуа, конфуз перед делегацией мандари – все это вырвалось из темных уголков памяти, сливаясь со злостью на отца, не признавшего меня наследником, с презрением к Капелле и завистью к брату.

Криспин широко размахнулся, но я блокировал удар предплечьем. Все это показалось бы легкой детской забавой, не будь мальчишка так чудовищно силен. Мы оба, как палатины, превосходили в росте и силе обычных людей, но брат был на целую голову выше и на двадцать фунтов мышечной массы тяжелее меня. Я старался держать его на дистанции, отразил его левый джеб, подставив плечо так, чтобы удар прошел по касательной, а потом, выбрав удачный момент, пнул его по слишком далеко выставленному вперед колену. Он пошатнулся и ощерился, а я успел сказать:

– Убирайся отсюда, Криспин!

– Не дожدهшься!

Он снова атаковал меня, но я отскочил в сторону, и Криспин налетел на тяжелое окно. Он удержался на ногах, оставив на алюмостекле жирный отпечаток ладони. Меня обрадовало и даже впечатлило то, что при всей своей разъяренности я все же не уподобился брату. Кровь бурлила во мне, я до хруста стиснул зубы, но все-таки сохранял контроль над собой. Сохра-

нял холодный расчет. Возможно, Криспин обезумел от ярости, возможно, ярость просто не существует в чистом виде. Он снова набросился на меня, атаки сыпались градом, как легионеры пикируют из космоса на бронированных десантных кораблях. Я получил жестокий удар в висок, но выдержал его. Пригнувшись, я резко развернулся и ударил брата ногой в подбородок. Ошеломленный, Криспин отшатнулся назад и с большим трудом сохранил равновесие. Он затряс головой и фыркнул, как рассерженный бык.

– Думаешь, ты лучше меня? – крикнул он и ткнул пальцем в пол. – Ты всегда так думал!

Пользуясь мгновением передышки, я вытер нос и увидел на ладони кровь.

– Я думаю, что ты болван, Криспин.

Встряхнув руками, я принял боксерскую стойку. Брат широко размахнулся, но я поднырнул под его руку и ударил в ответ по животу. Еще раз и еще. Он крикнул и двинул локтем мне по плечу. Я присел на одно колено и перекатился в сторону, задев стопку белья, оставленную на полу, а затем резко поднялся и успел схватить Криспина за запястье. Он рубанул свободной рукой по моей, и я отпустил его.

– Просто остановись, – проговорил я, тяжело дыша. – И уйди.

– Ты ударил меня.

Он лягнул меня, попав по бедру, и я поспешно отступил, топча осколки моей прежней жизни – одежду, книги и прочие глупости, которые собирался взять с собой.

Криспин повторил с еще большей злобой:

– Ты первым меня ударил.

– Не будь ребенком, – не удержавшись, усмехнулся я. – Это был слабый удар. Попробуй еще раз.

Я видел, как налились кровью белки глаз Криспина, когда он занес ногу для нового пинка. Он хотел застать меня врасплох, но я хорошо знал своего брата и был уверен, что он клюнет на приманку. Я ухватил его за лодыжку и опрокинул на спину. Он потащил меня за собой, и я, падая, ткнул ему локтем в живот. А затем, не медля ни секунды, нанес боковой удар в лицо. Криспин на мгновение замер, и я успел вскочить на ноги.

– Лежи смирно, – сказал я, отступая назад, в надежде, что дистанция между нами успокоит его.

Задыхаясь, Криспин прохрипел:

– Пошел... ты.

Он упал рядом с моим дорожным сундуком и мог разбить голову об угол, но ему повезло. Ухватившись за край сундука, Криспин подтянулся и сел, опираясь на него спиной и опустив голову.

Я стоял, выставив кулаки перед собой и выжидая, готовый снова приложить ногой ему по лицу, если он задумает какую-нибудь глупость. Грудь моя все еще ходила ходуном, голос внезапно сделался глухим и искаженным.

– Не вставай, – сказал я, но это был голос не девятнадцатилетнего эфеба, а слабого, усталого старика. – Сиди где сидишь, Криспин.

Он потер подбородок рукой и заговорил. И слова его были глупые и страшные:

– Эта твоя девочка, лейтенант. Знаешь, что с ней будет, когда ты улетишь? Она получит то же, что и Гибсон. А после этого...

Я не дослушал. Свет ярости захлестнул меня. Не знаю, праведный гнев это был или обыкновенная глупость, но я бросился на Криспина.

Его тяжелое тело вылетело на меня из разбросанных по полу вещей, словно выпущенное из катапульты. Я пригнулся, обхватил брата за ноги и, используя инерцию движения, приподнял его и бросил через плечо. Он распластался на кафельном полу, я слышал, как судорожно вырвался воздух из его легких. Без тени сомнения, не задумавшись даже на секунду над тем, что собираюсь сделать, я ударил его ногой по голове. Он обмяк и потерял сознание.

Все закончилось очень быстро. Насилие всегда заканчивается быстро. Без всяких декре-
шцендо, как в музыке. Оно просто прекращается. Останавливается. Как гаснет свет.

Тяжело дыша, я пытался успокоить свои мысли, пытался утихомирить водопады, реву-
щие во мне и стекающие в темные пещеры паники. Не знаю, сколько я так простоял с бешено
бьющимся сердцем. Час? Месяц? Минуту? Это не могло затянуться надолго. Каждый атом,
каждый кварк во мне гудел, дребезжал, как струна скрипки, пока ее не натянут до полной
неподвижности. Я попробовал применить дыхательное упражнение, которое, еще в пору моего
детства, показал сэр Феликс, или сосредоточиться на величественном здании памяти и фак-
тов, которое учил меня выстраивать Гибсон, лишь бы обрести спокойствие и заглушить гро-
хочущий ритм в моей крови. Я присел на корточки и приложил ладонь к губам Криспина. По
крайней мере, он дышал. Это уже кое-что.

Я не убил его, он живой.

Разумеется, камеры были установлены повсюду. Я отыскал одну из них, крохотное отвер-
стие в углу, похожее на темный глаз, бдительный, как стая ворон, сидящая на перекладине
виселицы. Я оскалил зубы, не зная еще тогда, что повторяю гримасу, которой сельсины выра-
жали глубочайшую радость, и принялся собирать свои пожитки, набрасывая их как попало в
сундук, – его я собирался взять с собой в изгнание, либо в то, либо в другое.

– Адриан!

Потрясение или ужас изменили этот голос, и он казался чужим, но говорящая назвала
мое имя.

Леди Лиλιана, остолбенев, стояла в дверях, позабыв убрать руку с замка. По случайности
или с благословения каких-то неведомых богов она пришла совершенно одна. Без охранников,
без свиты.

– Что ты наделал?

– Он напал на меня, – солгал я, уже не заботясь о последствиях, но через мгновение
решил подстраховаться: – Он говорил гадости. О Гибсоне. И о лейтенанте.

Я оглянулся через плечо на неподвижное тело брата:

– А почему ты здесь? Уже пора?

Она внимательно посмотрела на Криспина:

– Теперь пора.

– Прости, мама. Я не думал, что он придет. Я просто ждал твоих людей, как ты велела, а...

Она мягко положила руки мне на плечи и шикнула на меня:

– Нет, все хорошо. Все просто прекрасно.

– Прекрасно? – чуть ли не выкрикнул я. – Во имя императора, что тут прекрасного?

Всегда оставаясь режиссером, леди Лиλιана взглянула на меня так, будто я был одним
из ее голографических актеров, и тихо сказала серьезным и печальным голосом:

– Ты нашел для меня выход. Я просто скажу, что ты украл мой шаттл и сбежал посреди
ночи. Ты ведь умеешь им управлять?

Я кивнул:

– Учился у сэра Эрдиана с семи лет.

– Хорошо. Но в любом случае возьми моих людей. Тебе может понадобится помощь.

– У тебя будут из-за этого неприятности?

– Твой отец не посмеет меня и пальцем тронуть. Здесь правит мой дом, а не его. Тебе
нужно спешить. Возьми все, что сможешь.

Она легонько подтолкнула меня к тяжелому сундуку, который я привез из дома. Накло-
нившись, я вытащил из-под Криспина свои брюки и запихнул их под крышку, а сверху набро-
сал еще кучу вещей.

Внезапно меня осенила непрошенная, но тягостная мысль:

– Они могут просмотреть записи. И увидеть, как мы с тобой разговариваем.

– Разве они видели, как ты разговаривал с Гибсоном в тот день, когда его истязали?
Я замер, держа в руках винно-красные носки.

– Это сделала ты?

Во имя Земли, не могла же она взломать базу данных охраны Обители Дьявола?

– Поблагодаришь меня, когда окажешься в безопасности за пределами системы. А сейчас поторопись.

Она набрала код на своем терминале.

Я забросил носки в сундук и на мгновение остановился:

– Мама?

– Да, сын?

В ее тоне слышалась едва уловимая улыбка, которую я никогда не забуду.

Захлопнув крышку сундука, я обернулся:

– Почему ты это делаешь?

Мать застыла, превратившись в мраморную статую, словно я поймал ее в ловушку, как горизонт черной дыры ловит свет. В какой-то момент я подумал, что она больше никогда не сдвинется с места.

Криспин на полу вдруг простонал:

– Мама?

Жуткая изломанная усмешка проступила на каменной маске, которую мать называла своим лицом. О боги, в другой жизни она могла бы стать даже лучшим схоластом, чем Гибсон!

Спустя несколько секунд вечности она сказала дрогнувшим голосом:

– Ты всегда был моим любимчиком.

От необходимости что-то ответить меня спасло появление двух легионеров дома Кефалосов... и Киры. Лейтенант бросила лишь мимолетный взгляд на неподвижное тело Криспина.

– Мастер Адриан, следуйте за нами.

– Кира?

Я посмотрел на мать – все встало на свои места.

– У нас нет времени, – деловито покачала головой девушка.

– Так это вы были глазами моей матери? – спросил я и еще раз оглянулся на леди Лилиану – она улыбнулась.

– Нам нужно идти! – отрезала Кира.

Легионеры взяли мой сундук. Их лица были скрыты за белыми забралами, и люди казались какими-то нереальными. Как часть моего сна. Часть игры.

Я встретился взглядом с матерью:

– Спасибо тебе.

Это последнее, что я ей сказал. И как всегда случается с последними словами, их было недостаточно.

Глава 19

Край мира

Свободный торговец оказался совсем не таким, как я ожидал, – а впрочем, я не могу точно сказать, чего именно ожидал. Деметри Арелло был джаддианцем, тонким, как рапира, и с кожей цвета тосканской бронзы. Он улыбался, сверкая такими белыми зубами, что я принял их за керамические импланты.

– Когда отчаяние заставляет аристократа опуститься до моего уровня, это странно, – с некоторым самоуничижением рассмеялся он и откинулся на спинку стула, приглаживая яркие, как звезды, волосы. Они были даже ярче его зубов – блестящие, серебристо-белые.

– До вашего уровня? – переспросил я, наливая себе вина из графина. – Что вы хотите этим сказать?

Снаружи было жарко и парило, из-за арочной двери доносился шум строящегося возле пристани дома.

– У меня быстрый корабль, но это не роскошный круизный лайнер, – улыбнулся Арелло и оценивающе посмотрел на меня, сосредоточенно покусывая губу. – Вам будет на нем не так удобно.

Торговец провел по гладкому подбородку унизанной кольцами рукой, улыбка его ни на мгновение не дрогнула.

– Меня не интересуют удобства, – ответил я. – Мне нужно только добраться до Тевкра.

Он перебил меня, взглянув на сидевшую между нами Киру:

– Это очевидно, что вы стремитесь не к комфорту, иначе наверняка взяли бы ее с собой.

Деметри опять улыбнулся. Он вообще все время улыбался. Кира не удостоила его ответом. Я ощущал волнами нарастающее в ней напряжение. Она хотела поскорей покончить с этим.

– Если бы я стремился к комфорту, мессир, то остался бы дома.

– Верно. Но, насколько я понимаю, у вас нет дома, в котором можно остаться. – Он наклонил стакан и поморщился. – Скажите на милость, как вы, имперцы, пьете эту лошадиную мочу? У меня на родине человека, осмелившегося торговать такой гадостью, побили бы камнями.

– У вас быстрый корабль? – спросила Кира, очевидно совсем потеряв терпение.

– Ту леди, что зафрахтовала меня, скорость вполне устраивала.

Несмотря на свое возмущение, он снова схватил графин, наполнил стакан темно-красным напитком и отпил уже с более заинтересованным видом:

– По крайней мере, оно крепкое.

Он поставил стакан на стол и наклонился в сторону, поправляя полы оранжевого с зеленым халата, надетого прямо на голый торс.

– Послушайте, если вам нужно попасть на Тевкр, «Эуринасир» доставит вас на Тевкр. Мы летим через Обаталу и Сиену. Это тринадцать лет пути.

– Через Обаталу... – Я замолчал и глубоко задумался. – Разве это будет не прямой рейс?

Я оглянулся на Киру, которая прилетела сюда лишь для того, чтобы убедиться, что я сел на корабль торговца. Она сменила форму пилота на обычную уличную одежду – обтягивающие легинсы и свободную тунику с изображением саламандры дома Альбанов и с именем какого-то гладиатора с Колоссо. Наряд был ей к лицу.

– Прямой рейс? На Тевкр? – Арелло сдвинул снежно-белые брови. – Это за пределами долго, дружок. Мне не очень-то по душе идея отправиться в такую даль по спирали только ради работы курьером. У меня есть команда, которую нужно кормить, которой нужно платить. И если уж мы летим так далеко, можешь поставить свою белую палатинскую задницу на то, что

мы будем делать остановки и торговать. Война повысила спрос буквально на все – и ловкий человек может сейчас сделаться королем.

Кира наклонилась ко мне и прошептала:

– Мне очень не нравится, милорд, что мы напрасно тратим время. Меня скоро должны хватиться.

Вопреки моим возражениям, она настояла на том, чтобы сопровождать меня в винный погребок на встречу с джаддианским капитаном, несмотря на то что ей еще предстоял четырехчасовой полет обратно в Аспиду. Уже наступило утро, и, судя по часам на стене, оставался всего час до назначенного времени моего отлета сначала к «Дальноходу», а потом на Весперад. Свой терминал я оставил в летнем дворце, чтобы меня не выследили по его сигналу.

– Вас, вероятно, уже хватились, – сдержанно ответил я, все еще не решаясь посмотреть ей в глаза.

Пилот, пусть даже и младший, обязан присутствовать на предстартовой проверке. Я надеялся лишь на то, что у матери хватит сообразительности потянуть время. Возможно, она просто скажет, что я при побеге оглушил заодно и Киру и бросил в бессознательном состоянии в таком месте, где ее трудно было отыскать. Мать должна что-нибудь придумать.

– У вас там личный разговор? – спросил Деметри с мелодичным, по-кошачьи ленивым и протяжным акцентом. – Или я могу вмешаться? Мне, так же как и вам, не нравится безделье, но я должен убедиться, что мы нашли взаимопонимание.

Он приложил руку к сердцу, словно вассал, присягающий своему сеньору. Я с подозрением прищурил глаза:

– Какое еще взаимопонимание? Вам ведь уже заплатили, если не ошибаюсь?

– Да, да, – энергично закивал Деметри. – Пять тысяч хурасамов авансом; и пообещали еще девять тысяч марок из вашего банка на Тевкре, когда вы прибудете на место. – Он махнул рукой, словно бы отметая подозрения, как отгоняют мясных мух. – Это все очень хорошо, но как бы сказать? Вы ведь нобиль. А у нобилей все всегда... как это называется? – Он выразительно посмотрел сначала на меня, а потом на Киру. – Запутано?

Мы уставились друг на друга, словно ожидая, кто из нас первым моргнет. Я часто замечал, что молчание – самый эффективный прием в любом разговоре. Так я и перемолчал марки-танта. Шум стойки на мгновение утих, и стало слышно, как кто-то кричит на уличном жаргоне.

– Вы ведь не преступник, нет?

Застигнутый врасплох, я в удивлении поднял брови:

– В смысле? Нет.

Что моя мать ему наговорила?

– Я просто не хочу подвергать моих людей опасности, – объяснил Деметри, не сводя с меня глаз.

Он опять налил себе вина и не сдержал разочарованную усмешку, услышав плеск напитка, наполнившего стакан:

– У нас хватает своих проблем и без того, чтобы вмешиваться в делосианскую политику.

Я искоса посмотрел на выцветшую рекламу оперы с обнаженной чернокожей женщиной, державшей в руке меч и наступившей босой ногой на голову павшего имперского легионера. На плакате было написано: «Тиада, принцесса Тракса».

– Вы как раз и увезете меня подальше от делосианской политики.

Деметри уже готов был заспорить, но я переключился на джаддианский:

– Послушайте, вы ведь родом из Княжеств Джадда?

– Да, да. Si, – заморгал чужеземец, и на его остром лице проступило удивление.

Он продолжал наблюдать за мной сквозь полуопущенные веки.

– Как вы относитесь к Земной Капелле?

Веселое выражение исчезло с лица Деметри, он скривился, словно хлебнул кислого вина.

Довольный произведенным эффектом, я продолжил разговор на том же джаддианском:
– Так я и думал. Получается, что мы относимся к ней одинаково, *mí sadji*. Так вот, меня хотят послать в семинарию. А вы помогаете мне сбежать.

Я попытался улыбнуться, но у меня получилась лишь кривая усмешка, обычная для моей семьи. Я осознал, как звучат мои интонации, как выглядит мой лоск представителя имперской элиты, отпрыска одного из старейших домов во внутренних мирах. Этот голос больше подходил злодею из оперы вроде той, которую рекламировал безвкусный плакат, наклеенный на стене погребка.

Деметри выпятил острый подбородок, наклонился над стаканом и прошипел, на этот раз на имперском галстани:

– Значит, оставить с носом Капеллу?

Он оглянулся через плечо на комнату отдыха, где двое любителей джубалы курили кальян, то ли первые утренние посетители, то ли последние из ночных. Больше в этом мрачном заведении никого не было. Деметри продолжал следить за ними.

– Я уже слышал об этом от наших общих друзей из консорциума. Просто хотел убедиться, что тут нет ничего другого. Более... грязного.

В моем воображении расцвела картина с неподвижным телом Криспина, лежавшим на полу. Взглянув на напряженное лицо Киры, я понял, что она почувствовала то же самое.

– Нет, нет. Ничего похожего.

Если Деметри и заподозрил меня во лжи, то это его, казалось, не беспокоило. Он одним залпом допил вино, так что у него перехватило дыхание от этой гадости, прищурился и низким голосом спросил:

– Кто вы такой?

– Я же вам говорил, – ответил я, – меня зовут Адриан.

Он погрозил мне длинным пальцем, и я заметил татуировку, слабо блеснувшую на тыльной стороне его ладони.

– Нет, нет, нет, нет. Может быть, я родом и не из вашей Империи, но меня нельзя пнуть, как собаку, или лгать мне в глаза. Вы не просто Адриан. А эта малышка, – он указал пальцем на Киру, – не ваша подруга. Она слуга? Или, может быть, телохранитель?

Я замешкался с ответом, и его лицо растянулось в хитрой усмешке торговца. Он сел на место, тихо посмеиваясь себе под нос и теребя пальцами треугольный медальон на шее.

– Из какого вы дома? Фэн не говорила.

Понимая, что нет смысла отпираться, я стащил перстень с большого пальца и протянул ему. Хоть он и был чужеземцем, но все равно нахмурился:

– Нужно было отказать этой стерве.

– Если вы улетите быстро, у вас не будет проблем, – сквозь зубы процедила Кира, видимо задетая словом «стерва», брошенным в адрес моей матери – ее тайной хозяйки.

– Марло... – Не обращая на нее внимания, Арелло со стуком опустил стакан на стол. – Марло... Это не на вас случайно напали? Не так давно. Сзади, на выходе из борделя, правильно?

В присутствии Киры это меня особенно взбесило. Я хлопнул рукой по столешнице, вчерашняя ярость снова расцвела во мне.

– Это был не бордель!

Деметри снова зашелся сухим деревянным смехом, привлечшим внимание двух курильщиков джубалы, сидевших возле арки, что вела на балкон.

– Значит, это были вы!

Я поморщился. Старый трюк, описанный во многих книгах.

– Это случилось после Колоссо.

– Все равно. – Деметри наполнил мой стакан и махнул рукой. – Ваша симпатичная телохранительница права, доми. Мы должны улетать. Немедленно, – он поднял графин, словно собирался произнести тост, – но бабушка учила меня не разбрасываться вином, даже такой козлиной мочой, как это. Ваше здоровье, *mi sadji. Buon atanta.*

– *I tuo*, – ответил я и проглотил пойло.

Карч лежал на самом краю мира, так далеко от цивилизации, как это только возможно для планет, подобных Делосу. Если бы наши картографы сохранили романтику своих древних коллег, они могли бы изобразить в окрестных водах драконов и морских змеев. Тогда как гордые башни Мейдуа тянулись к серым небесам, словно воздетые в молитве руки, Карч был плоским, беспорядочным нагромождением двух- или трехэтажных домов, разбросанных вдоль скалистой гряды, окружавшей бухту. В серо-голубой воде плавали, словно мусор, понтоны и баржи, пришвартованные к бетонным пирсам, что выступали из береговой линии подобно рыбьим костям. Здесь собралось великое множество кораблей: парусных, паровых и космических.

И людей. Земля и император, еще и людей. Ужасная толчея, давящая, зловонная и шумная. Я был на голову выше любого плебея в этой толпе, поэтому ссутулился, забросил на плечо ранец и расстегнул на груди рубашку, спасаясь от непривычной жары. Двое легионеров матери, переодетых в штатское, несли мой сундук, следуя на почтительном расстоянии позади меня. Кира шла впереди с таким решительным видом, что толпа сама расступалась перед ней. Понтоны под нашими ногами раскачивались на слабых волнах.

Деметри ушел раньше, и когда мы приблизились к плоской темной лепешке его корабля, приютившегося в бухте, он заковылял нам навстречу. Торговец распахнул оранжево-зеленый халат, и шелковая ткань развевалась на ветру позади него. Он поднял руку и помахал мне. Я увидел его и поспешил навстречу, проскочив между двумя широкоплечими моряками, разгружавшими лодку, почти не заметив их, поскольку все мое внимание занимал матово-черный звездолет, прижавшийся к поверхности воды.

Корабль джаддианца напомнил мне катамаран: две толстые турбины, установленные по его бокам, выступающие спереди и сзади сорокаметрового корпуса. Купол из алюмоплекла выглядывал между ними, словно замаскированный глаз, а на корме возвышалась тонкая управляющая спираль с двумя тяжелыми плавниками, работавшими как воздушные рули, когда корабль плыл по воде. Весь корпус, изготовленный из адаманта и ударопрочной керамики, с добавлением деталей из алюмоплекла и чистого титана, был черен, как сам космос. Возможно, на слух это звучит обнадеживающе, и окажись на моем месте техник с какой-нибудь отдаленной фермы, не имеющий и двух хурасамов за душой, он наверняка бы так и решил. Но поскольку я был сыном архонта, вид корабля вызвал у меня... беспокойство.

Тонкие трещинки покрывали керамический корпус и были местами заварены, а кое-где просто замазаны. Наполовину облезшая эмблема на носу корабля изображала сложенные лодочкой ладони, которые поддерживали текущие струей джаддианские буквы, составляющие слово «Эуринасир», а дым, что поднимался от прогревающегося термоядерного двигателя, придавал кораблю сходство с древним, работающим на дровах паровозом. Если где-то здесь и был генератор компенсирующего поля, то я его не заметил.

– Отличный корабль, капитан! – крикнул я, опуская руку. – Надеюсь, мы не заставили вас ждать?

Прошло, должно быть, полчаса с того момента, как мы расстались в грязном винном погребе, пропитанном вонью джубалы. На понтонном пирсе пахло озоном от ядерного двигателя и дизельным топливом от наружных турбин.

Деметри Арелло улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и завязал зеленый кушак вокруг тонкой талии.

– Вы как раз вовремя. Идем скорей. – Он бросил взгляд на двух переодетых солдат, поставивших мой сундук на настил, и улыбка его померкла. – Если бы я даже не был уверен в том, кто вы такой, это разрешило бы все мои сомнения. Мы сами занесем его внутрь.

Он опять покусал губу, разглядывая меня, словно какое-нибудь насекомое под стеклом, и забарабанил пальцами по ноге.

– Минутку, – сказал я и обернулся к Кире. – Вы сделали все, что могли, лейтенант. Забирайте остальных и возвращайтесь. Если повезет, вы еще можете успеть.

Она покачала головой, заложив большой палец за пояс своей туники:

– Уже слишком поздно.

Внезапно заинтересовавшись носками своих сапог, я проговорил, обращаясь к ним, а не к стоявшей напротив меня девушке:

– Мне очень жаль.

Я ждал, что она что-нибудь ответит. Не важно что. Скажет, что все в порядке.

Вспомнив о том, чем Криспин угрожал ей, я добавил:

– Моя мать защитит вас. Я уверен. Попросите ее перевести вас на службу к моей бабушке. Куда-нибудь подальше от замка.

«От моего брата».

– Со мной все будет хорошо, – отстраненно произнесла она и повернулась, чтобы уйти.

Я не мог винить ее за эту спешку, но все же удержал за предплечье:

– Подождите, Кира.

Она оглянулась вполоборота и сердито посмотрела на остановившую ее руку. Возможно, решила, что я снова собираюсь ее поцеловать. Но ничего похожего не произошло. Я понимал, что это важный момент, понимал, что вижу последнее знакомое лицо из моей прежней жизни. Последнего человека из подошедшего к концу детства. Я хотел сказать что-нибудь такое, что она запомнила бы. Но просто отпустил ее, прижал к груди кулак, отдавая салют, и повторил:

– Мне очень жаль.

Я хотел, чтобы она ответила. Но она промолчала. Только развернулась и скользнула между двумя легионерами, которые повторили мой салют и тоже растворились в толпе. В своих воспоминаниях я вижу, как стою на раскачивающемся пирсе и смотрю вслед уходящим солдатам, одетым как обычные люди. Но это только сны.

Не прошло и секунды, как Деметри требовательно ухватил меня за плечо:

– Идем скорей, мальчик. Мы теряем время.

– Да, – слабо ответил я, вытягивая шею, и проверил содержимое карманов: нож, обычное удостоверение личности, пригоршня хурасамов, письмо Гибсона и универсальная карта, которую я выбил у Лены Бейлем и Гильдии шахтеров. Двадцать тысяч марок – это большие деньги. Когда я окажусь за пределами планеты, вдалеке от назойливого внимания отца, этого хватит, чтобы начать любой вариант новой жизни. Несмотря на письмо Гибсона, я мог отправиться куда угодно. Двадцати тысяч хватило бы, чтобы попасть на любой корабль. И даже не один. Учитывая мое происхождение, я мог бы даже купить корабль в кредит и стать маркитантом или наемником. Я представил, как полечу к Иудекке подобно Симеону Красному, чтобы преломить хлеб с пернатыми ирчтани, чтобы увидеть всю Вселенную. Представил и невольно улыбнулся.

«Сначала Тевкр».

Я наклонился, чтобы помочь Деметри отнести мой сундук. Мы поднялись по трапу в холодную стерильную темноту воздушного шлюза, навсегда оставляя позади серебристое солнце и небо моей родины.

Глава 20

За краем карты

– Теперь мы можем лететь? – послышался хриплый женский голос, как только мы с Деметри поставили мой сундук между деревянными ящиками и железными бочками в низком трюме.

Воздух на борту «Эуринасира» был холодный, как и на большинстве других кораблей, а тусклый золотистый свет выхватывал из темноты лишь отдельные участки черных стен и истертого металлического пола. Здесь пахло пороховой гарью, машинным маслом и окалиной. Ржавчиной. Не самый приятный и не внушающий особой уверенности запах. Корабль использовали очень долго – по крайней мере несколько десятилетий, а то и больше.

Я обернулся и увидел женщину в сером комбинезоне. У нее была такая же бронзовая кожа, как у Деметри, такие же сверкающие, словно звезды, волосы, только вдвое длинней, спадающие волнами до самых локтей. Я бы мог принять их за брата и сестру, если бы не видел просветлевшего лица Деметри, когда он подскочил к ней, обхватил руками и с низким горловым звуком прижал губы к ее губам.

– Джуно, познакомься с нашим новым другом! – указал он на меня. – Бассем уже подготовил двигатели? Я хочу смыться отсюда немедленно.

Женщина по имени Джуно подошла ко мне и протянула руку. Я нерешительно посмотрел на ее ладонь. Деметри смутил меня еще больше, сказав:

– Это Адриан Марло, миледи.

– Леди?

Я поклонился, ненадолго забыв о смущении, повинуюсь чуть ли не генетически заложенным правилам хорошего тона. Женщина еще несколько секунд простояла с протянутой рукой – я так и не понял почему, – а потом опустила ее.

Оба моих знакомых засмеялись, и Джуно ответила:

– Нет, я не леди. Деметри просто пытался очаровать меня, уж он такой. – Она приложила руку к груди. – Здесь нет ни одного нобилия.

Если бы она назвалась джаддианской принцессой, я бы поверил ей. На Джадде увлечение евгеникой переросло в нравственный закон, и даже люди среднего класса славились своей красотой. Ее волосы, так же как и у Деметри, не могли быть натуральными. Вероятно, эти изменения были приобретены неофициальным путем – первый признак того, что я покинул тщательно оберегаемые сады имперской жизни.

– Не считая его, – поправил Деметри и провел большим пальцем по нижней губе. – Этот парень королевской крови. Сын архонта.

Женщина просияла, глаза ее вспыхнули янтарем в желтом свете трюма.

– Правда? Никогда раньше не видела имперского палатина.

Я смущенно отвел взгляд:

– Теперь я больше не палатин, мадам.

– Зови меня Джуно, пожалуйста, – сказала она, подходя ближе и прищуриваясь, чтобы лучше рассмотреть меня в полутьме.

Когда мы встречались в баре на пристани, мне показалось, что Деметри высок ростом, но никто из джаддианцев не мог сравниться со мной. Я пытался решить, к какой категории причислить этих людей по имперским стандартам. Оба они явно имели кое-какие изменения крови, так что их нельзя было назвать плебеями. Значит, они патриции? Возвышенные, как сэр Робан и остальные рыцари отца?

Из корабельного динамика раздался колокольный звон, постепенно повышающийся в тоне, как у часов с боем. Затем послышался зычный мужской голос с таким же сильным акцентом, как у Деметри:

– Пассажир уже на борту, капитан?

– Да, Бассем! – отозвался Деметри и направился из холодного трюма к круглой надстройке. – Не спрашивай разрешения, просто стартуй. Сначала в море, а потом вверх. Ты знаешь курс. Мы сейчас придем.

Он остановился у двери в эффектной позе, ухватившись обеими руками за металлический каркас, словно актер перед выходом на сцену.

– Наверняка ты захочешь увидеть это.

«Вверх».

Это слово отозвалось музыкой у меня в груди, несмотря на то что все еще могло пойти не так. Я усмехнулся и двинулся следом за торговцем через надстройку и по грохочущей металлической лестнице, мимо закрытой стеклянной двери лазарета. Бледные лица двух женщин со следами грима посмотрели на нас из тени за дверью, и одна что-то спросила капитана – насколько я понял, на каком-то языке Демархии Тавроса, но Деметри оставил ее вопрос без ответа.

– Сколько человек у вас в команде, мессир?

– Зови меня Деметри, – поправил он, проходя в кают-компанию с низким потолком, – или капитаном, если тебе так больше нравится.

Овальный металлический стол с грубо приваренными к палубе скамьями занимал большую часть помещения. Здесь было совершенно пусто, случайные следы человеческого пребывания тщательно собрали и припрятали.

– Всего шестеро, не считая тебя. С моей женой, – он указал на Джуно, шедшую за мной по пятам, – ты уже знаком. А еще Бассем, близнецы, доктор Саррик и старина Салтус. – Деметри внезапно остановился и нахмурился. – Думаю, я буду седьмым, извини.

Космический корабль. Это был настоящий космический корабль, а не суборбитальный шаттл, к которым я привык, – из тех, что едва касаются края неба. У меня перехватило горло от волнения. Настоящий звездолет. И я на его борту. Я мечтал об этом моменте с самого детства, с тех пор как узнал, что Делос – это не весь мир, а только маленький планетарный остров в нем. «Эуринасир» дернулся под нашими ногами, послышался приглушенный звук вспенившейся воды. Меня отбросило к вогнутой стене коридора, и я едва не угодил в открытый люк на нижнюю палубу.

– Эй!

Маленькое, пепельного цвета лицо посмотрело на меня из люка. Сначала я подумал, что это ребенок, но у ребенка не могло быть такой сморщенной кожи. Даже Гибсон, чье рождение уходило так далеко в глубь столетий, что терялось в них, показался бы молодым рядом с этим гоблином. Конечно же, он был гомункулом, генетически измененным репликантом, как маленький герольд моего отца или синекожая гурия матери.

Тощее создание снова заговорило невероятно высоким голосом:

– Эй, Деметри, мы уже отчаливаем?

– Да, Салтус, – обернулся к нему джаддианец. – Пристегнись хорошенько. Мы идем вверх.

Маленький человечек подтянулся и вылез из люка, сморщившись еще сильнее. Он был не больше четырех футов ростом и фигурой напоминал орангутанга, которого я видел в зверинце бабушки. Его руки, покрытые густыми серыми волосами, едва не волочились по земле. Ноги были короткими и кривыми. Салтус улыбнулся, провел уродливой длинной рукой по лысому черепу и ухватился за черно-серую косичку, свисавшую сзади. Он обмотал ею ладонь, как петлей, и спросил:

– Это наш пассажир?

– Конечно, хакиф, это пассажир, – язвительно вставила Джуно.

В ее голосе чувствовалось почти такое же отвращение к этому существу, какое испытывал я, но еще и с оттенком усталости.

Гомункул Салтус покосился на меня, заплетая свою косу, словно жуткая пародия на маленькую девочку:

– Ты не говорила, что он такой же, как я.

Я вздрогнул, едва не подпрыгнув от неожиданности.

– Что ты хотел этим сказать?

С большим трудом мне удалось разжать кулаки. Между нами было не больше общего, чем если бы маленький монстр оказался съельсином. Гомункулы не были людьми, настоящими людьми. Они представляли собой лазейку в технологических запретах Капеллы – и, как всегда в подобных случаях, людская алчность и жестокость хлынули в это отверстие, как вино. Гомункулов создавали для таких работ, которые обычному человеку, даже припланеченному серву, показались бы унижительными. Но чтобы один из них сравнил себя со мной...

– Мы оба гомункулы. Оба родились в инкубаторе, – с сияющим видом сказал он и протянул мне руку точно так же, как до этого сделала Джуно.

Но я не взял ее, даже не понял смысла этого жеста. Рефлексы аристократа заставили броситься вперед.

– Я не гомункул! – крикнул я, не сумев сдержать отвращения в голосе.

– Уймись, Салт! – вмешался Деметри. – Не нужно дерзить. Этот парень платит лучше, чем ты.

– И пахнет тоже лучше, – добавила Джуно, расплывшись в улыбке.

«Эуринасир» вдруг завыл, его двигатели переключились с низкого хриплого рычания на высокий равномерный звук, словно глубокая вода текла по венам этого мира.

– Лучше устройся поудобнее, Салт, – сказала с усмешкой женщина, скрестив руки на груди.

Гомункул что-то проворчал, а Джуно повела меня за своим ярко разодетым супругом до конца коридора, затем вниз по короткой лестнице в стеклянный купол, который я видел снаружи. Капитанский мостик – а это, конечно же, был именно он – был построен в виде вытянутого вперед стального пальца, и выступающий над ним стеклянный пузырь позволял одинаково хорошо видеть и серебристое небо, и море. Салтус снова спрятался в люке, а перед панелью управления в слишком маленьком для него кресле сидел крупный, широкоплечий мужчина с кожей и волосами такого же черного цвета, как на знаменах моей семьи. В тот момент, когда я вошел, корабль преодолевал одну из редких морских волн, и меня сначала отбросило к овальной входной двери, а затем к панели с тихо мигающими приборами.

– Вы задержались. – Глубокий рокочущий голос мужчины перекрыл грохот музыки, что рвалась из его управляющей консоли. – Мы почти набрали скорость.

Деметри занял кресло рядом с ним и пристегнулся ремнями, а его крупный напарник тем временем повернул ряд красных переключателей у себя над головой, двигаясь слева направо.

– Никаких трудностей с транспортным контролем?

– В этом жалком захолустье? – фыркнул штурман. – Не слышал о таком.

Он с усмешкой обернулся к Деметри:

– Но я все же отрубил связь. Тошнит от их болтовни.

На мгновение он замолчал и включил серию голубовато-белых голограмм, повисших в воздухе. С легкостью, дающейся долгой практикой, он покрутил пальцами под светящейся масштабной сеткой и заговорил, обращаясь к пустому месту прямо перед собой, а корабельная система связи унесла его голос к гомункулу и тем, другим, мимо которых мы прошли.

– Если вы еще не пристегнулись, болваны, то сейчас самое время.

Корабль качнуло опять, и он прыгал на волнах добрых две секунды. Я повалился боком в низкое аварийное кресло. Джуну попыталась удержать меня – каким-то образом сама она умудрилась остаться на ногах. Кресло оказалось достаточно ровным и длинным, чтобы я мог развернуться в нем и пристегнуть ремни.

– Закрываю купол! – сказал Деметри и потянулся мимо второго пилота к небольшому рычагу.

Его пальцы заплясали по выгнутой консоли, словно по клавишам пианино, и музыка по-прежнему вопила и грохотала, когда лепестки обшивки сомкнулись над куполом и оставили нас в темноте. Я был очарован этой механической точностью – на такой огромной скорости – и совершенно забыл, что вижу пейзаж моего родного мира в последний раз. Он исчез, как исчезает свет в диафрагме камеры: сначала разделился на клинья, затем превратился в щелки и сменился тьмой. Делос пропал из вида, и внутренность купола заполнили голографические графики нашей траектории, корабельная телеметрия и пульсирующий скрежет музыки Басема.

А потом началось: слабое ощущение, будто мои внутренности проваливаются в беспросветную бездну, ярость расположенных на корме сдвоенных термоядерных двигателей. Мы взлетели. Поднялись по невидимой кривой в темноте к еще большей темноте впереди. Чего бы я не отдал за возможность посмотреть в иллюминатор в этот момент!

– Мальчик, ты ощутишь это через пару мгновений! – крикнул Деметри, заглушая грохот музыки и рев термоядерного пламени.

Он не ошибся. Ускорение навалилось внезапно, как будто ужасный сапог придавил меня к креслу. Я сидел лицом к оси корабля, под прямым углом к вектору тяги, и голову мою прижало виском к подголовнику. Я чувствовал, как мышцы цепляются за кости, ощущал всю тяжесть этих крюков из плоти; Делос не хотел отпускать меня. Картина перед глазами размылась, оплывая, как горящая свеча. Я застонал, но мой стон потерялся в реве фальшивящей гитары и мерзкого голоса, ревушего из корабельной консоли.

А затем все кончилось, растворилось в пустоте. Даже музыка прекратилась.

– Эй! – рявкнул штурман, толкнув капитана в плечо. – Я, вообще-то, это слушаю!

– А нам нужно убедиться, что никто не рассердился на то, что мы стартовали без разрешения, но я не могу сосредоточиться под этот skibus, который ты называешь музыкой, – огрызнулся в ответ Деметри, используя джаддианское слово, означающее «дерьмо».

Он пробежался пальцами по кнопкам пульта и скорчился, пытаясь рассмотреть информацию на экране.

– Не вижу никаких запросов. А ты?

– Пока ничего, – покачал головой Басем, – но нам еще лететь несколько часов, прежде чем мы сможем уйти в варп. – Он с любопытством оглянулся на меня. – Я слышал, ты сказал Салту, что этот парень королевской крови?

Он перебрал рычаг, который до этого трогал Деметри, отстегнул ремни и повернулся вполоборота, чтобы лучше разглядеть меня.

– А ты не боишься, что ООС сядут нам на хвост?

– Орбитальные силы? Нет, не сядут, если те коды, которые передала нам леди, окажутся верными, – парировал Деметри. – Держи их про запас, если кто-то нас вызовет. Не хочу привлекать к себе внимание раньше времени.

Я почти ничего из этого не слышал, отвлеченный не тем, что происходит, а тем, что исчезло. Гравитация. Я висел в невесомости, удерживаемый ремнями, и, расслабив руки, наблюдал, как они плывут, словно щепки, в воздухе передо мной.

Невольно рассмеявшись, я спрятал лицо в ладонях. В соседнем кресле отстегнулась Джуну и выглянула из-за подголовника, чтобы посмотреть на меня.

– Почему ты смеешься? – спросила она, сдвинув брови, и обернулась за поддержкой к Деметри.

Капитан не смотрел на нее, набирая на пульте команду открыть купол. Только теперь я заметил, что рев двигателей стих, а далекий металлический звон подчеркивал тишину, установившуюся после того, как отключили термоядерный реактор и сняли радиационный поглотитель. Я не слышал его раньше, но, когда исчезли все прочие шумы, он звучал в моих ушах так же отчетливо, как колокола Капеллы. А там, где несколько минут назад диафрагма закрыла от меня свет моего мира, теперь разверзлась темнота, полная и абсолютная.

Я отнял руки от лица, надеясь, что справился с эмоциями. В ушах у меня зашуршал голос Гибсона, так близко, что я почти почувствовал дыхание наставника над моим плечом: «Радость – это ветер, Адриан. Она может подхватить тебя и в ту же секунду бросить на скалы».

Я зацепился за первую часть этого высказывания и прошептал:

– Радость – это ветер.

– Извини, что?

Невесомость внезапно пропала, когда включилось поле подавления. Я никогда прежде не ощущал его вне влияния гравитации Делоса и пользовался им только для того, чтобы нейтрализовать инерцию при полетах с большим ускорением, а потому оказался неподготовленным к этому болезненному состоянию. Мои руки опустились, а тело вжалось в кресло. Меня словно бы завернули в тугую влажную простыню. Те немногие незакрепленные предметы, что плавали в воздухе – световое перо, пустая банка из-под какого-то напитка, колода игральных карт, – все упало на пол, но я еще чувствовал невесомость. Компенсирующее поле не было настоящей гравитацией, и даже искусственной не было. Оно только придавливало тебя к палубе, как бабочку под стеклом.

Внезапно почувствовав слабость, я пробормотал:

– Кажется, меня сейчас стошнит.

Джуно мгновенно достала бумажный пакетик, я поднес его ко рту и осторожно вздохнул.

– Что там за чушь насчет ветра? – спросил штурман, оборачиваясь и отстегивая ремни.

Я смотрел мимо него, на невыразимую красоту космоса: вечного, недоступного и чистого.

– Так говорил мой наставник, – ответил я.

Трое маркитантов по-прежнему глядели на меня, и я добавил:

– Он был схоластом.

Бассем почему-то насторожился, а Деметри и Джуно дружно кивнули:

– Это объясняет цель твоего путешествия.

– То есть? – спросил штурман.

– Мальчик, – указал на меня пальцем Деметри, – отправится под лед до тех пор, пока мы не сядем на Тевкре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.